

К 200-летию
Института востоковедения РАН

*Я буду считать, что труд мой с лихвою окупился,
если эти небольшие заметки послужат кому-либо
для справок в будущем путешествии на Формозу
или чем-нибудь дополнят написанное о ней.*

*П.И. Ибис,
прапорщик корпуса флотских штурманов
1876 г.*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Ц. Головачёв

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ТАЙВАНЯ
В МИРОВОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
XVII–XXI вв.**

Институт востоковедения РАН
Издательство «МАКС Пресс»
МОСКВА – 2018

УДК 94(510)
ББК 63(5Кит)
Г61

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Ответственный редактор А. Д. Дикарёв

Рецензенты: С. Г. Андреева, А. Г. Ларин, М. В. Крюков

Головачёв, Валентин Цуньлиевич.

Г61 Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII–XXI вв.) : монография / В. Ц. Головачёв; отв. ред. А. Д. Дикарёв. – Москва : Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. – 320 с.

ISBN 978-5-89282-784-3 (Институт востоковедения РАН)

ISBN 978-5-317-05799-2 (МАКС Пресс)

В книге представлены основные этапы и особенности развития мировой историографии, посвящённой изучению этнической истории и этнической политики на Тайване в XVII–XXI вв. Достижения основных научных школ, направлений и традиций (западной, японской, тайваньской и китайской), аккумулированные за четыре века национальных, региональных и глобальных исследований, впервые представлены во всей совокупности, органично включающей 200-летнюю российскую историографию.

Ключевые слова: историография, Китай, Россия, Тайвань, Формоза, этнополитическая история, этническая история, этническая политика.

УДК 94(510)

ББК 63(5Кит)

Golovachev, Valentin Ts.

Ethno-Political History of Taiwan in the World Historiography XVII–XXI : Monograph / Valentin Ts. Golovachev. – Moscow : Institute of Oriental studies, MAKS Press, 2018. – 320 p.

ISBN 978-5-89282-784-3

ISBN 978-5-317-05799-2

This book presents the evolution of the world historiography on the Ethno-Political History of Taiwan during the XVII–XXI c. The great achievements of all the main research domains, schools and traditions (Western, Japanese, Taiwanese and Chinese), accumulated during the four centuries of national, regional and global studies, are presented, for the first time ever, as the comprehensive, interrelated, integrated dynamic picture, that organically incorporates the 200 years old Russian historiography.

Keywords: China, Ethnic history, Ethnic policy, Ethnopolitical history, Formosa, Historiography, Russia, Taiwan.

ISBN 978-5-89282-784-3 © Головачёв В. Ц., 2018

ISBN 978-5-317-05799-2 © Институт востоковедения РАН, 2018

Содержание

Введение	8
Глава 1. Изучение этнополитической истории Тайваня россиянами в XVIII–XXI вв.	16
1.1. Полевые наблюдения и исследования российских мореплавателей, путешественников и учёных на Тайване в конце XVIII – 1-й трети XX в.....	17
1.2. Дистанционное изучение этнополитических аспектов истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XX вв.....	37
1.3. Современный этап изучения этнополитической истории Тайваня в России (с начала 1990-х гг. до настоящего времени).....	60
Глава 2. Исследования по этнополитической истории Тайваня в западной историографии (XVII–XXI вв.)	70
2.1. Сбор и систематизация сведений об острове в Европе в XVII–XVIII вв.	70
2.2. Продолжение сбора сведений и переход к научному изучению Тайваня европейцами в XIX в.	74

2.3. Западные публикации и исследования времён японского правления (1895–1945).....	79
2.4. Западные исследования и публикации в послевоенный период (1945 – н.в.) ...	87
Глава 3. Этническая история и этническая политика Тайваня в трудах японских учёных колониального и послевоенного периода (XIX–XXI вв.)	93
3.1. Этнологи на службе у политиков или этнология как основа «научного» колониального управления (1895–1928).....	94
3.2. Изучение японской этнической политики на острове в контексте мирового колониального опыта и продолжение этнологических исследований в 1928–1945 гг.....	107
3.3. Японские исследования в послевоенный период (1945 – н.в.).....	114
Глава 4. Изучение этнополитической истории острова в послевоенной и современной тайваньской историографии	119
4.1. Историография времён «Закона о военном положении» (с 1945 г. до конца 1980-х гг.).....	119
4.2. Исследования тайваньских учёных на этапе «тайванизации» с конца 1980-х гг. до 2010 г.	133

4.3. Исследования тайваньских учёных по аборигенной истории и этнической политике (середина 1980-х – 2010 г.)	148
4.4. Изучение этнических китайцев (<i>хакка, хокло, вайшэн жэнь</i>)	164
Глава 5. Этнополитическая история Тайваня в работах учёных КНР (1949–2010)	172
5.1. Инфраструктура и периодизация исследований в КНР	173
5.2. Ревизия общей периодизации: от возрождения с конца 1970-х гг. к интернационализации и «тайванизации китайского тайваневедения» в 1990-х гг.	183
5.3. Четвёртый этап (2000–2008 гг. и до н.в.): всекитайская мобилизация на борьбу с «декитаизацией» этнологии Тайваня	187
5.4. Перспективы исследований в историографии КНР.....	200
Заключение. Основные этапы, особенности и перспективы развития мировой историографии	202
Список историографических источников.....	234
Именной указатель.....	307
Указатель этнонимов	315
摘要.....	317
Summary.....	318

Введение

В российском востоковедении история Тайваня изучена относительно слабо, непоследовательно и фрагментарно. Многие стороны и этапы островной истории были и остаются «белыми пятнами» для российской науки, тогда как мировая наука уже добилась в их исследовании больших, глубоко впечатляющих результатов. Сказанное в полной мере относится к изучению этнической истории Тайваня и одного из важнейших её аспектов – этнической политики.

Под этнической историей в этой книге подразумевается всё историческое прошлое острова, так или иначе связанное с жизнью и деятельностью всех обитавших и обитающих на нём этнических групп, с их генезисом, развитием и взаимодействием в меняющейся полиэтничной среде.

Суть этнической политики в полиэтничном обществе на Тайване трактуется мною, исходя из известного определения политической системы по Д. Истону¹, как

¹ Д. Истон определил политическую систему как *совокупность взаимодействий, посредством которых ценности властно привносятся в общество и распределяются в нём (the authoritative allocation of values for a society)*. Все жизнеспособные политические системы выполняют две важнейшие функции: 1) предлагают обществу ценности; 2) вынуждают большинство членов признавать их как обязательные. Эти два свойства выделяют политическую систему из всех других типов социальных взаимодействий и называются *существенными переменными*. Д. Истон отмечает, что каждое общество обеспечивает определённые механизмы, пусть даже рудиментарные, для авторитетно-властного разрешения конфликтов по поводу преследуемых

целенаправленное, властно регулируемое распределение ресурсов и ценностей (богатство, полномочия и социальный статус) между разными этническими группами, интегрированными в устойчивую этническую иерархию, существующую в пределах общей экологической (природной) и социальной среды. Как субъективный фактор общественной деятельности, проводимая государством и правящей элитой политика оказывает мощное влияние на все этнические процессы и явления. С другой стороны, этническая среда тоже оказывает непрерывное, многоплановое, нередко решающее воздействие на формирование, эволюцию и смену государственно-политических систем и режимов. Поэтому этническую политику можно трактовать как сознательную адаптацию власти и её регулирующей функции к существующей системе этнических и межэтнических связей с целью эффективного управления, консолидации, стабилизации и развития полиэтничной общности. Отдельные этнические группы могут выступать и субъектами, и объектами этнической политики, сообразно их месту и роли в исторически сложившейся модели управления.

Наконец, этнополитическую историю можно коротко определить как совокупность сложно взаимодействующих, взаимовлияющих этнических и политических процессов, определяемых балансом этнических интересов в политике, а также закономерностями и спецификой политического управления в иерархизированных полиэтничных обществах.

целей. Авторитетно-властное распределение ценностей неизбежно. Очевидно, что без обеспечения механизмов отбора конкурирующих требований при ограниченных средствах общество будет расколото постоянной борьбой.

1 августа 2016 г. президент Китайской Республики на Тайване Цай Ин-вэнь выступила с заявлением, в котором «от имени правительства» принесла «глубочайшие извинения всем коренным народам за доставленные им страдания и несправедливое обращение в последние 400 лет». [Цай Ин-вэнь 2016] За какие именно «четырёхсотлетние» страдания от иноземных «пришельцев» принесены эти извинения, примут ли их сами аборигены и какова новая этническая политика, посредством которой правящие власти планируют изменить жизнь аборигенов, добиться торжества «исторической справедливости», равноправия и согласия представителей всех этнических групп острова? Ответы на подобные вопросы требуют глубокого понимания всей долгой и запутанной этнополитической истории острова. Обрести это понимание, в свою очередь, невозможно без проведения систематичных историографических исследований.

Остров Тайвань с глубокой древности был перекрёстком активного взаимодействия самых разных народов, культур и цивилизаций, а в последние 400 лет пребывал под властью многих стран (Китай, Голландия, Испания, Япония), поэтому изучение этнической истории острова является весьма популярной темой исследований в мировой науке. История этих исследований насчитывает около четырёх веков и также служит предметом особого изучения. Накопленная за эти века огромная масса исследований требует сбора, систематизации, сравнительного изучения и общей историографической оценки. Решение этих задач стало сегодня необходимым условием для дальнейшего продуктивного, целостного изучения этнической истории и политики Тайваня в мировой науке.

Избранная тема актуальна прежде всего тем, что в России вплоть до последних лет почти не было солидных обзорных работ, обобщающих отечественный опыт изучения этнической истории острова, хотя этот опыт насчитывает уже около двух веков. Имена ряда талантливых исследователей-россиян были незаслуженно забыты, их немногочисленные работы затеряны в архивах, а добытые ими ценнейшие сведения исключены из мирового научного оборота на многие десятилетия и в отдельных случаях даже на целые века. До недавнего времени историографические статьи затрагивали работы лишь некоторых отечественных исследователей, отдельные темы и частные, нередко случайно избранные проблемы.

Во-вторых, вплоть до последних лет в российских научных публикациях имелись лишь самые скромные отрывочные сведения о прошлых зарубежных исследованиях по этнической истории Тайваня и практически полностью отсутствовали представления о современных достижениях мировой науки (в т.ч. китайской, западной и японской), не говоря уже о её перспективах. По разным причинам российские учёные не знали и не могли использовать многие иноязычные источники, в том числе эмпирические и теоретические исследования своих зарубежных коллег.

В-третьих, ценнейший российский опыт изучения этнической истории острова почти совсем неизвестен мировой науке и на сегодняшний день представлен в ней в целом совершенно недостаточно и неадекватно. Лишь в последние 15 лет, в условиях быстрой глобализации исторической науки, эта ситуация начинает изменяться в позитивном направлении. Между тем, по мере роста международных научных связей, становится всё более

очевидным, что дальнейшее развитие мировых исследований по этнической истории Тайваня будет неполноценным без учёта российского наследия и без его эффективного включения в современную мировую науку.

Наконец, должное осмысление сложных межэтнических связей, этнополитических процессов и их исторической подоплёки служит ключевым условием для урегулирования большинства современных региональных проблем, противоречий и конфликтов, в том числе так называемой «тайваньской проблемы». Ситуация на самом Тайване и разделённость двух берегов Тайваньского пролива обеспечивают исследованиям по этнической истории острова роль важного научного аргумента в политическом и культурном диалоге между Тайбэем и Пекином. Этот аргумент сохранял неизменную актуальность на протяжении последних шестидесяти с лишним лет (с 1949 г.) и, безусловно, будет сохранять её в обозримом будущем.

В настоящее время в мировой науке отсутствуют сводные историографические работы по этнической истории и политике Тайваня, включающие соответствующие исследования *во всех* странах и регионах. Мировая научная литература по этой тематике слишком обширна, быстро пополняется и едва ли может быть всецело охвачена даже самым оперативным и объёмным исследованием. Большим препятствием для этого остаются языковые барьеры, а также сохранявшиеся до начала 1990-х годов ограничения на доступ и обмен научной информацией, связанные в основном с политико-идеологическими причинами.

В России в 1990-х годах вышло лишь два историографических обзора (Тодер Ф.А., Хохлов А.Н.), в которых этническая тематика затронута вскользь, в общем контек-

сте отечественных исследований по Тайваню. Китайская и западная историография также частично представлена в работах М.Ф. Чигринского и Н.И. Фоминой. Лишь в последнее десятилетие (с 2005 г.) в российских и зарубежных научных изданиях вышел ряд специальных статей (Азаренко Ю.А., Головачёв В.Ц.), посвящённых изучению этнической истории, политики и культуры Тайваня в отечественной, китаеязычной (материковый Китай, Тайвань), японской и западной историографии. Большая часть этих публикаций упомянута в монографии В.Ц. Головачёва и В.Э. Молодякова «Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор» (Москва, ИВ РАН, 2014. 120 с.), представляющей на сегодня наиболее полную ревизию российских исследований по истории Тайваня последней четверти XIX в. и в японский период (1895–1945).

Использованные в этой книге зарубежные историографические работы публиковались начиная с рубежа 1990-х гг. на Тайване, в КНР, Японии и в западных странах. Но большинство этих работ сфокусированы на отдельных национальных или региональных сегментах мировой историографии, ограничены хронологически (от одного года до нескольких десятилетий), слабо охватывают публикации после двухтысячного года и оставляют немалый простор для дополнений, уточнений и академической критики.

В отличие от всех предшествующих работ главную цель данной работы составляет всестороннее изучение основных национальных и региональных историографических школ и традиций, которые впервые представлены *во всей совокупности*, органично включающей российскую историографию. В свою очередь,

столь полная презентация открывает новые возможности для дальнейшего осмысления особенностей развития отдельных сегментов мировой историографии, их сравнительного анализа, сближения и научного синтеза, плоды и перспективы которого оцениваются в Заключении. Частные задачи сводятся: 1) к выявлению, фиксации, систематизации, изучению и обобщению историографических фактов и источников; 2) к изучению особенностей развития историографии (зарождения, основных направлений, достижений, этапов и тенденций, внутренних и внешних факторов развития) в отдельных странах и регионах; 3) к сравнительному изучению особенностей, периодизации, общих черт, закономерностей, взаимосвязей, динамики и перспектив развития всех основных сегментов мировой историографии по избранной теме.

Соответственно, содержание книги включает отдельные главы, посвящённые российской, западноязычной (европейской, американской, австралийской), японской, тайваньской и китайской историографии. Следует сразу отметить, что, несмотря на общий язык и прочие сходства, современные тайваньская и китайская историография представляют собой две разные, всё ещё обособленные друг от друга научные традиции.

В каждой из пяти глав последовательно рассмотрен в историческом и сравнительном ракурсе весь комплекс историографических проблем, в том числе личные судьбы, взгляды и сочинения исследователей, системы организации науки (структуры, сообщества, форумы, научная политика и пр.), историографические источники, методология и методики, актуальные темы и проблемы, идеи и концепции, периодизация, итоги и перспективы научных исследований и пр. Все разделы основаны на

широком круге наиболее репрезентативных историографических источников (статьи, монографии, диссертации, рукописи, архивные документы, записи докладов и лекций, заметки, очерки, обзоры, рецензии, справочные и библиографические издания, сайты, базы данных и пр.), публиковавшиеся с XVII в. до 2010 г. Публикации по теме на русском языке отслежены до 2017 г.

В целом данная книга призвана должным образом восполнить пробелы отечественной историографии в изучении этнических процессов и этнической политики в истории Тайваня, а также обобщить отечественные достижения для их введения в современный мировой научный оборот.

Как автор хочу искренне поблагодарить всех коллег отдела Китая и других подразделений ИВ РАН, ИВР РАН, Center for Chinese Studies при Национальной центральной библиотеке в Тайбэе, научных сотрудников из институтов новой истории, истории Тайваня, этнологии, социологии, истории и филологии при Academia Sinica (Тайбэй), а также из институтов новой истории и этнологии КАОН (Пекин). Особое личное почтение хочется выразить патриарху изучения этнополитической истории острова, тайваньскому академику Ли И-юаню 李亦園 (1931–2017) и профессору М.В. Крюкову, любезно консультировавшим автора этой книги, а также профессору В.В. Совастееву (1947–2016), приобщившему меня к историографическим исследованиям во время совместной работы на историческом факультете ДВГУ. Написание этой книги было бы невозможным без многолетней профессиональной, позитивной поддержки со стороны упомянутых коллег и научных учреждений, а также без ценных достижений авторов всех использованных научных трудов.

Глава 1

Изучение этнополитической истории Тайваня россиянами в XVIII–XXI вв.

Изучение Тайваня занимает периферийное место в российской науке, а его этническая история представлена в ней ещё более скромно. До недавнего времени этническая история изучалась лишь эпизодически и фрагментарно, а систематические попытки их историографического обобщения были предприняты лишь в последние годы [Азаренко и др. 2007][Головачёв 2011 IV]. Но изучение острова ведётся в России почти 200 лет, известно немалыми достижениями и заслуживает особого историографического экскурса.

В плане доступа к объекту исследований работы россиян по этнической истории Тайваня можно в целом разделить на полевые исследования очевидцев и дистанционные (заочные) исследования. Сочинения российских путешественников и учёных, лично посещавших Тайвань в к. XVIII – н. XX вв. представлены отчётами мореплавателей и учёных, которые вели полевые исследования на острове [Головачёв 2012(II)]. Заочные исследования включают переводы и научные труды XIX в., начала 1930-х, 1950–1980-х и начала 1990-х гг. Их авторы не бывали на острове и изучали его дистанционно, на основе чужих публикаций.

Возрождение российско-тайваньских научных связей после 1991 г. открыло новую эру для «тайваневедов» России. После перерыва в 60 с лишним лет они вновь обрели возможность работать на Тайване, используя весь круг источников и литературы. Это заметно повысило число и качество третьей группы современных публикаций по этнологии острова. В последние годы опубликован целый ряд статей о зарубежных исследованиях этнической истории Тайваня в КНР, на самом острове и в западной историографии [Азаренко, 2008] [Головачёв 2011(3), 2011(9)]. При этом, как уже сказано выше, общая изученность данной темы в России все ещё невысока.

В данной главе представлен историографический обзор всех трёх групп публикаций российских востоковедов.

1.1. Полевые наблюдения и исследования российских мореплавателей, путешественников и учёных на Тайване в конце XVIII – 1-й трети XX в.

В силу различных исторических причин, связанных с японской колонизацией Тайваня (1895–1945), противоборством националистов и коммунистов в Китае, антагонизмами времён «холодной войны» и спецификой отношений двух сторон Тайваньского пролива, остров Тайвань вплоть до конца XX в. оставался во многом «Terra Incognita» и для российской публики, и для отечественных учёных. Между тем, интерес к изучению Тайваня и жителей проявлялся в России с конца XVIII в., по мере появления печатных сочинений

об острове в Европе и переводов этих сочинений на русский язык [Головачёв, 2011 III: 276–278].

Данный раздел знакомит с работами российских путешественников и учёных, посещавших Тайвань в конце XVIII – первой трети XX в. и заложивших основу для всех последующих отечественных исследований. Работы россиян, лично побывавших на Тайване, включают мемуары М. Бенёвского и его спутников, отчёты о визитах и полевых экспедициях на остров В.А. Терентьева, П.И. Ибиса, А.К. Мольтрехта, И.С. Левитова, С.Г. Елисеева, Н.А. Невского и других россиян. Все эти работы, в той или иной мере, содержат важные прямые сведения об этнической истории острова.

Некоторые из этих работ, например, мемуары графа Бенёвского в изложении на русском языке В.Н. Берха, записки канцеляриста Рюмина, а также статьи П.И. Ибиса доступны сегодня в электронных версиях в Интернете [Берх 1821; Рюмин 1822; Ibis 1876, 1877]. Некоторые, в т.ч. работы П.И. Ибиса, С.Г. Елисеева и Н.А. Невского, переиздавались в печатном виде на русском языке и в переводах на другие языки [Невский 1981, 1993; Феркель 2014; Головачёв, Перминова 2014 II и т.д.]. Прочим работам повезло куда меньше, и они до сих пор сокрыты в российских архивах в виде полузабытых неизданных рукописей.

Отдельные основанные на архивных материалах статьи с описанием жизни и исследований российских «первооткрывателей» острова стали появляться в отечественной науке лишь в 1980–1990-х гг., по мере роста открытости Тайваня и мирового интереса к тайваньскому «экономическому чуду». Они также рассмотрены в данной главе.

Одно из первых сочинений «российских» очевидцев о формозцах приписывается австро-венгерскому авантюристу, «графу» и «генералу» Морису Августу Бенёвскому (1746–1786), который бежал на галиоте «Святой Пётр» из ссылки на Камчатке и провёл в августе 1771 г. две недели у берегов Формозы [Campbell 1903: 518–538].

Достоверность мемуаров графа, впервые изданных в Лондоне в 1790 г.¹, вызывает большие сомнения экспертов [Тодер 1993: 45–46], хотя факт посещения острова не подвергается сомнениям. Описания скалистых восточных берегов, мирных встреч и боевых стычек с туземцами, жилищ, привычек и обычаев аборигенов (жевание бетеля, обычаи приёма гостей, поднесение ветви дерева в знак замирения и др.) выглядят достоверно. Достоверность этих сведений частично подтверждают и записи одного из спутников «графа», канцеляриста Ивана Рюмина, составившего свой «журнал» путешествия перед возвращением на родину через Париж в 1773 г. Но Рюмин, чьи записки были изданы на русском языке лишь через полвека (в 1822 г.), пишет только о нескольких мелких торгово-меновых сделках и кровавых боевых стычках с туземцами у восточных берегов острова. Он также кратко упоминает об оружии (копья, луки, ножи, топоры и щиты), лодках, жилищах, одежде, пище и внешнем виде формозцев:

«Означенные Формозские жители Индейцы народы дикие, которыми никто не владеет, видом весьма смуглые, ходят почти нагие; и хотя у некоторых и есть пла-

¹ Первое их издание появилось в Лондоне в 1790 г. Через пару месяцев в Берлине напечатали немецкое издание. В 1891 г. мемуары были переведены на французский, голландский и шведский, ещё через пару лет – на польский язык.

ть, но и то из кож звериных, да и сами имеют взор звериный; у некоторых на теле от солнечного зноу кожа вся истрескалась, и как кора на дереве лупится, что и видеть весьма ужасно...» [Берх 1822: 461].

Сообщение Рюмина про «народы дикие, которыми никто не владеет» прямо противоречит той части записей Бенёвского, где он живописует свою дружбу с формозским «принцем», устройство двора и армии последнего, военный поход вглубь острова и междоусобную войну туземных «абсолютных» царьков. В ней говорится о боевой кавалерии, толпах пленных рабов и крупных военных поселениях, об образовании и религии, налогах и переписях туземцев, о богатствах природы, экономики и «хороших прямых дорогах» в восточном Тайване [Campbell 1903: 527, 531–535].

В первом русскоязычном издании мемуаров Бенёвского о побеге из Камчатки во Францию, появившемся в 1821 г. в журнале «Сын Отечества», автор публикации (не полного перевода, а сокращённого критического пересказа) В.Н. Берх характеризует их крайне негативно: «творение сие наполнено таким множеством невероятнейших лжей, что поселяет негодование в читателе» [Берх 1821: 9].

И действительно, вторая часть отрывка с записями об острове полностью вымышлена Бенёвским, мечтавшим, по его же признанию, увлечь кого-либо из монархов в Европе планом создания богатой колонии на Формозе. Курьёзна запись о том, что перед отплытием граф убедил одного спутника, младшего брата убитого Логинова, остаться на острове и «поселиться там до нашего возвращения, ради изучения языка и помощи в наших будущих операциях» [Campbell

1903: 532]. Это сомнительное известие отсутствует в записках Рюмина. Но Рюмин подтвердил факт гибели от стрел туземцев и захоронения троих членов команды, которые и стали первыми русскими, обретшими вечную квартиру на острове – как резюмирует В.Н. Берх: «таком месте, где слеза соотечественника не упадёт никогда на покрывающую его землю» [Рюмин 1822: 33–34, 68].

Таким образом, описания Формозы и формозцев в мемуарах Мориса Бенёвского и его спутников фиксируют факт первой высадки русских людей в неустановленном месте на восточных берегах острова (предположительно в районе Хуаляня) в августе 1871 г. Они достоверно свидетельствуют о нескольких в основном враждебных встречах русских беглецов с туземцами. Сообщения же Бенёвского о государственном устройстве, богатствах и многих обычаях островитян являются полным вымыслом и не более чем историографическим курьёзом.

Подлинно научное изучение Тайваня в России сильно затруднялось удалённостью острова, нехваткой сведений, научных сил и государственного интереса к острову и в XIX в. В итоге, накопление россиянами знаний о Тайване заметно активизировалось лишь после открытия Китая в 1840–1870-х гг., после двух «опиумных войн» и вынужденного подписания Пекином неравноправных договоров об открытии для западных держав своих портов и территорий. Но и тогда полевые научные изыскания велись стихийно, силами лишь нескольких россиян, в основном военных моряков.

Первые «прямые» этнографические сведения поступили в Россию в июле 1874 г., во время «Муданьского

инцидента»², когда Тайвань посетила канонерка «Горностай». Её командир, капитан-лейтенант В.А. Терентьев, побывал в разных пунктах острова и собрал интересные сведения о жизни формозцев, изложенные им в служебном рапорте. Отмечая, что кожа у «дикарей» – тёмно-оливкового цвета и что в их внешности имеются общие с китайцами черты («те же косы» и т.д.), Терентьев находил китайские элементы и в образе жизни, например, в градостроительном облике столицы острова Тайвань-фу.

Рапорт Терентьева сообщает про действия китайской администрации и о «непрощеных гостях» – японцах, пытавшихся захватить в 1874 г. юг Формозы, где китайские власти были не в силах ввести прямой контроль над «дикими» туземцами. Рисуя формозцев с натуры, без высокомерия и фальши, российский офицер стремился показать реальный характер взаимоотношений аборигенов (в частности, батанцев) с пришлыми японцами и их главным американским советником Лежандром³, принявшим активное участие в подготовке военной экспедиции. В объективности рапорта убеждают расспросные сведения, полученные Терентьевым от самих иностранцев, обычно склонных винить во всех бедах

² В 1874 г. японское правительство послало на Тайвань военную экспедицию, поводом для которой стал «Муданьский инцидент» (по названию деревни Мудань. По-японски – Ботан) – истребление в 1871 г. аборигенами 54 из 66 рыбаков с островов Рюкю, потерпевших кораблекрушение у южных берегов Формозы. 12 рыбаков были спасены китайцами и возвращены в Японию. Японские власти потребовали от Пекина покарать аборигенов, а затем сделали это своими силами, поставив под вопрос суверенитет Китая над Тайванем.

³ Charles William Le Gendre (1830–1899). Американец французского происхождения, генерал, дипломат. Служил консулом США в Амое в 1866–1872 гг. С 1867 г. неоднократно посещал Тайвань. В 1872–1875 гг. служил советником МИД Японии. В 1890–1899 гг. – советником императора Кореи.

местных «дикарей»: «Г(н) Dod (Dodd) – торговец опиумом и чаем в Тамсуй (Даньшуй), лично знакомый с дикарями, а также и с американцем Legendre, виновником формозской экспедиции, утверждает, что он был у батанцев и не встретил ничего враждебного; но что м(истер) Legendre, позволивший себе бить дикарей палкою без особой нужды, встретил весьма серьёзный отпор, принудивший его поспешно и благоразумно ретироваться»...

Правдиво изложены Терентьевым и сведения об убийстве туземцами потерпевших кораблекрушение японских рыбаков, использованном Японией как предлог для посылки на остров своих войск. Объективно оценивая ситуацию, Терентьев предлагал конкретные меры по недопущению в будущем подобных эксцессов в общении разных народов. «Выдают также, – сообщал он, – за положительное, что умерщвление японских и других моряков, выброшенных на берега батанцев, – только вымысел. Хотя несомненно, что некоторые из «их действительно умирали после кораблекрушений на берегах Формозы, также несомненно, что некоторые были убиты, но не из любви к трагическим сценам батанцев, а просто в ссорах, возникших между спасителями и спасёнными вследствие неясного понимания обязанностей человеколюбия, с одной стороны, и обязанностей социальных, с другой. Чтобы не доходило до этого, японцам легче всего было бы учредить агентства для спасения погибающих или консулов на Формозе вместо дорогостоящих экспедиций...»⁴

К сожалению, полный текст рапорта В.А. Терентьева, обширные выдержки из которого перепечатали уже

⁴ Архив внешней политики Российской империи, МИД РФ, ф. Главный архив 1–9, оп.8, 1872–1875, д. 8, л. 116–119 [Хохлов, 1993].

несколько месяцев спустя петербургские газеты, до сих пор не найден и опубликован только частично.

Через полгода после В.А. Терентьева первую научную экспедицию на Тайвань совершил молодой эстонец, прапорщик корпуса морских штурманов Павел Иванович Ибис (Пауль Юган, 1852–1877). В январе-феврале 1875 г. Ибис в одиночку пересёк весь остров пешком, сначала из Гаосюна на юг, а оттуда на север, до порта Цзилун. Исходя из доступных западных работ он поставил вопрос о происхождении и расово-этническом типе формозцев, прибегнув для его решения к сравнению языковых и антропологических данных. С целью изучения туземцев Ибис составил смелый план: «Посетить возможно большее число туземных племен, собирать слова их языков и заниматься теломеasurements. Так я надеялся прийти к более определённом выводу относительно происхождения туземцев Формозы, которые будучи раздроблены на множество мелких и самостоятельных племён, живущих под особыми местными условиями, отличаются друг от друга в образе жизни, в языке и даже в наружности» [Ибис 1876 I: 112].

По словам Ибиса, в ходе экспедиции он сумел «вступить в контакт с тринадцатью племенами»⁵[Ибис 1877: 149]. Статья «Экскурсия на Формозу» вышла в 1876 г. в №№ 1–2 «Морского сборника», а в 1877 г., шестью частями, в немецком географическом журнале «Globus»⁶. В этих статьях Ибис обобщил уже известные

⁵ Это утверждение неточно. Скорее всего, Ибис посетил 13 селений разных народностей: *пайвань, амэй, рукай, пуюма, бунун, пинпу* и др. [Чигринский 1982: 61].

⁶ Статья в «Глобусе» на немецком языке была заметно доработана автором, дополнена 10 рисунками, картой острова и таблицей-словником [Ибис 1876 I; Ибис 1876 II; Ибис 1877]. М.Ф. Чигринский не знал о статье в «Морском сборнике» [Чигринский 1982: 60].

ранее, а также добытые по ходу экспедиции этнологические (этнографические, антропометрические, лингвистические и пр.) сведения, которые позволили ему сделать вывод о наличии в разной степени негроидных «малайских» признаков у многих тайваньских племён [Ибис 1876 II: 118; Чигринский 1984: 60]. Составив небольшой словарь местных языков, Ибис выявил их большое сходство с тагальским языком и с учётом всех данных высказал гипотезу о малайско-филиппинских корнях части тайваньцев [Ибис 1876 II: 120, 133, 140–141; Ibis 1877, ч. VI]. Россиянин также обратил внимание на расово-этническую неоднородность туземцев, смешение и быструю китаизацию равнинных «пинпу», в ходе которой они почти забыли свой язык и традиции, усвоив вместо этого китайский язык и обычаи. Как писал Ибис: «Я слышал, как они поют песни на малайском языке, которые ... пели их дальние предки, и смысл которых до сих пор понимают старики» [Ibis, 1877, ч. VI.; Ибис 1876 II: 131–132][Чигринский, 1984: 58–63]. По поводу численности туземцев Ибис пишет, что «судя по тем местностям, которые я посетил, их приблизительно от 150 до 200 тысяч на всём острове». При этом большая часть жителей острова – китайцы-переселенцы из провинции Фуцзянь [Ибис 1876 I: 115].

О расселении формозцев Ибис сообщает, что запад острова заселен китайцами, а туземцы обитают в южных и восточных горных районах. Наряду с этим, Ибис верно подметил различия расовых признаков у туземцев разных частей острова. Среди китайцев он заметил и выделил народность *хакка*, чьи мужчины имеют «лица почти индогерманской правильности», без монголоидных или малайских черт, женщины «лучше и более миловидны, чем китаянки ... не бин-

туют себе ноги», а образ жизни хакка уже полностью китаизирован [Ибис 1876 II: 128–129; Ibis 1877, ч. V].

Помимо лично добытых сведений, Ибис использовал для своих публикаций и западные источники: карты и справочники, исторические труды, периодику и торговую статистику⁷, при помощи которых даёт общую картину правления на острове голландцев (1624–1661), Чжэн Чэн-гуна (1661–1683) и династии Цин (с 1683). Ибис пишет, что китайские эмигранты появились на Тайване лишь в начале XV в., а прибывшие в XVII в. голландцы вступили в сложные отношения с японцами, которые «уступили им остров». В то же время, видя угрозу своей монополии в лице китайцев, голландцы «приняли их враждебно, из боязни быть ими вытесненными». Наконец, «к малайцам... относились лучше, чем китайцы, среди них они ввели законы своей родины, основали школы, проповедовали им христианство, и, чтобы крепче их к себе привязать, они женились большей частью на туземках» [Ибис 1876 II: 124; Чигринский 1984: 58–59].

О китайском генерале «Коксинге» (Чжэн Чэн-гуне. – *В.Г.*), разбившем и изгнавшем в 1662 г. с острова голландцев, Ибис пишет, что, по слухам, «мать его была формозянка». В конце исторического обзора Ибис упоминает инцидент с экипажами двух английских судов, разбившихся в 1842 г. у берегов Тайваня⁸. По ходу изло-

⁷ Ибис упоминает книгу последнего губернатора Голландской Ост-Индской компании на Формозе Фредерика Койетта «Потеря Формозы» [Verwaerloosde Formosa 1675]. Он также использовал английскую карту острова, статьи в *Customs gazette* и статьи Лежандра [Ибис 1876 II: 123; Ибис, 1876 I: 115].

⁸ Речь о пленении и гибели экипажей британских судов «Ровер» и «Анна» после крушения последних у берегов острова [Ибис 1876 II: 125–126].

жения Ибис привёл много ценных сведений и о современном положении на Тайване. Как заключает Ибис, несмотря на активизацию китайских властей, им так и не удалось полностью подчинить горные племена центральной и южной частей острова, а борьба с горцами была ключевой частью политики Цин на Тайване [Чигринский 1984: 59].

Несмотря на вторичность исторических данных, статья Ибиса стала едва ли не первым (не считая перевода энциклопедии Дюгальда) систематичным, подробным и в целом достоверным обзором истории и политики на Тайване, изданным в 1876 г. в России на русском языке.

Не будучи профессиональным учёным, Ибис подготовился к экспедиции со всей основательностью, возможной в условиях многолетнего кругосветного плавания. В его статьях присутствует не просто чёткая фиксация наблюдаемых этнографических фактов, но и стремление к их сравнению с уже известными данными, к их генерализации с учётом современных научных теорий. Историю различных этнических и субэтнических групп, их миграции и межэтнические связи П.И. Ибис представил не в статике, а в динамичном пространственно-временном и кросскультурном контексте, увязанном с природными, экономическими, политическими и прочими факторами. Уникальные сведения, добытые в ходе небывалого «этнографического путешествия» при помощи комплексного научного подхода (применения разных дисциплин, методов и методик), а также смелые и глубокие выводы о происхождении и путях миграции формозцев, сделанные российским офицером на основе лично собранных полевых этнографических материалов, имеют высо-

кую научную и культурную ценность и 140 лет спустя, в XXI столетии [Головачёв 2017 I].

Врач и энтомолог Арнольд Карлович Мольтрехт (1873–1949?)⁹ был вторым россиянином, который посетил туземцев Тайваня в научных целях и показал себя серьёзным этнографом. При помощи японских властей Мольтрехт совершил зимой 1908 г. трудную пешую экспедицию в центр и на юг острова, где собрал ценные сведения о природе и аборигенах.

В отчёте «Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы», доложенном в «Обществе изучения Амурского края» в августе 1908 г. и изданном в 1916 г., Мольтрехт привёл немало общих сведений об истории, численности и сложном этническом составе туземцев. Как записано в отчёте: «Имеются китайские предания о дикарях, заселявших Формозу за 2000 лет тому назад, и история их не безынтересна... Голландцы, которые владели островом с 1644–1661 года (в 1624–1662. – *В.Г.*), различали в то время 293 различных групп дикарей, каждая в составе 500–1000 чел. воинов под одним вождём, пользующимся абсолютной неограниченной властью над своими подданными. В то время дикарей было не менее 300 000 на острове; в данный момент, вероятно, их не более 100–200 тысяч» [Мольтрехт 1916: 59–60].

Указанные выше данные не всегда точны, в силу своей вторичности. Так, явно неверно известие об «абсолютной неограниченной власти» формозских вождей, сильно напоминающее «факты» Бенёвского. В то же время, оказавшись на юге острова, Мольтрехт сделал ряд верных наблюдений о смешанном прожива-

⁹ Биография А.К. Мольтрехта, см.: <http://www.rbcu.ru/information/272/12279/> Дата обращения: 27.03.2018 [Чигринский 1983].

нии китайцев и туземцев, динамике и характере их связей, сводившихся к вытеснению и ассимиляции народности *пайвань*: «Что касается населения округа Кошун (Гаосюн. – *В.Г.*), то он состоит частью из китайцев, которые занимают главные участки удобной для хлебопашества земли, и дикарей племени Пайвань. Часть племени Пайвань более или менее цивилизована китайцами; они занимаются успешно огородничеством, справляют вместе с китайцами крупные праздники и приняли много китайских обычаев. ... Племя пайван в южном округе Кошун и в особенности племя Пейпо (*пинпу*, т.е. равнинные аборигены. – *В.Г.*), которые раньше владели всей плодородной западной равниной Формозы, явно обнаруживают в своей одежде и своих обычаях китайское влияние. Благодаря потере оригинальных и характерных своих свойств они и лишились своего могущества и оттеснены китайцами в недоступные горы центральной Формозы. В феврале месяце я был свидетелем празднования среди Пайван китайского нового года, с китайским фейерверком, одновременно с китайцами...» [Мольтрехт 1916: 57, 61–62].

По поводу разнородности туземцев Мольтрехт пишет: «Горный центр округа Нанто (Наньтоу) обитаем племенами Тцоу и Вонум (*цоу* и *бунун*. – *В.Г.*). ... К югу от Тцоу расположены дикари группы Тцализен, мало отличающиеся от Тцоу, хотя и есть ясное различие в языках. Всего можно различить 8 главных племён на Формозе, частью принадлежащих к малайцам, частью к индонезийским племенам... Обитающие на Восточном побережье Ами более дики и ещё занимаются всюду распространённым прежде спортом охоты за человеческими черепами... Особая группа дикарей населяет противоположный юго-восточному берегу

Формозы остров Кошото (Botel Tobago)¹⁰, который в ясную погоду виден с берега в бинокль. Несколько лет тому назад японское правительство послало на этот остров экспедицию, из которой вернулись лишь немногие участники; остальные, как мне передавали, были убиты дикарями...¹¹ Самым опасным в смысле охоты за человеческими черепами племенем являются Атейял, обитатели северо-восточных горных цепей» [Мольтрехт 1916: 57–60].

Уделив особое внимание охоте за головами, Мольтрехт описал и многие другие стороны жизни аборигенов. В его отчёте даны описания быта, жилищ, одежды, пищи, изготовления вина, знахарства, религиозных обычаев, инициаций, свадеб, похорон и других туземных обычаев и нравов. Про брачные обычаи Мольтрехт сообщает, что «все племена формозских дикарей придерживаются моногамии, многожёнство строго наказуется». Тут же он упоминает о бытовавших у *пайвань* и других туземцев обычаях сватовства, умыкания невесты и подселения жениха в дом родителей невесты, где он обязан отработать от двух до трёх лет [Мольтрехт 1916: 61–65].

Хотя Мольтрехт не фокусировал внимание на этнической политике колониальных властей, в его отчёте видны характер и методы этой политики. Во-первых, эти власти, от генерал-губернатора до местных чинов и полиции в разных частях острова, оказывали автору «всевозможное содействие» в проведении экспедиции, выказывая прямую заинтересованность в научном

¹⁰ Мольтрехт перепутал Зелёный остров (Хошао дао) и остров Орхидей (Ботель Тобаго), находящиеся, соответственно, в 33 и 80 км к востоку от юго-восточного Тайваня.

¹¹ Ботель Тобаго (о. Орхидей) не виден с берега в бинокль. Но именно туда была послана неудачная японская экспедиция.

изучении острова. Во-вторых, в рамках своей «цивилизаторской» политики японские власти стремились искоренить наиболее экзотичные «варварские» обычаи аборигенов, вроде обычая охоты за головами. Как писал Мольтрехт: «Существуют посёлки, где количество собранных человеческих черепов доходит до 500. Японская полиция стала преследовать этот спорт и казнить виновных». Наконец, Мольтрехт сообщает, что туземцы оказывали японцам сильное сопротивление, порой доходящее до крупных вооружённых бунтов, один из которых даже задержал начало его экспедиции: «Сами японцы имели в прошлую осень значительные потери на горе Сильвия (Сетцу-сан) (Сюэшань. – В.Г.) на северо-востоке острова, где дикарями племени Атейял разрушено множество станций администрации и убито 280 полицейских. ... *Приехав 10-го декабря* (1908; курсив мой. – В.Г.) *в Фучжоу во время восстания дикарей на Формозе*, я решил выждать в Китае более благоприятных, для проникновения вглубь острова, условий...» [Мольтрехт 1916: 55, 53].

Как видно из отчёта, общие сведения о прошлом и часть сведений о настоящем туземцев почерпнуты автором из японских публикаций¹² и от устных информантов на острове. Но и эти сведения были настоящим открытием для русскоязычной публики тех лет, а авторские репортажи с места событий (в т.ч. о встрече туземцев с генерал-губернатором Сакума в Наньтоу) [Мольтрехт 1916: 66], личные наблюдения и выводы Мольтрехта придали его этнологической работе ещё большую научную ценность.

¹² Мольтрехт упоминает в конце отчёта работу U. Ino. Account of the Formosa-Savages, но без выходных данных. Видимо, автор статьи – известный японский учёный Ино Иосинори.

Отдельные сведения о правлении японцев оставили и россияне, навещавшие остров краткосрочно. В статье «Формоза и японцы», вышедшей 12 октября 1906 г. в газете «Новый край» (№ 205), посетивший остров проездом журналист И.С. Левитов писал про политику японизации и насаждение японской системы в сфере образования. Основной упор, отмечал Левитов, делался на подготовке преданных режиму полицейских из коренных жителей¹³ [Левитов 1906; Хохлов 1997].

Зимой 1912–1913 гг. Тайвань посетил японист С.Г. Елисеев. Записи Елисеева, отложившиеся в архиве Института восточных рукописей РАН, содержат интересные данные по этнической истории Тайваня времён японской оккупации, в том числе, об отношениях японцев с китайцами и туземцами [Чигринский 1992; Головачёв, Перминова 2014].

Позднее дело Мольтрехта и Елисеева продолжил известный востоковед Н.А. Невский. За месяц работы в районе Алишань в июле и начале августа 1927 г. Невский, используя «этнографо-лингвистический» метод своего учителя Л.Я. Штернберга, собрал уникальные сведения для изданной в 1935 г. книги «Материалы по говорам языка Цоу». Хотя фокусом изысканий Невского была лингвистика, записанные им образцы текстов ценны для изучения туземной культуры, обычаев, фольклора и исторических преданий. Как писал сам Невский: «Большая часть записанных мною текстов является... рассказами о былом, т. е. преданиями и, таким образом, входит в область фольклора. Тексты XIII, XIV, XV представляют чисто этнографический интерес, так как являются изложением существу-

¹³ Газета «Новый край» выходила в Порт-Артуре, а после падения крепости – в г. Харбин.

ющих у Цоу обычаев при изготовлении вина, женитьбе и обработке полей. Текст XII состоит из трёх кратких молитв, произносимых во время охоты; они были сообщены мне Пасуей при разъяснении продиктованного им текста (т. XI)... Кроме того, в комментариях я старался попутно разъяснить жизнь и обычаи Цоу, затронутые текстом. Таким образом, к тексту XV пришлось написать подробное объяснение брака у Цоу, потребовавшее изложения системы родства и родового строя, а за ним и социального строя клана и племени... Иногда приводились мною для сравнения параллельные предания и обычаи японцев и других народов» [Невский 1935: 64–65].

Собранные Н.А. Невским тексты являются уникальным научным источником. Но, как и у Мольтрехта, многие его известия носят вторичный характер. Как указывает сам автор: «Большинство фактического материала для фольклорных и этнографических примечаний мною было заимствовано из книг японских исследователей Ю. Саяма и Ю. Кодзима» [Невский 1935: 65]. Работы японских авторов, цитируемые Мольтрехтом и Невским, в свою очередь, базировались на официальной статистике. В частности, на японских годовых отчётах о полевых обследованиях туземцев, издававшихся с начала XX в. временной комиссией по изучению старинных обычаев Формозы.

Подобно Мольтрехту и Елисееву, Невский привёл личные наблюдения о «туземной» политике японских властей, также оказавших ему поддержку в проведении экспедиции. Судя по записям Невского, в 1927 г. колониальные власти продолжали политику активной японизации туземных племён Формозы, открывая в горных селениях аборигенов школы для преподава-

ния японского языка. Учителями в этих школах были японские полицейские, либо способная молодёжь из числа аборигенов, к тому времени уже хорошо владевшая японским языком и получавшая образование в учебных заведениях равнинного Тайваня [Невский 1935: 19–21, 63].

В своей работе Невский пошёл дальше Мольтрехта и, помимо простых описаний быта и нравов аборигенов, приводит точные факты и статистику, даёт сравнение туземной политики китайцев и японцев, а также личную оценку положения и перспектив коренных островитян: «Племя Цоу по статистике на 1918 г. состоит из 1755 человек и делится на вышеупомянутые четыре самостоятельные клана, которые живут в четырёх больших селениях и четырнадцати малых, разбросанных в высокой горной области. Несмотря на то, что Цоу имеют своими соседями цивилизованных китайцев и вместе с последними управляются империалистической Японией, они во многих отношениях живут ещё в состоянии дикости [Невский 1935: 17].

Отдавая дань идеологии и словесным клише своего времени, Невский пишет в Предисловии: «Цоу не знают еще института рабов и находятся еще в стадии первобытного коммунизма, постепенно расшатываемого китайским окружением и колониальной политикой империалистической Японии, которая исключает всякую возможность исторического прогресса племени, в этих условиях обреченного на неизбежное вырождение и вымирание».

В эпоху владычества китайцев Цоу ещё имели известную внутреннюю самостоятельность, пишет далее Невский. Но после присоединения Формозы к Японии они постепенно утрачивают её. «Если китайцы

воздерживались от вмешательства во внутреннюю жизнь общины, то японцы, в лице формозского генерал-губернаторства, тотчас расквартировали в каждом селении Цоу особых полицейских, подчиняющих себе всех Цоу вплоть до старшин кланов «реоңси», функции которых сведены ныне к представительствованию общины перед лицом японской администрации, – пишет Невский. – Фактически «пъонси» превращены теперь в слепые орудия японской полиции... Эти, вчера ещё независимые, сыны природы широко эксплуатируются японской полицией при прокладке новых путей сообщения, на заготовках строевого материала, перегонке камфары и прочих работах, оплачиваемых жалкими грошами, но обеспечивающих завоевателям огромные колониальные сверхприбыли» [Невский 1935: 17–19].

В целом личные наблюдения и оценки Невского довольно точны, хотя речи об «институте рабов» выглядят сегодня историографическим курьёзом, а мрачные прогнозы о вырождении Цоу, к счастью, не сбылись. Поскольку колониальная политика Японии не пережила крах метрополии в 1945 г., исчезли и шансы проверить, действительно ли эта политика «исключает всякую возможность исторического прогресса племени,... обречённого на неизбежное вырождение и вымирание». К тому же, за полвека правления на острове японцы превзошли цинский Китай не только в плане эффективной эксплуатации, форсированной аккультурации и ассимиляции, но также в плане научного изучения культуры и образа жизни туземцев. В итоге, заложенная японцами мощнейшая база источников служит основой для реконструкции утраченных элементов местной культуры и современного возрождения аборигенных народностей Тайваня (в частности, племени Цоу).

Таким образом, период с конца XVIII в. до первой трети XX в. был особым этапом в изучении острова россиянами – этапом сбора полевых данных и их первичного сравнения с ранними сведениями других европейцев. Представленные труды моряков и учёных свидетельствуют о широком и серьёзном интересе россиян к соседнему Китаю, распространявшемся не только на столицу или пограничные с Россией территории, но и на самые дальние окраины Срединной империи, такие как остров Формоза.

После открытия Тайваня в результате неудачных для Китая «опиумных войн» (1840–1842, 1856–1860), а также японской военной экспедиции 1874 г., российские учёные одними из первых появились на острове и стали истинными пионерами в его научном изучении. Действуя в одиночку, чаще всего на свой страх и риск, они вели комплексные полевые исследования и внесли ценный вклад в изучение этнической истории и культуры формозцев. Их усилиями были собраны и опубликованы уникальные полевые этнографические материалы, проведены антропометрические, лингвистические и прочие специальные исследования. Свои личные наблюдения авторы этих работ дополняли опросами местных жителей, колониальных чинов, миссионеров и прочих иностранных резидентов, а также данными письменных источников (книги, периодика, документы и карты на западных, китайском и японском языках), что умножает ценность их трудов как сводных научных исследований.

При этом в отличие от западных и японских учёных, нередко открыто обслуживавших запросы колониальных властей и других политических заказчиков, научный интерес и изыскания россиян не были обусловлены прямыми экономическими, политическим и военными

интересами России в отношении острова. Отсутствие всякого государственного вмешательства, с одной стороны, сдерживало эти изыскания, делая их уделом энтузиастов-одиночек. С другой стороны, независимый характер исследований россиян predetermined их высокую достоверность и объективность, свободу от тенденциозных выводов, трактовок и предвзятостей.

К сожалению, заложенные к 1930-м гг. традиции были искусственно прерваны сталинскими репрессиями и Второй мировой войной. Работы упомянутых российских исследователей до сих пор слабо изучены, а их реальный вклад в изучение этнической истории острова был надолго забыт или недооценен. Между тем, этот вклад по-прежнему бесценен для отечественного и всего мирового востоковедения. Он может послужить солидной основой для будущих научных исследований, возрождения и сбережения этнокультурных традиций в современном Тайване, а также для дальнейшего развития российско-китайских академических и общественных связей в XXI в.

1.2. Дистанционное изучение этнополитических аспектов истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XX вв.

Дистанционные исследования включают переводы и научные труды XIX в., начала 1930-х, 1950–1980-х и начала 1990-х гг. Их авторы никогда не бывали на острове и изучали его заочно, на основе чужих публикаций.

Впервые в русских документах Тайвань упомянут в выписке о границах китайского государства, состав-

ленной ранее 28 февраля 1675 г. в Посольском приказе, на основании западных источников (вероятно, перевода предисловия к «Атласу» Г. Меркатора, распространённого в России в середине XVII в.). В этой выписке, предназначенной для посланной в Пекин в 1675 г. миссии Николая Гавриловича Спафария (1636–1708), приведены название и примерное местоположение острова, а также известие о правлении голландцев: «Меж востока и полудня за Китайским государством лежит остров имянем Фромоза, который не так великий, яко богатый есть, и в том острове пишут, что недавно галанцы морем приходили и завладели того острова и крепость учинили» [Русско-китайские отношения в XVII: 332]. Следуя наказу «проведать» о соседних с Китаем землях, в том числе о Формозе, Н.Г. Спафарий сделал в главе 4-й «Описания» Китая краткую запись: «Голландцы же держат близ тех стран остров на море именем Формоза и оттуда приходят в украинские (т.е. окраинные. – *В.Г.*) города и втайне торгуют с китайскими воеводами» [Спафарий-Милеску 1960: 172].

Самой ранней из известных в России книг с обобщением большей части добытых к тому времени европейцами сведений о Формозе был четырёхтомник «Описание Китайской империи» под редакцией Ж.Б. Дюгальда, изданный в 1735 г. на французском языке [Du Halde 1735]. Основанный на сочинениях 27 миссионеров-иезуитов, этот первый европейский компендиум по Китаю обрёл большую популярность и был быстро переведён на многие языки, включая английский (1738), немецкий (1741) и русский (1775).

Видимо, сведения из энциклопедии Дюгальда активно использовал известный лингвист Ю.Г. Клапрот. Хотя к моменту выхода в 1822–1823 гг. своих ста-

тей о Формозе и языке формозских туземцев он уже давно жил в Европе и был исключён «с бесславием из Академии наук», этот учёный был одним из первых, пусть даже бывших российских академиков, писавших о полиэтничном составе и малайско-полинезийских корнях островитян [Klaproth 1822; 1823; 1826].

Как верно отметил китаевед А.Н. Хохлов, с начала XIX в. и до 1870-х гг. поступавшие в Россию редкие сведения о Тайване были вторичными, случайными и отрывочными. Примером использования письменных китайских источников и, в частности, газеты *Цзин бао* (единственной газеты в империи Цин до середины XIX в.), может служить сообщение светского члена духовной миссии З.Ф. Леонтьевского о восстании 1826 г. на Тайване, в уезде Чжанхуа [Хохлов 1993: 123-124]¹⁴. Помимо этих случайных известий и единичных переводных книг, в стране не было иных заочных трудов с существенными сведениями по этнической истории Формозы.

Нехватку отечественных источников отчасти восполняли переводы европейских и японских публикаций. Объём этих публикаций заметно возрос к моменту проведения в 1874 г. японской военной экспедиции на юге Тайваня (Муданьский инцидент – см. выше), обратившей на далёкий остров внимание всего мира. В газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Journal de St.-Petersbourg», «Кронштадтский вестник» и других новостных изданиях появились переводные репечатки из европейских газет («Times», «The Unites

¹⁴ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1824–1831, д. 1, л. 64; АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 142 («Необработанный материал» Каменского, б/д).

service Gazette», «Journal des Debats», «Аугсбургской газеты» и др.) с сообщениями о ходе этой экспедиции и развязавшейся из-за неё дипломатической войне Пекина и Токио [Первые японские 2005: 165–182].

Европейские газеты доносили самые свежие новости и подробные описания событий, но оценки текущих событий в них были нередко тенденциозными. Характерна в этом плане обзорно-аналитическая статья французского журналиста Эдмона Плошю¹⁵ «Ещё о Формозе и японской экспедиции», изданная на русском языке в №№ 13–14 журнала «Живописное обозрение»¹⁶ за 1875 г. Эта статья (дословный перевод статьи из журнала *Revue des Deux Mondes* [Plauchut 1874]) содержит подробный обзор всей экспедиции, подводя итоги которой автор уверенно утверждает, что японцы добились успеха, одержав полную победу над «злыми» дикарями и овладев немалой частью острова. В целом статья написана с откровенно прояпонских позиций. Автор высокомерно отзывается о китайцах, о диких туземцах на острове и о корейцах в Корее. Расписывая ситуацию в стиле победных реляций Плошю так оценил региональные перспективы Японии:

«После блестящего дела в Формозе [Япония], может, со временем, испытать силу своего оружия в Корее, где ей также следует отомстить за важныя оскорбления, нанесенныя ей чести. Корейцы такие же варвары и также неприязненны к иностранцам как и бутаны, которые теперь навсегда подавлены; если бы

¹⁵ Эдмон Плошю (Edmond Plauchut, 1824–1909), французский республиканский журналист. Несколько лет жил в Китае, друг Жорж Санд, похоронен на семейном участке Санд, хотя членом семьи не был.

¹⁶ «Живописное обозрение» – еженедельный иллюстрированный журнал с естественно-историческим популярным содержанием, выходил в Санкт-Петербурге с 1875 г.

японцы победили и корейцев, как бутанов, то они были бы единственным азиатским народом, сражавшимся единственно за прогресс и свободу» [Плошу 1875, № 14: 221].

Как известно, даже после аннексии Тайваня в 1895 г. японцы ещё несколько десятилетий умирляли «навсегда подавленных» бутанов и прочие коренные народности. Куда более взвешенную оценку сведений о положении аборигенов на юге острова, а также их борьбе с китайцами и японцами содержит «Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки», присланное упоминавшимся выше прапорщиком П.И. Ибисом [Ибис 1875]. В своём письме, изданном под названием «Формозский вопрос между Китаем и Японией» в № 8 всё того же журнала «Живописное обозрение» за 1875 г., автор, ссылаясь на газету «Rising Sun» (видимо, англоязычную «Асахи» 朝日. – В.Г.), подробно реконструирует недавние события на Формозе¹⁷. При этом он критично указывает на триумфальный тон японских газет и, упоминая некие сторонние сведения, сообщает о многих моральных и физических трудностях, с которыми столкнулись участники экспедиции. С иронией и проницательностью Ибис так оценил истинные мотивы и цели японского правительства: «Национальная гордость требовала войны и японцы уже заранее готовились к этому... подавив в начале нынешняго года сагасское возмущение, между прочим очень неловко веденное, соорудили экспедицию на Формозу. Приготовления к этому шли успешно с потребным шумом...» [Ибис 1875: 121].

¹⁷ Краткий пересказ письма с ироничными репликами в адрес японцев включён и в статью «Экскурсия на Формозу» [Ибис 1876 I].

Не питая иллюзий по поводу сражений японцев «единственно за прогресс и свободу» Ибис пишет: «Что бы там не было, японцы взяли своё, отправились во внутрь острова, резали, жгли, словом задавали страху дикарям, пока вмешательство китайцев не остановило их в этом приятном занятии». И далее: «Японцы не щадили ничего, всё было предано огню и разрушению» [Ибис 1875: 121–122].

Отличие от Плошу, воспевавшего «блистательную храбрость» японцев, Ибис, будучи военным, точно указал на слабость вооружения формозцев как главный фактор японского успеха: «Благодаря такой первобытной системе, потеря японцев была так незначительна, при другом вооружении формозян экспедиция вряд ли имела такой счастливый исход».

Признавая двусмысленность исхода событий для китайцев (Пекин выплатил компенсацию в 500 тыс. таэлей и фактически признал суверенитет японцев над островами Рюкю), из-за чего «японцы подняли носы и посмеиваются над ними», Ибис верно отмечает и критичность положения самих японцев, для которых провал переговоров мог обернуться провалом всей военной кампании и новой внутренней смутой:

«Предполагаемая война и победа китайцев уничтожили бы денежные средства Японии, произвели бы застой в торговле, промышленности, в прогрессе и вызывали бы новую междоусобную войну, которая влекла бы за собою, может быть, опять переворот в правительстве и упадок страны, только что начавшей развиваться» [Ибис 1875: 124].

Тем самым письмо П. Ибиса из Нагасаки, видимо, основанное на тексте служебного рапорта, является не просто компилятивным очерком, но вполне объек-

тивным исследованием, основанным на разных источниках и содержащим глубокий критический анализ событий 1874 г. Именно это исследование побудило П. Ибиса совершить зимой 1875 г. «этнографическое путешествие», итоги которого изложены в двух его статьях. К сожалению, после «Муданьского инцидента» Тайвань почти на два десятка лет выпал из сферы внимания российских исследователей.

Через 20 лет, к концу XIX в., внимание россиян привлекала уже не только европейская, но и японская пресса. Вскоре после японской аннексии Тайваня в 1895 г. российский военный агент в Китае и Корее К.И. Вогак (1859–1923) прислал в одном из донесений перевод статьи из японской газеты «Ничи-ничи» от 4–5 сентября 1895 г. В статье под заголовком «Как надлежит усмирять остров Тай-вань (Формозу)» подробно изложены цели, задачи и методы освоения новой японской колонии в первичной трактовке самих японцев, которые считали: «Если цели эти не будут достигнуты, то присоединение Тай-ваня лишено всякого смысла и значения». В числе главных мер упомянуты массовое выселение китайцев на материк, японизация оставшихся жителей и активное заселение острова японцами [Как надлежит 1895][Головачёв 2015].

После 1896 г. тема японского правления на Тайване на несколько лет выпадает из российской прессы и вновь становится предметом растущего интереса уже в начале XX в., накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. И снова, из-за нехватки отечественных источников вниманию публики предлагались переводы путевых записей иностранцев, а также труды японских авторов. Одной из таких публикаций стал вышедший в 1904 г. в номерах №№ 9–10 «Нового журнала лите-

ратуры, искусства и науки» перевод очерков немецкого путешественника Адольфа Фишера, посетившего Формозу ещё в феврале-марте 1898 г. [Фишер 1904].

Очерк Фишера «Формоза (японская колония)» отличается явно негативным отношением к японцам¹⁸ и неслучайно появился в российском журнале в разгар русско-японской войны, став орудием пропаганды в информационной «войне СМИ». Тем не менее, заметки Фишера интересны как ценное свидетельство наблюдательного и вдумчивого очевидца, как частное субъективное мнение иноземного странника. Помимо обычных для путевых очерков общих описаний, Фишер приводит любопытные факты о политике модернизации острова, проводившейся при китайском губернаторе Лю Минь-чуане в 1884–1891 гг. и позднее, вплоть до прихода японцев, а также краткие сведения о борьбе островитян против японцев в 1895 г. и в первые годы японского правления. Великолепны словесные зарисовки и иллюстрации, представляющие образ жизни и внешний вид, обычаи и традиции, экономическую деятельность и религии основных этнических групп местного населения (ханьцы, хакка, равнинные и горные аборигены, японцы). Крайне интересны записи Фишера о серии встреч с колониальными чинами, подозревавшими в нём русского шпиона, о политике японцев в отношении местного населения

¹⁸ Как писал Фишер: «Вообще, несмотря на европейский мундир, японский военный остался тем же дикарём, что и был, и кровожадность его нисколько не уменьшилась внешней культурностью. Главный принцип варвара, что на войне всё «позволительно», остался до сих пор его девизом, и в вопросах рыцарской чести он не шагнул ни на йоту вперёд... Жажда крови лежит в существе японской природы; надо видеть, с каким воодушевлением следят они за раздирательными картинами убийств в театре!» См.: Формоза (японская колония) [Фишер 1904, № 9: 190].

(подавление бунтов, образование, языковая и этническая политика), о попытках организации местного ополчения («образовать из дикарей войско на манер русского казачества»), управлении экономикой (монополия на камфару) и пр. Обобщая итоги трёхлетнего правления японцев на острове Фишер резонно указал на ограниченность их успехов: «В Европе ошибочно думают, что, получив Формозу в свои руки, японцы вполне прочно утвердились там и водворили образцовый порядок». Враждебность китайского населения не позволяла японцам сохранять безопасность даже вокруг резиденции генерал-губернатора в Тайбэе, а бытовавший у горных аборигенов обычай охоты за головами приводил к тому, что проникать в «девственные дебри» горных лесов «не отваживается ни один смертный». «Поэтому, – пишет Фишер, – когда я указал на карте Формозы все места, где мне хотелось бы побывать, японские чиновники, убедившиеся вполне, что я не русский и не шпион, очень любезно указывали мне границы, в пределах которых они могут ручаться за мою безопасность и за которыми они сами находятся во власти диких племён и китайских разбойников» [Фишер 1904, № 9: 191; № 10: 39].

Признаком особого внимания россиян к экономической эффективности японского колониального проекта служит редакторское введение к очерку Фишера. По мнению редакторов, при аннексии острова «распоряжавшаяся в то время делами Японии радикальная партия считала необходимым земельное приобретение и сильно прогадала, как показало последующее время. Формоза с 1895 по 1899 год принесла ... убытков на 83 миллиона. Культивировать остров оказалось не так-то легко...» [Фишер 1904, № 9: 187]. В действительно-

сти, «как показало последующее время», упомянутый вывод был слишком поспешным. Уже через несколько лет Японии удалось сделать экономику острова самокупаемой.

Выход в свет ряда японских работ о Тайване, основанных на колониальной статистике и отчётах о полевых исследованиях, не мог не привлечь в те годы внимания мировой науки. В России реакцией на появление нового источника стали переводы этих работ на русский язык. В частности, библиографический очерк Н.П. Мацокина¹⁹ «К этнографии острова Формозы», изданный в 1914 г. журналом «Вестник Азии», составлен из статей Ино Иосинори в №№ 188, 247, 248, 281 «Журнала Токийского Антропологического общества», посвящённых обычаям охоты за черепами и инициации подростков, а также преданиям туземных племён. Переводы Мацокина имели большую историографическую ценность, так как давали лучшее представление об этническом составе, культуре, обычаях, ритуальной символике и социальной иерархии формозцев, а также о японской этнологии [Мацокин 1914; 1916]. К сожалению, переводы Мацокина не дополнены научным исследованием и выводами самого автора.

Ещё одной «формозской» вехой уже в историографии СССР стала вышедшая в «Известиях государственного РГО» статья В.Д. Позднеевой «Остров Формоза или Тайван» [Позднеева 1929]. Статья посвящена Формозской выставке в Токио, приуроченной

¹⁹ Мацокин Николай Петрович (1886–1937). Японец и синолог; лингвист, этнограф, экономист. Служащий КВЖД с 1911 г. Преподавал в ВВИ. С 1922 г. доцент ДГВУ. С сер. 1910-х до сер. 1920-х гг. работал в Харбине. Член Общества российских ориенталистов. Во второй половине 1920-х гг. – профессор ДВГУ. Репрессирован.

к 35-летию японского правления на острове. Указав, что «в нашей советской литературе Формозе отводится доселе очень незначительное место», Позднеева предлагает «совершить с читателями путешествие по Формозе, не выезжая из Токио». При помощи личных впечатлений о выставке, данных доклада генерал-губернатора острова Т. Кавамура и учебника «Новая география, вся Япония» автор знакомит читателя «вкратце с последними общими сведениями о Тайване». Эти сведения включали краткий экскурс в историю заселения острова (малайцы, китайцы, японцы и европейцы) и данные о трёх группах населения (японцы, равнинные аборигены и китайцы, «аборигены-горцы»). Как «исследователь-марксист», Позднеева уделила особое внимание антияпонской борьбе формозцев и политике в отношении «дикарей-горцев». Как пишет автор: «Водворение японской власти над Формозой, во-первых, происходит далеко не мирным путем, во-вторых, ещё не может считаться оконченным» [Позднеева 1929: 340–341, 350, 357].

Статья Позднеевой была одной из последних советских работ о Тайване, написанных до войны по итогам визита автора в Японию. Период с начала 1930-х гг. и до 1945 г. стал новым этапом «заочного» изучения острова. Из-за роста противоречий между СССР и Японией советские востоковеды лишились доступа на Тайвань и были вынуждены вернуться к дистанционному изучению острова по иноязычной литературе. По этой же причине многие работы тех лет, особенно по теме колоний, были заметно идеологизированы и облачены (правда, порой только для вида) в форму резкой критики колониализма и антикоммунизма.

Типичной в плане подобной риторики была статья А. Розена, «Кровавое сорокалетие», изданная в 1935 г. журналом «Тихий океан»²⁰, по случаю юбилея японского правления на Формозе. При помощи данных японской науки²¹ автор изобличает «ужасный путь сорокалетнего варварского хозяйничания японских завоевателей», в том числе этническую политику японцев, состоявшую в «бесперывном истреблении аборигенов», абсолютном господстве японцев, открытой дискриминации, жестоком угнетении и ассимиляции местных жителей [Розен 1935, №3: 105].

В описании этнической ситуации на острове Розен тоже даёт краткий экскурс в историю и указывает, что Формоза, одна из старейших колоний мира, ещё до перехода в 1895 г. к японцам прошла уже 285-летний путь чужеземного владычества. За два с лишним века китайской колонизации туземцы были выжиты с западной равнины острова и частично превращены в зависимых крестьян. Из-за войн с китайцами и трудной жизни в наиболее суровых районах общее число туземцев оставалось небольшим и ко 2-й половине XIX в. китайцы уже составили большинство населения острова. После 1895 г. все командные высоты в политике и экономике оказались у японцев, а структура колониального управления защищала интересы японцев, в ущерб интересам формозцев [Розен 1935, № 3: 105–106; № 4: 86].

²⁰ А. Розен – псевдоним работника ЦК ВКП(б) А. Бремена. «Тихий океан» – политико-социально-экономический ежеквартальный Института мирового хозяйства и мировой экономики Комакадемии (Тихоокеанский кабинет).

²¹ Розен использовал данные по демографии и экономике из «Нихон кэйдай нэнпо» (1931, вып. III, № 5) и книгу Я. Тадао «Формоза под властью японского империализма» [Розен 1935, № 3: 110–111, 119; № 4: 94, 97, 98].

По поводу положения туземцев Розен утверждает, что «такого режима, какой установлен японцами для аборигенов, не существует ни в одной из других колоний мира». К покоренным племенам они применяют политику ассимиляции, а к непокорным – методы истребления. «Можно не сомневаться, – предвещал Розен, – что при сохранении японского владычества над Формозой еще в течение десятка лет непокоренные племена будут либо окончательно истреблены, либо «подчинены» таким же образом, как племя *сайсет*, из которого осталось всего-навсего 1300 чел., хотя при занятии острова японцами оно насчитывало 15 000 чел. ... В «лучшем случае» под японским владычеством они обречены на постепенное вымирание». Как пишет далее Розен, все слои китайцев на острове тоже жили под прессом «жесточайшего военно-полицейского режима» и подвергались тотальной культурной и языковой дискриминации. По сути, «руководящим принципом японской политики за последние годы является «ассимиляция», или, более точно выражаясь, *японизация* местного населения» [Розен 1935 № 4: 88-89].

Вслед за японцами Розен выделил 3 периода их правления на Формозе. 1896–1906. Отсутствие определённой правительственной политики в отношении формозцев (по Розену – период широкого грабежа); 1906–1915. Усиление репрессий против туземцев и ведение «воспитательной политики» в отношении местных китайцев; 1915–1935 (до выхода статьи). Период так называемой «ассимиляции» туземного населения [Розен 1935, № 4: 88–89]. Хотя эта периодизация выглядит не совсем точной, видимо, из-за нехватки сведений у автора, само обсуждение периоди-

зации всей колониальной истории острова стало новым словом в советском «тайваневедении».

Власти колонии, писал Розен, даже гордились своим «благодетельным» и «культурным управлением». Но «хозяйничание японцев на острове, носившее... грабительский характер, вызвало мощное сопротивление местного населения, особенно аборигенов, и японские карательные экспедиции ... принимали характер доподлинных военных кампаний, длившихся годами» [Розен 1935, № 3: 105, 108; № 4: 89]. Недовольство островитян, «внешняя экспансия и кризис делают японские колонии и, в том числе Формозу, наиболее слабыми звеньями в системе японского империализма, ... которые могут не только первыми выпасть из общей цепи, но и увлечь за собой всю монархию». Осознание этой опасности правителями Японии привело к введению «самоуправления» на Формозе с 1 апреля 1935 г. Но создание видимости реформ не может изменить характер управления островом, так как вся власть оставалась в руках генерал-губернатора. В итоге, подобные «маневры» колониальных властей, предрекает Розен, «никого не удовлетворят, а, наоборот, приведут к... усилению национально-освободительного движения на Формозе» [Розен 1935, № 4: 97].

Как верно отмечала Ф.А. Тодер, при всей обличительной риторике статья Розена была последней в СССР серьёзной довоенной работой по Тайваню. Тяжёлые годы сталинских репрессий, сгубивших многих востоковедов, а также борьба с милитаристской Японией не способствовали выходу в СССР новых работ о Тайване. Дефицит исследователей и исследований мешал получению картины реальных событий на острове [Тодер 1993: 52–53]. Поэтому для выхода

из положения был сделан перевод книги «Формоза под властью японского империализма», написанной в 1929 г. социалистом Янайхара Тадао. Эта книга, изданная на русском языке в СССР в 1934 г., основана на широком круге источников и содержит массу ценных сведений об этнополитическом, экономическом и культурном состоянии острова. Оценивая обстановку внутри и вокруг Тайваня на рубеже 1930-х гг. Янайхара заключал, что время широких социальных движений не пришло, «идеи коммунизма являются чужеродным телом для Формозы», национальное движение ещё не может полностью пролетаризироваться, так как пролетариат слаб, а влияние мелкой и средней формозской буржуазии и помещиков ещё велико [Янайхара 1934: 152–156, 161–162].

Эти выводы вызвали резкую отповедь советских издателей, увидевших в них «эклектическую твердолобость автора, социал-фашистские выводы которого никакая действительность прошибить не может» [Янайхара 1934: XIX–XX]. К сожалению, обвинив автора в «кашеобразном бессистемном расположении материала», издатели сами изготовили и опубликовали тенденциозно сокращённый, выхолощенный и перекроенный перевод, не отражающий точку зрения автора [Головачёв, Молодяков 2014: 87–88]. Как бы то ни было, осторожные выводы японского социалиста оказались в итоге реальнее смелых прогнозов его марксистских критиков. Само время доказало, что представленные в книге материалы ценны не только богатой фактурой, но и оригинальными, глубоко компетентными суждениями автора.

Несколько особняком от прочих довоенных работ стоит изданная в 1937 г. статья Н.В. Кюнера

«Коллективные охоты у формозских племён (у племени атайял)» [Кюнер 1937]. Видимо, из-за специфики времени и журнала «Советская этнография» статья носит чисто описательный характер, без всяких оценок и комментариев. Например, в ней нет, казалось бы, уместных упоминаний о запрете обычной «охоты за головами» японскими властями. Тем не менее, помимо прилежного пересказа этнографических фактов, статья ценна списком литературы об Атайял на русском, японском и западных языках, а также тремя картами расселения аборигенов с пояснениями [Кюнер 1937: 101, 108–109]. Примерно тогда же Кюнер составил две рукописи: «Горные племена Формозы» и «Народы острова Формозы (Тайвань)», которые имели более крупный формат, но до сих пор не изданы и хранятся в фондах ИВР РАН [Кюнер Архив I; Кюнер Архив II].

После Второй мировой войны прошло много лет, прежде чем советское востоковедение вновь включило Тайвань в поле своих исследований. Гибель многих учёных в годы войны и репрессий, послевоенные трудности и политическая острота проблемы Тайваня делали изучение социокультурных аспектов жизни острова невозможным и небезопасным [Тодер 1993: 53–54]. Исключением стала доступная лишь специалистам диссертация «Захват Формозы Японией», защищённая Ф.А. Тодер в 1946 г.

Литература об острове для широкого советского читателя была представлена единичными пропагандистскими опусами, а также переводами с китайского языка. Например, изданная в 1955 г. брошюра «Тайвань – исконная китайская земля» представляет собой чисто пропагандистскую компиляцию (54 стр.,

тираж 75 000 экз.), в которой освобождение Тайваня, превращённого в «плацдарм американских империалистов» и страдающего «под гнётом оккупантов и гоминдановских реакционеров», названо исторической задачей китайского народа [Иванько 1955]. Таким же образом в трижды изданном в СССР в 1953–1959 гг. справочнике «Тайвань: географический очерк», как уверяли его издатели, «автор убедительно показывает историческую принадлежность Тайваня Китаю». По словам самого автора этой «проникнутой духом патриотизма книги»: «Жители Тайваня... не намерены терпеть иго чужеземцев. Судьба тайваньских соотечественников волнует весь китайский народ. Защищая свой суверенитет, трудящиеся КНР не ослабят усилий, направленных на выполнение священного долга освобождения Тайваня» [У Чжуанда 1959: 4, 11].

Кроме подобной риторики справочник содержит данные о расселении, национальном составе и численности тайваньцев до 1943 г., основанные на японских источниках [У Чжуанда 1959: 84, 88–90]. Тут же дана справка о путях и истории китайской миграции, японской колониальной политике японцев, народной борьбе с японцами после 1895 г. и т.д. Для обоснования китайской принадлежности острова автор приводит гипотезу о миграции первых аборигенов с побережья южного или юго-восточного Китая и «удревняет» до 1700 лет историю китайской иммиграции в имперский период. Раздел «Народность гаошань» даёт картину расселения равнинных и горных племён, их численность, сведения об их угнетении, японизации и борьбе против японского господства. После разгрома японцев в 1945 г. и бегства Гоминьдана на Тайвань в 1949 г., уверяет автор, «угнетение гаошаньцев чанкайшистами

принимает всё более жестокие формы». В конце книги автор вновь напоминает, что «Тайвань – исконная китайская земля», а 1700-летнее освоение Тайваня – заслуга «трудолюбивого китайского народа». Поэтому «возвращение в лоно процветающей и сильной родины» сулит острову «блестящие перспективы развития и даст возможность тайваньскому народу жить новой, счастливой жизнью» [У Чжуанда 1959: 90–106, 318–320].

Новые научные работы по этнографии Тайваня появились в СССР лишь в конце 1950-х гг. Статья Г.Г. Стратановича «Некоторые данные по этнографии Амэй» [Стратанович 1958], как и статья Кюнера, вышла в журнале «Советская этнография» и содержит описание материальной культуры, быта, обрядов и обычаев народности *амэй*. Но автор подаёт факты уже не сами по себе, а в контексте общего этногенеза народов Восточной Азии и поднимает вопрос о корректности экзоэтнонима «*гаошань*» как общего названия разноплеменных горных и равнинных аборигенов. Как и советские учёные 1930-х гг., Стратанович не имел условий для «полевой экспедиционной работы на Тайване». Тем не менее, в статье впервые использованы записи устного опроса двух туземцев народности Амэй, проведённого в Пекине в ходе поездки автора в КНР в 1957 г.

Тема этногенеза аборигенов была затронута Стратановичем и в 1962 г. В сообщении «К вопросу о путях переселения племён «гаошань» на о. Тайвань» [Стратанович 1962] автор цитирует доклад Э. Канеко, озвученный в 1957 г. на XII форуме Общества японских этнологов и антропологов. Доклад, основанный на полевых материалах Канеко и других японских

коллег, представил верования аборигенов в контексте этногенеза «гаошань». По мнению Канеко, благодаря детально разработанному ритуалу погребения, разные племена формозцев сохранили более или менее чёткую память об исходных районах их миграции на Тайвань, что позволяет нанести на карту примерные пути их расселения по острову. К сожалению, статьи Стратановича затронули лишь названные выше темы. Подход к «национальной проблеме» острова озвучен им в обычном для официальной китайской науки ключе: Тайвань – исконно китайская земля [Стратанович 1962: 176–177]. Пристрастно оценивая научную жизнь на острове, автор даёт в статье следующий идеологизированный комментарий: «Как известно, полевая экспедиционная работа на Тайване 50 лет тормозилась японской оккупацией. Новая американо-чанкайшистская оккупация в ещё большей мере препятствует проведению объективных научных исследований» [Стратанович 1958: 117]. Очевидно, что подобные оценки, в свою очередь, мешали объективности научных исследований в СССР.

Ухудшение советско-китайских отношений в 1960-х гг. лишило советских учёных возможностей изучать Тайвань совместно с коллегами из КНР. Одной из редких публикаций тех лет была статья Б.М. Новикова «Восстание 1787–1788 гг. на Тайване» [Новиков 1966]. Описывая этносоциальные условия, во многом предрешившие судьбу восстания, Новиков указывает на сложные отношения между разными этническими группами «гаошань» и китайцами (ханьцами), а также между выходцами из разных провинций Китая (Фуцзянь, Гуандун и пр.). Распри и конфликты между ними активно использовались властями Цин и местными

помещиками. Зачинщиками восстания были члены тайного «Общества Неба и Земли» (Тяньдихуэй), выдвигавшего антима manchжурский лозунг «Свергнем Цин, восстановим Мин» (*фань Цин фу Мин*). Но лозунг был просто формальным, а этнический фактор не столько сплачивал, сколько разобщал повстанцев. В итоге, как пишет Б.М. Новиков, взаимная рознь и отчуждённость этнических групп стали роковыми для всего восстания [Новиков 1966: 200–202, 216].

Политический интерес руководства СССР к «тайваньской проблеме», проснувшийся на рубеже 1970-х гг. в связи с резким обострением связей с Пекином, привёл к некоторому улучшению условий для издания работ по Тайваню. Одной из первых к изучению этнической тематики вернулась Ф.А. Тодер. В статье 1972 г. о трансформации китайских традиций на Тайване [Тодер 1972] она упоминает три волны массовых китайских миграций (XII–XVI, XVII и XVIII вв.), которые привели к быстрому росту числа китайцев на острове. Переселенцы из Гуандуна и Фуцзяни говорили на разных диалектах и резко делились на две группы – *хакка* и «*пунти*» (фуцзяньцы), каждая из которых опиралась на свои традиции и землячества. Социальная и этническая рознь сильно осложняли отношения формозцев. Сотрудничество и конкуренция разных этносоциальных групп требовали посреднической системы управления и контроля на уровне колониальных властей, землячеств и кланов. Создание этой системы было частью политики голландцев, манчжуров и японцев в отношении китайцев [Тодер 1972: 314–321, 325].

Что касается изменения традиций, то, как пишет Тодер: «Тайваньская действительность сплотила

китайцев в определенную социальную общность, опиравшуюся уже на свои ... традиции и явственно противостоявшую традиционным для континентального Китая порядкам, которые пытались навязать населению острова цинское правительство. ... Столкновение классических китайских традиций централизованного управления... со сложившимися на Тайване собственными нормами... было причиной многочисленных восстаний и волнений» [Тодер 1972: 326].

Как и в Китае, народные движения на острове принимали в основном религиозную форму, скрываясь под оболочкой тайных обществ и сект. Как говорилось выше, во времена Чжэн Чэн-гуна и династии Цин эта деятельность нередко велась под антиманьчжурскими лозунгами. После захвата острова в 1895 г. Япония не могла быстро подавить сопротивление формозцев грубой силой. Поэтому ей пришлось перейти к «научному» управлению с учётом этнической психологии и традиций китайцев. Полувековое господство японцев наложило заметный отпечаток на традиции, культуру и быт формозских китайцев. В целом заключает Тодер, в особых условиях Тайваня национальные китайские традиции претерпели за многие века определённые изменения, вплоть до появления новых социальных традиций. Эти изменения определялись как духом времени, так и политикой властей, пытавшихся использовать традиции в роли рычагов для закабаления китайского населения Тайваня [Тодер 1972: 326–328, 330–332].

Этническая политика правителей острова представлена и в монографии Тодер «Тайвань и его история (XIX в.)» [Тодер 1978]. В XIX в. этнический фактор играл важную роль в борьбе капиталистических держав

за Тайвань, завершившейся захватом острова Японией. В связи с этим Тодер показывает истоки китайской миграции и особенности этносоциального развития на острове, политику европейцев и Цинов, захват Тайваня японцами, успехи и провалы политики Японии в начале колониального правления (1895–1905) и другие темы. Впервые в СССР автор рассмотрела, используя зарубежные источники и литературу, народную борьбу против захвата острова Японией и создание в 1895 г. «государства народного правления Тайвань» – первой (и очень кратковременной) формально провозглашённой республики в Азии.

В 1970-х гг. тема народной борьбы против установления власти маньчжуров на Тайване была продолжена в книге Н.И. Фоминой «Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая: середина XVII в.» [Фомина 1974]. В главе 4 «Превращение Тайваня в базу антицинской борьбы» автор осветила многие в то время малоизвестные в СССР аспекты тайваньской истории, такие как борьба Чжэн Чэн-гуна с маньчжурами и изгнание им с острова голландцев, устройство, внутренняя и внешняя политика государства Чжэнов и др. Широкий круг использованных источников и литературы позволил автору глубже выявить роль этнополитических факторов в гибели династии Чжэн и эволюции форм антицинской борьбы на позднем этапе маньчжурского завоевания Китая в конце XVII в. (гл. 5). Очевидной заслугой автора стало привлечение работ не только китайских, но и тайваньских историков, а также ряда «антицинских» источников, таких как указы Чжэн Чэн-гуна и текст его договора о Тайване с капитулировавшими голландцами [Фомина 1974: 6]. В историографическом разделе Фомина разбирает дискуссии о соотно-

шении национальных и прочих социальных факторов антицинской борьбы, отразившие мнения китайских, западных и советских синологов. Ссылаясь на выводы Г.С. Кара-Мурзы, Фомина заключает, что «нельзя переоценивать чисто национальные моменты в отношении китайцев к маньчжурам. Антиманьчжурские настроения в значительной степени определялись тем, что именно маньчжуры были эксплуататорами китайского народа» [Фомина 1974: 26–27]. Это суждение в целом актуально и для последующих антицинских народных движений на Тайване.

В 1960–1970-х гг. изучению аборигенов Тайваня уделяли внимание и советские этнологи. Так, Р.Ф. Итс посвятил *гаошань* главу «Индонезийские народы» в томе «Народы Восточной Азии» и работу о производственных объединениях аборигенов. Но Итс изучал *гаошань* лишь в общем контексте этногенеза и миграций народов Восточной Азии, не фокусируясь на этнической истории самого Тайваня [Народы 1965] [Итс, 1972 (I); 1972 (II)]. Свидетельством интереса к истории изучения аборигенов острова стало переиздание в 1981 г., по версии 1935 г., книги Н.А. Невского «Материалы по говорам языка Цоу» [Невский 1981].

Активное изучение этнической истории острова вёл с начала 1970-х гг. М.Ф. Чигринский (1927–1999), который первым в СССР представил основной спектр этнических проблем, изучаемых в мировом, прежде всего европейском тайваневедении. В его работах дан обзор важнейших письменных, археологических и прочих источников и литературы по этнической истории острова. Помимо изучения источников и историографии, в круг интересов М.Ф. Чигринского изначально входили такие темы, как древние миграции и заселение

острова туземцами, этнический состав жителей Тайваня в XVII в., история китайской и европейской колонизации, общественный строй, материальная и духовная культура аборигенов и другие темы [Чигринский 1972; 1973; 1975; 1976; 1997].

Большой заслугой М.Ф. Чигринского стало возвращение в научный оборот забытых в советское время работ П.И. Ибиса [Чигринский 1982; Чигринский 1984], А.К. Мольтрехта [Чигринский 1983], С.Г. Елисеева [Чигринский 1992] и возрождение интереса к именам этих талантливых исследователей, лично посещавших Тайвань.

В целом в послевоенное советское время изучение этнической истории острова оставалось по-прежнему уделом отдельных учёных. Их редкие публикации носили разрозненный, разнородный, неравномерно публикуемый характер. В то же время послевоенные исследования эпизодически получали поддержку властей, постепенно утрачивали былую зависимость от политики и идеологии и приобретали всё более свободный, содержательный и объективный характер. Эта тенденция предопределила выход на новый этап после распада СССР и возрождения прямых российско-тайваньских научных связей.

1.3. Современный этап изучения этнополитической истории Тайваня в России (с начала 1990-х гг. до настоящего времени)

Возрождение российско-тайваньских научных связей после 1991 г. открыло новую эру для «тайванедов» России. После перерыва в 60 с лишним лет

они вновь обрели возможность работать на Тайване, используя весь круг источников и литературы. Это заметно повысило число и качество третьей группы «универсальных» публикаций по этнологии острова, хотя общая изученность данной темы в России все ещё невысока.

Новые времена и всплеск общего интереса россиян к острову потребовали ревизии накопленного ранее научного наследия. Эту задачу отчасти решила статья Ф.А. Тодер «История изучения Тайваня в России», содержащая не только обзор отечественных публикаций, но и интересные личные воспоминания самого автора [Тодер 1993]. В 1993 г. А.Н. Хохлов опубликовал в статье «Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.)» ценные архивные сведения о побывавших в XIX–XX вв. на острове россиянах и их записях о Тайване и его жителях [Хохлов 1997; 1993].

Первый в российской историографии специальный «очерк этнической истории и традиционной культуры» аборигенов Тайваня опубликовал в 1993 г. в виде автореферата М.Ф. Чигринский [Чигринский 1993]. Защита в 1993 г. кандидатской диссертации «Аборигены Тайваня: очерк этнической истории и культуры» стала пиком научной работы М.Ф. Чигринского. В диссертации, опираясь на корпус европейских, китайских и японских источников, автор обобщил итоги своих 20-летних исследований. В частности, он анализирует сведения по этнографии равнинных аборигенов в период до начала их ассимиляции, исследует социальную организацию, материальную и духовную культуру горных аборигенов, показывает основные пути этногенеза и этапы их этнической истории. Особое внимание уделено политике в отношении туземцев,

проводившейся европейскими, китайскими и японскими колонизаторами, а также властями Гоминьдана после 1945 г. Отмечая быструю аккультурацию и ассимиляцию аборигенов в современном Тайване, М.Ф. Чигринский мрачно констатирует, что «в этих условиях все попытки гаошаньской интеллигенции восстановить традиционные институты вряд ли смогут дать положительные результаты» [Чигринский 1993: 1, 7–11, 25]. В действительности за минувшую с 1993 г. четверть века положение коренных народностей Тайваня заметно улучшилось, и сегодня, при поддержке властей и упомянутой «гаошаньской интеллигенции», большинство из них переживают бурное этнокультурное возрождение.

Неточность частных прогнозов М.Ф. Чигринского никак не умаляет общей значимости его исследований. В 1995 и 1998 гг. он опубликовал две статьи об этнической политике Цин на Тайване, которая представлена в основном как действия цинских властей по китаизации (аккультурации и ассимиляции) аборигенов [Чигринский 1995; 1998]. В целом к концу 1990-х гг. М.Ф. Чигринский опубликовал более 30 работ по этнической истории, политике и культуре Тайваня и внёс на тот момент наибольший вклад в изучение этих тем востоковедами России.

В эти же годы, пользуясь вновь появившейся у россиян возможностью работы на самом острове, к изучению культуры и фольклора тайваньских аборигенов подключился академик Б.Л. Рифтин. За годы работы на Тайване (1992–1998) Рифтин собрал и глубоко изучил богатейший материал о мифах и преданиях аборигенов, в т.ч. касающийся многих аспектов этнической истории, а также вклада Н.А. Невского в изучение

народности Цоу. [Рифтин 1992; 1998; 2001] [Кучера 2000; Азаренко, Комиссаров 2005]. Работы последнего, благодаря Б.Л. Рифтину, были переведены на китайский язык, а затем изданы в КНР и на Тайване. Работы самого Б.Л. Рифтина, основанные на его личных полевых исследованиях, являются не менее ценным, во многом уникальным вкладом в мировое этнокультурное изучение коренных народностей острова.

В 1990-х гг. в России были также опубликованы две статьи С.И. Кучеры, подготовленные в ходе его научной стажировки на Тайване в 1995–1996 гг. Эти статьи, основанные на археологических данных, посвящены первобытной истории, в частности, теме возможных путей заселения острова с материкового Китая [Кучера 1998; 1996: 256–264].

Если в 1990-х гг. миссия продолжения традиций тайваневедения лежала по-прежнему на плечах старшего поколения, то начало XXI в. совпало с приходом более молодого поколения китаеведов, с появлением новых имён, заметно ожививших изучение этнической истории Тайваня в России. Их преимуществом стало хорошее владение китайским языком и современными научными знаниями, личное знание острова и доступ ко всему спектру источников и литературы, включая тайваньские, японские, китайские, российские и западные научные труды.

Работы по этнической истории и политике Тайваня, изданные в России за первые 15 лет XXI в., не слишком многочисленны, но охватывают достаточно широкий спектр тем. Это такие темы, как пути древних миграций и заселения острова, связи древних культур с современными коренными этносами [Азаренко 2006; 2005; 2003]; политика управления туземцами при голландцах

[Головачёв 2010 II]; обычаи и фольклор тайваньских аборигенов [Азаренко, Комиссаров 2003; Головачёв 2007 I]; языковая политика на острове в XVII–XXI вв. [Головачёв 2007 I; 2007 II][Азаренко 2001; 2002]; борьба тайваньцев против Японии в 1895 г. [Головачёв 2015; Верченко 2016], доктрина паназиатизма, образование и политика ассимиляции (японизации) формозцев в годы правления японцев (1895–1945) [Головачёв 2006; 2008 I; 2008 II; 2009; 2015][Белогурова 1999; 2000]; политика «деяпонизации», «декитаизации» и «тайванизации» тайваньского общества [Головачёв 2007 III; Азаренко 2001], формирование «тайваньской идентичности» [Малявин 2004; Ишутина 2006; Головачёв 2010 I; Каимова 2014; Каимова 2015] и т.д. Примечательно, что в целом расширилась и география проживания современных отечественных авторов – Москва, Новосибирск, Владивосток, Тайбэй и Токио. К сожалению, после ухода М.Ф. Чигринского из этого ряда выпал Санкт-Петербург.

Проблемы этнической политики на Тайване во времена голландского, японского и китайского правления исследуются с 2006 г. в серии статей В.Ц. Головачёва. В этих статьях рассматриваются языковая и образовательная политика различных властей острова [Головачёв 2007 I; Головачёв 2007 II; Головачёв 2009], политика «усмирения» аборигенов и китайцев в голландский и японский периоды [Головачёв 2010 I; Головачёв 2015], идеологические аспекты этнической политики, начиная от доктрины «единодушия» японцев и китайцев, заявленной в 1900 г. Симпзэем Гото, до попыток искусственной смены «тайваньской идентичности» в конце XX в. и начале XXI в. [Головачёв 2008 I; Головачёв 2007 III; Головачёв 2010 II] и т.д.

Отдельным активно развивающимся сегодня направлением, начало которому положили работы Б.Л. Рифтина, М.Ф. Чигринского и А.Н. Хохлова, становится история этнологического изучения острова посещавшими его в XIX–XX вв. россиянами (Ибис, Левитов, Мольтрехт, Елисеев, Невский), в том числе биографии этих учёных, темы, проблематика и методики их научных исследований. [Головачёв 2012; 2017 I][Головачёв, Перминова 2014; 2015].

Накопленный к началу 2000-х гг. конкретный материал сделал возможным появление обобщающих и сравнительно-исторических работ, представляющих этнические процессы и политику на острове в контексте национального развития всего Китая.[Москалёв 2005; Кузнецов 2010] В частности, обобщая работы Ф.А. Тодер, П.М. Иванова, В.Ц. Головачёва, В.В. Малявина, А.А. Писарева и других авторов, А.М. Кузнецов рассматривает историю Тайваня с конца XIX в. до начала XX в. в этнополитическом контексте или в свете этнонациональной политики и нациестроительства в Китае [Кузнецов 2010: 111–130]. Н.И. Калашников первым в отечественной литературе предпринял попытку сравнительного анализа японского управления Тайванем и Кореей, поместив его в широкий контекст колониальной политики других держав [Калашников 1999]. Анализ сути и эволюции колониальной политики (в т.ч. этнической политики) Японии на Тайване, рассматриваемой в историческом и сравнительном пространственно-временном ключе, нашёл продолжение в 2014–2017 гг. в серии статей В.А. Перминовой [Перминова 2014 I, II, III, IV; 2015; 2016]. Личный вклад гражданского губернатора Гото Симпэя, заложившего в 1898–1906

гг. ключевые основы японской этнической политики на острове, исследован в работе В.Э. Молодякова о Гото Симпэе и колониальной политике Японии на Тайване [Молодяков 2005].

Признаком выхода на новый уровень исследований стали историографические работы, обобщающие достижения отечественной и мировой науки. Этнологические публикации россиян, тайваньских и японских учёных в XIX–XXI вв. рассмотрены в ряде историографических статей российских авторов [Азаренко 2004; Азаренко, Комиссаров 2007; Кузнецов 2010] [Головачёв 2011 II; 2011 III; 2011 IV; 2012 I; 2012 II]. Широкий обзор историографии КНР выполнен в 2008 г. Ю.А. Азаренко. Несмотря на немного «зауженное» название, статья «Этнолингвистические процессы на Тайване в освещении историографии КНР» раскрывает общие тенденции изучения учёными КНР этнических процессов и языков народов Тайваня в прошлом и настоящем. В ней обсуждается актуальность этнологических исследований Тайваня в КНР и их развитие, рассмотрены различия в терминологии материковых и тайваньских этнологов, а также взаимосвязь их исследований [Азаренко 2008]. Широкий обзор отечественной, китаеязычной, западной и японской историографии по теме представлен в статьях В.Ц. Головачёва [Головачёв 2011 I и т.д.]. Появляются и сводные историографические обзоры по отдельным периодам истории, такие как книга «Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке (аналитический обзор)» [Головачёв, Молодяков 2014]. Данная книга и изданный в 2016 г. сборник статей «Тайвань под японским управ-

лением: новые материалы и исследования» служат весомым результатом ещё одного качественно нового явления – реализуемого с 2013 г. проекта международного сотрудничества, объединившего китаеведов и японистов ИВ РАН, а также их японских коллег из токийского университета Такусёку [Тайвань под японским 2016]. В рамках этого же проекта, помимо вышеназванных работ, опубликована и серия статей российских авторов на японском языке [Молодяков, Перминова 2014; Молодяков 2014; 2016].

Признанием значимого вклада россиян в изучение истории Тайваня становятся рецензии на их работы и переводы их работ на иностранные языки. В 1999 г. в электронной библиотеке «Formosa» на сайте Ридколледжа (США) помещены английские переводы русскоязычной (1876) и немецкоязычной статей П.И. Ибиса (1877), а также статьи М.Ф. Чигринского с биографией Ибиса (1982 г.)²². Статья 1877 г. и краткая биография П.И. Ибиса были переведены на китайский язык и изданы на острове в 2006 г. в сборнике «американских и европейских впечатлений XIX в. о Тайване» [Curious investigations 2006]. Эти же английские переводы легли в основу перевода доктора Гун Фэй-тао, снабдившего китайский текст фотографиями, иллюстрациями XIX в. и комментариями (идентификация топонимов, этнонимов, имён и персоналий, реконструкция маршрута Ибиса и пр.)²³ [Циннянь Ибис].

²² См. ссылки: <http://www.reed.edu/Formosa/texts/Ibis1876.html> и <http://www.reed.edu/Formosa/texts/IbisBio.html>

²³ См.: Блог доктора Гун Фэй-тао: <https://ting-tau.blogspot.ru/2013/01/ibis.html> // Блог доктора Гун Фэй-тао: TING-TAU.BLOGSPOT.RU. URL: <https://ting-tau.blogspot.ru/2013/01/ibis.html> (дата обращения: 17.07.2017).

В 2003 г. в токийском журнале «Исследования по аборигенам Тайваня»²⁴ вышел перевод на японский язык статьи Ибиса 1876 г. с комментариями, выполненный преподавателем тайваньского Университета культуры, японским русистом Цукамото Дзэнъя [Цукамото 2004]. В 2008 г. этот же автор выпустил статью о визите на остров в 1908 г. А.К. Мольтредта, а в 2016 г. – перевод доклада С.Г. Елисеева о Тайване (1915), изданного в 2014 г. в России [Головачёв, Перминова 2015]. Наконец, в 2018 г. НИИ истории Тайваня при Академии Синика планирует издать перевод на китайский язык историографии В.Ц. Головачёва и В.Э. Молодякова [Головачёв, Молодяков 2014]. В январе 2017 г. в журнале «Tamkang Journal of International Affairs» вышла англоязычная рецензия на эту книгу, написанная известным китаеведом А.А. Писаревым [Pisarev 2017].

Почти незамеченной, но значимой вехой, отражающей связи японской и российской историографии, стала статья Д. Цукамото, изданная в 2003 г. в «Вестнике Рыбинского отделения Русского исторического общества». Эта статья, посвящённая поездке Н.А. Невского на Тайвань в 1927 г., содержит общую оценку этнографического вклада учёного и важные сведения о его помощнике Гао Ий Шене. Последний был известной фигурой и просветителем из народа *цзу*, лояльно сотрудничавшим и с японцами, и с Гоминьданом. Но как защитник интересов соплеменников Гао был задержан в 1942 г. японской полицией (за активное противодействие приказу о расширении «добровольной» мобилизации аборигенов в армию), а в 1954 г. и вовсе

²⁴ Журнал выпускается в Токио японским обществом исследований по аборигенам Тайваня «Дзюньэки» (Shung Ye Japanese Research Group on Indigenous Peoples of Taiwan).

расстрелян гоминьдановцами по подозрению в содействии подготовке «восстания коммунистов» [Цукамото 2003: 100-101].

Таким образом, российские исследования по этнополитической истории Тайваня заметно расширились и активизировались в XXI в., приобрели систематичный характер и становятся предметом всё большего внимания и признания со стороны зарубежных коллег. В целом изучение этнической истории Тайваня, а также этнической политики как ключевого фактора этой истории было и остаётся для российских востоковедов важной научной задачей.

Глава 2

Исследования по этнополитической истории Тайваня в западной историографии (XVII–XXI вв.)

В отличие от многотысячелетней истории Китая письменная история собственно Тайваня насчитывает лишь около четырёх веков. На западе письменные публикации о Тайване появились со второй половины XVII в., целенаправленное обобщение и систематизация сведений велись с момента публикации в начале XVIII в. сочинений европейских миссионеров, а научное изучение истории Тайваня, включая её этнологические аспекты, ведётся около 200 лет.

2.1. Сбор и систематизация сведений об острове в Европе в XVII–XVIII вв.

Первые подробные, относительно достоверные описания Формозы и её обитателей, принадлежащие перу голландских колонистов, являются главным источником сведений по этнической истории острова в эпоху правления европейцев (1624–1662). Однако голландская Ост-Индская компания (ГОИК) ревностно берегла свои секреты и строго запрещала бывшим сотрудникам публиковать любые архивные

сведения о регионах под управлением своих колониальных администраций.

Одной из первых европейских публикаций об острове в XVII в. является анонимно изданная в 1675 г. в Амстердаме книга «Потеря Формозы» [Verwaerloosde Formosa 1675]. В этой книге с зашифрованным авторством, на самом деле составленной последним губернатором острова Фредериком Койеттом и его соратниками (книга подписана аббревиатурой «С.Е.С.» – т.е. *Soyett et Socii*), содержатся интересные сведения, связанные с 38-летней политикой голландцев в отношении китайцев и аборигенов. В частности, в ней подробно описаны репрессивные и прочие регулирующие меры, предпринимавшиеся для усмирения китайских переселенцев, которые считали себя слишком угнетёнными, а также меры против подстрекательств китайского генерала Косинги (Чжэн Чэн-гуна), положившего глаз на Формозу [Campbell 1903: 384–389]. Авторы книги указывают, что главной причиной утраты Формозы в результате конкуренции с китайцами стали недалёковидные действия Совета ГОИК в Батавии, многие годы упорно игнорировавшего китайскую угрозу. На самом деле голландцам с самого начала стоило либо вкладывать нужные деньги для обороны острова и поддержания репутации ГОИК в Азии, либо не заводить дело вообще [Campbell 1903: 391]. В книге также подробно описана драматичная история обороны форта Зеландия в 1661 г. и изгнания с острова голландцев, случившегося после длительной осады 30-тысячной армией Чжэн Чэн-гуна.

После изгнания голландцев Чжэн Чэн-гуном европейцы более полувека не имели доступа на Формозу и потому не оставили известных науке письменных

известий об этом периоде. Видимо, поэтому европейский учёный мир воспринял как сенсацию появление в 1704–1705 гг. подробных «описаний» истории, языков, религии, обычаев и нравов формозцев, принадлежавших перу «уроженца Формозы» Джорджа Псальманаазара [Psalmanaazaar 1705; 1764; 1765][Foley 1968; Swiderski 1991]. Однако автор этих работ оказался самозванцем, позднее открыто признавшим свое мошенничество, а его остроумные творения, вполне возможно, вдохновили М. Бенёвского на продолжение в конце XVIII в. описаний Формозы в жанре авантюрной фантастики.

Наиболее ранним голландским сочинением начала XVIII в. является книга миссионера Франсуа Валентайна «Oud en Nieuw Oost Indien» (Старая и Новая Ост-Индия) [Francois Valentijn 1726]. Эта книга на голландском языке, вышедшая в 1724–1726 гг. в 5 частях и 8 томах, описывает историю деятельности ГОИК в странах Востока. По-видимому, Валентайн одним из первых добрался до секретных архивов ГОИК, поэтому его книга до сих пор остаётся ключевым источником по истории всей 38-летней деятельности компании на Формозе. Сообщаемые в ней сведения о различных этнических группах, их непростых отношениях и о менявшейся этнической политике голландцев на острове чрезвычайно обширны и уникальны.

Самым ранним франкоязычным источником XVIII в. являются «Заметки Ж. де Майя о визите на Тайвань в 1715» [Campbell 1903: 504–518]. Автор, французский миссионер-иезуит, был послан на Формозу императором Канси для составления «европейской» карты острова. Заметки де Майя содержат собранные им сведения о природе острова, о местных китайцах, абори-

генах и отношениях между ними. Они сообщают об образе жизни, самоуправлении, обычаях и верованиях равнинных и горных аборигенов, о встречах с немногими оставшимися с голландских времён туземцами-христианами, а также другие ценные факты и авторские наблюдения. Привлекая китайские и голландские источники, де Майя пишет об иммиграционной политике и системе местной администрации Цин, о временах открытия острова китайцами, голландского правления, войны с Чжэн Чэн-гуном и правления клана Чжэн, вплоть до перехода острова в 1683 г. под власть маньчжурской династии Цин (1644–1912). При этом де Майя реалистично отметил, что «остров Формоза не находится полностью под господством китайцев». Критично оценивал он и заявления китайцев о дикости, мстительности и безбожии аборигенов:

«Таков характер, присущий, по уверениям китайцев, этим людям, живущим в восточной части Формозы. Но так как заявления китайца не слишком заслуживают доверия в любых вопросах о других нациях, я не могу гарантировать этого портрета; особенно потому, что в настоящее время нет никаких связей между китайцами и аборигенами, и что около двадцати лет они вели между собой непрерывную войну» [Campbell 1903: 504–505].

Общие сведения о Формозе и её жителях стали достоянием широкой европейской публики с начала XVIII в., когда французские иезуиты начали издавать серии миссионерских писем для пропаганды деятельности ордена в Китае. Серия «Lettres édifiantes et curieuses» выходила в Париже эпизодически в 1702–1776 гг. Одним из первых редакторов и издателей этих писем был Жан-Батист Дюгальд, он же – автор вышедшего в 1735 г. четырёхтомника «Описание Китайской

империи» [Du Halde 1735]. Основанное на выдержках из записей 27 миссионеров-иезуитов, это сочинение стало первым европейским компендиумом по Китаю и было быстро переведено на многие языки. В главе о «четырнадцатой провинции Китая» Фуцзянь Дюгальд привёл сведения об островах Пэнху и «Тайуан», почти дословно заимствованные из «Заметок» де Майя.

В течение всего XVIII в. «Описание» Дюгальда оставалось главной публикацией о Формозе, переведённой на многие европейские языки: английский (1738), немецкий (1741) и русский (1775).

2.2. Продолжение сбора сведений и переход к научному изучению Тайваня европейцами в XIX в.

Появлявшиеся в 1820–1850-х гг. единичные статьи о Формозе базировались, за неимением иных данных, на пересказах книги Франсуа Валентайна, энциклопедии Дюгальда и писем миссионеров XVIII в. К числу таких пересказов относились «заметки о Формозе» Гатслаффа [Gutzlaff 1838], словарные статьи «Формоза» в изданиях популярной «Британской энциклопедии» [Anon. Formosa 1842; 1854] и т.д. Вместе с тем, к началу XIX в. у европейских авторов появились возможности для постепенного перехода от простого накопления, систематизации и пересказа фактов к их научному изучению. Показательными в этом отношении являются вышедшие в 1820-х гг. в Париже статьи беглого российского академика Ю.Г. Клапрота.

С одной стороны, в статье Клапрота «Описание Формозы», изданной на французском языке в 1823 г.,

автор прилежно пересказывает сведения из энциклопедии Дюгальда и данные современной периодики, например, «Бюллетеня пекинского двора (La Gazette de la Cour de Péking)» от мая 1819 г. [Klaproth 1823; Klaproth 1826]. В изданной годом ранее статье о языках формозцев также кратко описаны географические условия Формозы, появление китайцев в эпоху Юань и Мин, их расселение на западе, а аборигенов – в горах и на востоке острова. Автор сообщает о вечной войне туземцев с китайцами, правлении голландцев и их миссионерской работе среди туземцев. Вместе с тем, в статье 1822 г. все эти уже известные сведения лишь предвворяют главную часть статьи, где на основе работы голландского миссионера Д. Гравиуса «Требник христианства» (Gravius. Formulary of Christianity. 1662) предпринят оригинальный лексический анализ языка равнинной народности *сирайя*¹. Сравнив его с языками других азиатов, даже с языком томских самоедов, автор делает вывод в пользу малайско-индонезийских корней формозцев [Klaproth 1822: 193-196; Gravius 1939].

Предпринятые Ю.Г. Клапротом лингвистические опыты по сравнительному анализу формозских языков с опорой на переводы отрывков из китайских источников стали небольшим, но важным, качественно новым шагом от простых описаний к научному изучению Формозы. Однако неизменно ощутимый в первой половине XIX в. дефицит сведений об острове способствовал появлению в Европе не только изданий и пересказов голландских и миссионерских источников, но и перепечаток таких малодостоверных сочинений, как

¹ Язык *сирайя*, как и другой вымерший язык *фарворланг*, применялся голландскими миссионерами для проповеди христианства в западном Тайване в 1624–1661 гг.

мемуары М. Бенёвского, рассмотренные нами в первой главе [Benyowsky 1835].

Реально этот дефицит был восполнен лишь после двух «опиумных войн» 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг., которые принудительно открыли остров для западных стран и сделали возможным новый качественный рывок в его изучении европейцами. Открытие острова привело к появлению в мировой прессе десятков статей об ознакомительных «экскурсиях» на Формозу, проводимых с середины XIX в. западными миссионерами, коммивояжёрами, дипломатами, путешественниками и учёными. Отчёты об этих экспедициях публиковались на европейских языках во многих научно-популярных изданиях вроде известного географического журнала «Globus», «Журнала американского географического общества Нью-Йорка, в бюллетенях британского Королевского географического общества, Географического общества Парижа и т.д.²

Многие из этих публикаций, например, статьи британского биолога Роберта Свинхо (Swinhoe R.), американского учёного-натуралиста Дж. Стира (Steere. J.) и российского морского офицера П.И. Ибиса, содержали новые, ценные для науки, во многом уникальные этнологические материалы, касавшиеся жизни формозских аборигенов и китайцев, истории и современных особенностей межэтнических связей на острове.

К примеру, известный учёный-натуралист, профессор Мичиганского университета Джозеф Стер провёл

² На английском: [Swinhoe 1855; 1863; 1866][Belknap 1868; Collingwood 1868; White 1870; Hughes 1872; Thomson 1873; Ritchie 1875; Bridge 1876][Bullock 1873; 1877][Allen 1877; Comer 1878; Beazelev 1885]. На немецком: [Biernatzki 1859; Swinhoe 1860][Anon 1867; 1870; 1874][Seubert 1876; Ibis 1877]. На французском: [Guérin, Bernard 1868].

на Тайване 6 месяцев, с 3 октября 1873 г. по 31 марта 1874 г., совершив 4 научные экспедиции на юго-запад, в центр и на север Тайваня, а также на о-ва Пэнху). За это время, однажды чуть не погибнув от рук охотников за головами из народности *сайдэк*, Дж. Стир посетил деревни пяти народностей: Tsuisia (Thao, *шао*), Sekwhan (Pazih *бауцай*), Chewhan (Seediq, *сайдэк*), Peorwhan (Siraya, *сирайя*), Kalewhan (Paiwan, *пайвань*). Собранные им ценнейшие этнологические материалы включают детальные этнографические описания местных жителей – аборигенов и китайцев (*миньнань* и *хакка*), коллекции вещей, больше 20 документов о земельных сделках, записанных созданной голландскими миссионерами латинизированной письменностью Синьган (за 60 лет до публикации таких документов в книге Мураками «Sinkan Manuscripts»), а также описания 5 туземных языков с приложением словариков (более 100 лексических единиц и по несколько фраз из каждого языка, кроме *сирайя*, для которого даны только 3 короткие фразы). Лишь малая часть рукописей Дж. Стира была опубликована в 1873–1875 гг. (рукопись его книги «Формоза и её обитатели» издана на Тайване в 2002 г.) [Steere 1873/4; 1874; 1874/5; 2002: *x-xi*], но собранные в них сведения составляют прекрасную основу для сравнительных исследований, в том числе для многообещающего сравнения с полевыми материалами П.И. Ибиса, который прибыл на остров всего через девять месяцев после отъезда американского учёного.

В целом, несмотря на относительную краткосрочность и дискретность «экспедиционных штудий», в своей совокупности они позволяют составить довольно цельную, правда, до сих пор ещё до конца не воссозданную картину.

Несколько более существенный по объёму, глубине и длительности полевых наблюдений материал содержится в сочинениях (письмах, отчётах, статьях, книгах) западных христианских миссионеров (в основном британских и американских), живших и работавших на острове с рубежа 1870-х гг. [Campbell 1874; Kruger 1895]

Японская карательная экспедиция 1874 г. и споры о суверенитете Тайваня, франко-китайская война 1884–1885 гг. и японо-китайская война 1894–1895 гг. регулярно подогревали интерес Запада к жизни острова и его обитателей. Помимо очерков общего плана [Saint-Martin 1868; Le Gendre 1871; Hughes 1872; Hobson 1876; Colquhoun 1885; Rialle 1885; Webster 1889], в издававшейся уже не только в Европе, но теперь уже и в Китае периодике на западных языках появилось много статей о жизни аборигенов, эпохе голландцев, войнах Косинги и китайском правлении на острове [Hobson 1876; Dodd 1882; Kleinwächter 1884; Myers 1884; Taylor 1886; Taylor 1887].

Накануне и в период японской военной экспедиции 1874 г. выходят в свет и первые по-настоящему проблемные англоязычные работы политологического плана, оценивавшие современное положение туземцев и китайское правление на острове с позиций западной доктрины государственного суверенитета (одна из таких явно тенденциозных статей написана Лежандром, американским советником на службе у японцев, который открыто ставил под вопрос суверенитет Китая над Формозой) [Le Gendre 1874]. Наконец, издание новых переводов на европейские языки из китайских источников позволило заметно расширить круг работ по отдельным периодам новой истории, специальных исследований по этнической теме и даже

библиографий по истории острова [Lacouperie 1887; Imbault-Huart 1890; Cordier 1893].

В целом период с середины и до конца XIX в. можно считать этапом резко активизирующегося, но все ещё довольно стихийного, несистематичного сбора информации, расширения круга источников и обобщения сведений западной историографии по Тайваню. Но исследования этого периода подготовили почву для появления в начале XX в. обобщающих фундаментальных работ, включавших материалы по этнической истории острова и этнической политике его прошлых и современных правителей.

2.3. Западные публикации и исследования времён японского правления (1895–1945)

Японская аннексия острова в 1895 г., с одной стороны, ещё больше подогрела мировой интерес к Формозе, но, с другой стороны, вновь резко затруднила доступ на остров для западных держав и заметно ограничила число научных публикаций на европейских языках. За исключением немногочисленных публикаций миссионеров, визитёров для работы по найму, учёных, журналистов и туристов, прочие вышедшие в 1895–1945 гг. на Западе работы с данными по этнологии представляли собой в основном переводы сочинений японских учёных, колониальных чинов и политиков.

Первые годы после японской аннексии Тайваня совпали с выходом в свет в США и Европе работ знаменитого Дж. Лесли Макея, посвящённых жизни формозцев и опыту его четвертьвековой миссионерской и вра-

чебной деятельности на острове [Maskay 1896; 1897]. Изучению туземцев, а также «прошлого и будущего» острова посвятил свои статьи и другой известный миссионер Уильям Кэмпбэлл [Campbell 1903 II]. В 1897–1898 гг. на немецком языке вышли две работы по общей истории Тайваня [Riess 1897; Wirth 1898]. Продолжали появляться и очерки независимых путешественников, например, изданные в 1900 г. на немецком и английском языках записки Адольфа Фишера [Fischer 1900 I, II], а также работы о распространении христианства среди формозских китайцев [Moody 1907].

Наиболее фундаментальными сводными работами о трёх веках истории острова, включая этническую историю, стали изданные в начале XX в. книги шотландского пресвитерианского миссионера Уильяма Кэмпбэлла и американского консула США на Тайване Джеймса Дэвидсона [Campbell 1903 I][Davidson 1903 I; II].

Вопреки своему «голландскому» названию (Formosa under the Dutch), книга Кэмпбэлла, снабжённая обширной библиографией работ о Тайване и комментариями составителя, представляет собой свод европейских источников не только о голландском (XVII в.), но и китайском правлении на острове в XVII–XVIII вв. В ней подробно представлены основные этнические группы (аборигены, японцы, китайцы, голландцы), история появления на Формозе голландцев и подробнейшие сведения об их этнической политике на раннем и позднем этапах колониального правления. Приведённый Кэмпбэллом фактический материал прекрасно иллюстрирует исходные условия, мотивы и цели, методы и эволюцию этнической политики голландцев, а также причины её краха в 1661 г. Как показывает Кэмпбэлл, голландцы всячески поощряли китайских иммигрантов

к переезду с материка на остров и развитию земледелия. Но голландцы не позволяли им владеть землёй, объявив все земли острова, равно как его водные и прочие природные ресурсы, собственностью голландской Ост-Индской компании (ГОИК), якобы полученной, с согласия китайского императора, в обмен на уход голландцев с островов Пэнху. В этих условиях китайские переселенцы были вынуждены арендовать землю, а для занятий торговлей и рыболовством – покупать у ГОИК специальные лицензии, либо заниматься контрабандой, чреватой глубокими конфликтами между всеми заинтересованными сторонами, включая китайцев, голландцев и аборигенов. Например, если китайцы изначально перекупали ценные олени шкуры у аборигенов, то затем они стали покупать у голландцев лицензии на самостоятельную охоту и получать большее количество шкур за меньшие деньги. Но нашествие владельцев лицензий, безжалостно истреблявших оленей и умыкавших заработок у аборигенов, приводило к тому, что аборигены продолжали сгонять китайских охотников из своих земель, вопреки требованиям голландцев. Подобные конфликты экономических интересов, прямая эксплуатация и открытое разграбление природных ресурсов острова в конечном счёте и стали главной причиной падения колониального режима голландцев [Campbell 1903 I: 133, 174, 187, 210–211][Головачёв 2010 I].

Составленный в годы консульской службы (1896–1904) труд Дэвидсона «The island of Formosa past and present» (776-страничный том с цветными картами, фотографиями и иллюстрациями) охватывает историю Тайваня с XVI в. до первых лет XX в. и тоже содержит ценные сведения по этнополитической истории,

заимствованные из голландских, китайских и японских источников [Davidson 1903 I; II]. Подобно Кэмпбэllu, Дэвидсон весьма точно подытожил порочную политику голландцев, заметив, что Формоза, «возможно, оставалась бы их [прибыльным владением] и по сей день, если бы Компания не была, с выдающейся близорукостью, столь поглощена сиюминутным получением максимальной прибыли, что отказывалась тратить деньги, необходимые для того, чтобы обезопасить себя против вторжения китайцев» [Davidson 1903 I: 29]. Иными словами, для заикленной на экономии и прибыли ГОИК каждый появлявшийся на острове китаец означал лишь новую податную душу или дешёвую рабочую силу на полях и факториях голландцев. Но в итоге голландцы просмотрели разрушительный потенциал китайских мигрантов [Goddard 1966: 61–62].

Интересно, что, вслед за Макеем, Дэвидсон пишет о якобы бытовавшем у островных китайцев суеверии – что поедание плоти аборигенов придаст им силу и храбрость: «В начале 1891 г. плоть дикарей приносили – в вёдрах – как свинину, и продавали как свинину на открытых рынках в Токохам (Токоham) на глазах у всех, включая иностранцев. ... Её часто продают в малых китайских деревнях у границы, и часто на самых глазах у мирных групп дикарей, которые оказываются в том месте. ... Быть может, тут стоит отметить, что обычно китайцы заслуживают всех наказаний, получаемых ими от дикарей. Их отношение к этим детям лесов всегда было жестоким до крайности...» [Davidson 1903 I: 254–155; Mackay 1896: 276].

Безусловно, эти и прочие подобные сообщения Дэвидсона, приведённые без ссылки на конкретные источники, были известны и японским авторам,

представлявшим аморальные действия иммигрантов как одну из основных причин вражды между китайцами и аборигенами (см. ниже о работах Ино Канори, Иосабуро Такэкоси и раздел 3.1).

После 1905 г. на Западе предпринимались попытки оценить итоги первого десятилетия колониального правления Японии (1895–1905), в том числе резко изменившееся общее положение китайцев и аборигенов [Island of Formosa 1916; Life Mountain People 1917]. Время от времени появлявшиеся в западной прессе известия о бунтах коренного населения и жестких мерах их пресечения японскими властями служили поводом для открытой критики японцев, хотя находились и «заочные» сторонники, оправдывавшие из-за океанов жёсткие методы «прогрессивной экспансии» путём захвата новых земель и оцивилизовывания диких аборигенов [Salwey 1913: 4, 9–12, 19].

Особо шокирующими выглядели сообщения об использовании японцами для усмирения аборигенов, вокруг районов обитания последних, колючей проволоки с пропущенным по ней электрическим током [Shocks 1907; Electricity 1910; Labadie-Lagrave 1900; Colquhoun 1902; Arnold 1908; Ferguson 1909; Müller 1910; Silent War 1913; Hayden 1924].

В свою очередь, власти Японии пытались противопоставить критике западных журналистов и учёных свою картину событий, выставлявшую остров как образцовую модель правления, успешно внедряющую достижения современной науки и весь лучший опыт других колониальных держав. С этой целью они регулярно издавали в переводе на европейские языки (преимущественно английский) официальные отчёты [The progress 1904; Government Report 1911], пропагандистские ста-

ти высших колониальных чинов, а затем и серьёзные научные труды. К последним относится изданная в 1907 г. в Лондоне англоязычная версия книги Иосабуро Такэкоси «Japanese Rule in Formosa», содержащая ценные полевые и официальные материалы по этнической истории и политике японских властей [Ino 1899; Goto 1902; Takekoshi 1907; Hishida 1907; Torii 1910; Takekoshi 1915; Torii 1922]. В предисловии к этому изданию гражданский губернатор Формозы Гото Симпэй открыто резюмировал, что в то время как «мир все ещё сомневается в наших колонизирующих способностях, ... наши планы по колонизации острова уже увенчались великой мерой успеха» [Takekoshi 1907: V–VI].

Чтобы подчеркнуть легитимность японской «цивилизаторской миссии», Такэкоси описывает в исторической части книги подробности враждебной борьбы между китайцами и аборигенами, бездействие отсталого китайского правительства, которое «оставило управление Формозой в руках безответственных мандаринов» и местной элиты. В итоге новые китайские иммигранты «грабили туземные племена, похищали их земли, разоряли их поля и выманивали обманом их урожаи». На этом фоне реформаторская деятельность японской колониальной администрации представлялась как экономически и морально оправданное спасение аборигенов от злостных китайских властей, исправление аборигенов и приобщение их к благам цивилизации [Takekoshi 1907: V–VI, 74–75, 210–214] [Inkster 2011: 72–73].

Чтобы поддержать этот приукрашенный «образцовый» имидж, колониальные власти стремились тщательно регулировать доступ к реальной местной информации со стороны посещавших остров немного-

численных западных учёных, путешественников и журналистов. К 1920-м годам, когда туземные бунты были в основном подавлены японцами, а допуск иностранцев на остров введён в стабильно контролируемое русло, на Западе стали появляться «трэвэлогии», описывавшие японскую колонию с благосклонностью, временами переходящей в прямые восхваления [Bigelow 1923; Franck 1924; Foght 1928]. Впрочем, даже в те годы японская пропагандистская машина работала не без сбоев. Отчёт об экспедиции Оуэна Руттера свидетельствует об активном стремлении японцев показать остров в наилучшем виде. Но, несмотря на всю пропагандистскую помпу и старания японцев, их неспособность покорить горных аборигенов, эксплуатация китайцев и прочие перекосы в колониальной политике были очевидны даже кратковременным западным визитёрам [Rutter 1923].

Весьма ироничные описания настойчивых, но неловких попыток японских чиновников всячески изолировать иностранцев от местных жителей, наряду с обширным этнологическим материалом, содержатся в увлекательной книге Жанет Монтгомери «Среди охотников за головами на Формозе». Автор книги провела на острове два года (с сентября 1916 г. по сентябрь 1918 г.). Ж. Монтгомери была первой европейской женщиной-исследователем, которая вступила в прямой личный контакт с горными аборигенами и собрала ценнейшие сведения о ряде коренных народностей Формозы [McGovern, Montgomery 1922].

Резкая милитаризация Японии и Вторая мировая война надолго затормозили и даже приостановили изучение Тайваня западными этнологами, оставив его на откуп японским учёным [Naito 1938; Kutsuna, Matuyama 1939]. Помимо переводов японских работ,

с конца 1920-х гг. и до начала 1950-х гг. в западной историографии не выходило крупных трудов по этнологии и истории Тайваня. К немногим работам тех лет относятся изданные в Канаде статьи А.И. Гражданцева³ (одного из ведущих американских экспертов по Китаю, Корее и Японии в годы войны и после неё), посвящённые колониальной политике Японии на острове, японизации тайваньцев (*коминка*) и доктрине «сопроцветания» народов Восточной Азии [Grajdanzev 1941; 1942; 1943]. В небольшой статье «Заметки о японских исследованиях на Формозе», вышедшей в 1947 г. в журнале «*American Anthropologist*», профессор Гарвардского университета Пассин упоминает пятерых японских антропологов, внёсших заметный вклад в изучение Тайваня (Уцурикава Ненодзо, Фуруно Киёто, Миямото Нобуто, Окада Юцзуру, Тоити Мабути). Но этот список основан не на исследовании, а на личном сообщении Окада Юдзуру, что не позволяет считать его объективным [Passin 1947; Chun Kyong-soo 2016: 80].

Причиной долгого научного затишья было то, что к началу XX в. спектр изданных письменных источников XVII–XIX вв. был в основном уже освоен. Прочие материалы из национальных архивов Китая, Японии и западных стран оставались закрытыми, а полевые исследования на Формозе были почти недоступны для западных учёных, как и основной массив этнологических материалов, издававшихся колониальными властями на японском языке.

³ Гражданцев Андрей Ионович (Grajdanzev Andrew Jonah) (1898 или 1899 г.р.). Востоковед-экономист. С 1924 г. жил в Харбине. Окончил экономическое отделение РЮФ. Приват-доцент по кафедре политэкономии (1933–1934). Затем преподавал в Нанькайском университете в Тяньцзине. Покинул Китай в 1937 г., жил и преподавал в США. Автор ряда статей по Японии, Китаю и Корее.

2.4. Западные исследования и публикации в послевоенный период (1945 – н.в.)

Новые возможности для освоения японского научного наследия и новых архивных материалов появились у западных учёных лишь с конца 1940-х гг., через несколько лет после окончания Второй мировой войны и гражданской войны в Китае. При этом японское наследие, включающее научные материалы по китайскому и японскому периоду, оказалось таким огромным, что его обработка, переводы и изучение ведутся уже около 60 лет и всё ещё далеки от завершения.

В первое послевоенное десятилетие в США вышли несколько работ, открывших две новые «эпохальные» научные темы – этническая политика и этнология периода японского правления (1895–1945) и этническая политика Гоминьдана (с 1945) [Rutter 1948; Riggs 1952; Barclay 1954 (1972); Okada 1955]. Продолжались работа по переизданию западных и китайских источников XIX в. со сведениями о китайской миграции и описаниями туземцам [Thompson 1964; 1968]. Но неблагоприятная политическая обстановка в регионе (Корейская война, противостояние между КНР и КР в Тайваньском проливе, Закон о военном положении на острове и пр.) по-прежнему тормозила общее изучение этнической истории Тайваня западными учёными.

Вместе с тем, обострение дипломатической войны с Пекином в связи с проблемой представительства Китая в ООН и на международной арене повысило внимание историков к теме международного статуса, проблем суверенитета и политики Китая в отношении полиэтничного населения острова. Как раз в этот период, в начале и середине 1960-х гг., в науку пришло новое

поколение этнических китайцев, получивших высшее образование на Западе, преимущественно в США. Эти учёные публиковали свои работы на западных языках, применяли новые западные научные подходы и методики, но при этом вводили в оборот прежде недоступные китайские источники, по-своему корректировали традиционную научную проблематику и в итоге внесли в западную историографию новую «китайскую струю». Типична в этом плане изданная в 1965 г. англоязычная монография Софии Янь (Су-фэй) «Тайвань во внешних отношениях Китая, 1836–1874». Используя архивы китайского МИД и другие официальные документы XIX в., Янь убедительно показала эволюцию политики Цин в отношении китайцев, аборигенов и ранее неподвластных аборигенных земель острова, переход от традиционной пассивной аккультурации аборигенов к западной концепции государственного суверенитета, эффективного правления и международного права [Yen 1965; Chu, Samuel 1964; Chen 1967; Chen 1975].

При всей широте изучавшихся в 1950–1970-х гг. на Западе этнических проблем Тайваня общей чертой было рассмотрение их как части Китая, в контексте китайской истории [Goddard 1966; Lamely 1968; Myers 1971; Barclay 1972][Croizier 1972; 1977]. Вместе с тем, под влиянием краха мировой колониальной системы, к началу 1970-х гг. наметилась тенденция к рассмотрению проблем колониальной этнической политики и национальных политических движений в более широком сравнительно-историческом и региональном контексте [Douglas 1970; Lamely 1971; Chen 1970; Chen 1972; Hauptman 1977].

Драматичное усиление международной изоляции Тайваня к концу 1970-х гг. также оказало заметное

влияние на выбор этнополитической тематики западными учёными. Их внимание вновь обратилось к проблемам пограничного положения и маргинального статуса Тайваня, его исторических связей с материковым Китаем, субэтнических и клановых связей среди китайских переселенцев (сотрудничество и соперничество), а также к изучению австронезийских корней и миграций аборигенов [Meskill 1979; Wang Yi-shou 1980; Lamely 1981]. С небольшими вариациями эта тематика сохранялась и в течение последующих 30 лет [Huber 1990; Bellwood 1998; Blundell 2000; Roy 2003].

В 1980-х гг. совокупный ресурс англоязычных исследований по Тайваню возрос настолько, что возникла необходимость их нового библиографического обобщения. При этом заметное расширение круга исследователей и углубление их профессионального сотрудничества позволили перейти к публикации коллективных работ, в которых представлен обширный материал по этнической истории и политике Тайваня [Jacobs 1984; *China's Island* 1980; Peattie 1984]. Тенденция к изучению крупных тем и проблем в коллективных сборниках и монографиях проявилась в ещё большей мере в 1990–2000-х гг. Новой чертой этих комплексных изданий стала их растущая интернационализация за счёт подключения пишущих на западных языках тайваньских, китайских, японских и прочих авторов [Brown 1996; Rubinstein 1999; Blundell 2000; *Taiwan Under* 2006: *History, Culture and Ethnicity* 2006; Rubinstein 2007].

Признаком интернационализации мировой историографии является также появление и быстрый рост числа значимых работ на европейских языках, публикуемых западными учёными на Тайване и тайваньскими учёными на Тайване и в западных странах (Бельгия,

Германия, Италия, США) [Borao 2002; Faure 2001; Harrison 2001 I; Hong Chien-chao 2000; Leonard Blusse 1999; Vertente Christine 1991; Steere 2002; Macabe 2003; Dudbridge 2006; Lung-chih Chang 2008; Chiu Hsin-hui 2008]. К англоязычным публикациям на Тайване подключились с начала 2000-х гг. и японские учёные, обобщающие и презентующие вековой опыт японских антропологических исследований, в том числе по формозским аборигенам [Suenari, 2006].

В итоге, в условиях победившей глобализации историографического пространства, указанные сочинения на европейских языках уже нельзя отнести только к западной или только к восточной историографии, так как они принадлежат к обеим традициям и по сути объединили их.

Кроме того, мощным подспорьем для расширения и углубления интернациональных исследований этнической истории Тайваня стало появление в Интернете специальных справочных сайтов. Один из наиболее известных и внушительных сайтов – электронная библиотека «Formosa» при американском колледже *Reed Institute* – содержит библиографию, полные тексты источников и литературы XIX в. на европейских языках, а также редкие исторические иллюстрации, карты, лингвистические материалы и хронологические таблицы [Formosa Reed 1999].

Исследование западными учёными межэтнических и субэтнических связей на острове и его периферии сделало возможным сравнение и синтез результатов этих исследований на базе новых теоретических идей и подходов. К примеру, американский историк Тонио Андраде ушёл от традиционных представлений о моноэтничном господстве голландцев, удачно определив их

отношения с китайцами на Тайване как «кооперативную колонизацию» или рождение «китайско-голландской гибридной (симбиозной) колонии». По мнению Андраде, в XVII в. Тайвань был, по сути, китайской колонией под голландским управлением. Колония голландцев никогда бы не достигла расцвета без усилий крестьян, ремесленников, рабочих и предпринимателей из материкового Китая. В свою очередь, падение голландской колони на острове было также напрямую связано с деятельностью китайских переселенцев [Andrade 2005; 2006; 2008].

После 2000 г. появились западные работы, анализирующие как традиционные темы, например, этнополитические аспекты антияпонской борьбы (восстание Табани в 1915 г.), так и прежде относительно малоизученные темы: межэтнические браки в колониальном Тайване, этническую политику на Тайване в годы правления Гоминьдана (1945–2000) и др. [Katz 2005; Barclay 2005].

Усилившаяся в 1990-х гг., в контексте жарких споров об объединении или независимости острова, «тайванизация» и политизация этнологических исследований Тайваня затронула не только островную, но и (косвенным образом) западную историографию. В конце 1990-х гг. появляются статьи, оценивающие влияние различных политических сил на этнологические исследования на Тайване и в КНР. В частности, Стивэн Филипс, автор изданной в 2003 г. в США работы «Между ассимиляцией и независимостью: встреча тайваньцев с Националистским Китаем, 1945–1950», используя впервые открытые властями острова архивные фонды, попытался дать объективную картину того, как менялась этническая идентичность жителей острова и как

тайваньская местная элита была втянута в конфликт с Гоминьданом по вопросу о видении будущего Тайваня [Stainton 1999; Harrison 2001 II; Phillips 2003].

Интернационализация и «тайванизация» научных исследований, вкупе со сдвигами в этнокультурных процессах и демократизацией этнической политики на Тайване, стимулировали всё большее внимание к условиям формирования, сути и перспективам эволюции так называемой «тайваньской идентичности». С рубежа 2000 г. эта тема, включая её политические, культурные, психологические, региональные, межрегиональные, глобальные, австронезийские, китайские, японские и прочие аспекты, становится одной из центральных для западных экспертов. [Crossley 1999; Leo 2001; Simon 2003; Brown 2004] С определением сущности «тайваньской идентичности» связывается не только понимание прошлого, но и определение будущего Тайваня, в частности его судьбоносных связей с материковым Китаем и со всем миром.

Глава 3

Этническая история и этническая политика Тайваня в трудах японских учёных колониального и послевоенного периода (XIX–XXI вв.)

История японских этнологических исследований на Тайване уже больше ста лет служит предметом внимания мировой науки. В 1895–1945 гг. зарубежные учёные и эксперты (журналисты, военные, политики и пр.) внимательно следили за полевыми исследованиями японских антропологов на Тайване, а также за японскими публикациями, так или иначе освещавшими этническую политику, игравшую ключевую роль в колониальной политике на острове. В свою очередь, японские власти сознательно поддерживали эти исследования исходя из интересов практической внутренней политики и международной пропаганды.

В 1950–1980-х гг. годах тема японских этнологических исследований (в основном по аборигенам) эпизодически освещалась в историографических статьях тайваньских и японских учёных [Лю Бинь-сюн 1986; Сюй, Чжань 1990]. С конца 1980-х гг. её изучение заметно оживилось и постепенно вышло на широкий международный уровень, во многом под влиянием небывалых общественно-политических перемен на

Тайване, возродившегося интереса к истории и культуре острова, а также назревшей потребности в объективном переосмыслении японского научного наследия и колониального прошлого [Barclay 2001; 2007][Doak 2001; Matsuda 2003; Suenari 2006].

3.1. Этнологи на службе у политиков или этнология как основа «научного» колониального управления (1895–1928)

Огромный массив сведений по этнической истории острова в XVII–XX вв. зафиксирован в документах и сочинениях голландцев и китайцев. Но как современная наука этнология зародилась на Тайване лишь в годы японского господства (1895–1945). Её ведущую роль в колониальном правлении определил глава гражданской администрации острова Гото Симпэй¹, который считал, что курс всей политики, все планы управления нужно строить на основе этнологии [Янайхара 1934: 149]. Помимо ответа на практические нужды колониальной политики, этнические исследования японцев явились своего рода откликом на звучащие в то время призывы мировой антропологии к спасению исчезающих этнических культур [Сюй, Чжань 1990: 114].

Первые сообщения об экзотичной жизни новых подданных империи распространились в Японии в июне 1895 г., уже в первые дни после учреждения генерал-губернаторства в Тайхоку (Тайбэе). Работа Такигава Миётаро «Наша новая территория: остров Тайвань»

¹ Гото Симпэй 後藤新平 (1857–1929) занимал указанный пост в 1898–1906 гг.

тиражировала поверхностные этнографические сведения, ранее изложенные в известном военно-разведывательном рапорте Уэно Сэн-ичи о жизни аборигенов. Сам рапорт Уэно представлял собой смесь записок очевидца и информацию, собранную британским смотрителем маяка Джорджем Тэйлором [Barclay 2007: 70, 83; Такигава 1895: 160–202; Хасиигучи 1895; Уэно 1892]. В 1896 г. Ириэ Ханабуса издал в Японии «Атлас диких народностей Тайваня» [Ириэ – 1896] в 4-х частях: *пинпу*, *атайял*, *бунун* и *цоу*, *пайвань* [Сюй Юй-цунь 2003].

Важным документом эпохи, отразившим самые ранние дискуссионные взгляды японцев на цели и методы колонизации острова, явилась статья «О политике усмирения острова Тайвань», изданная в газете «Токио Ничи-ничи» через 4,5 месяца после формальной аннексии и примерно за 1,5 месяца до полной оккупации Тайваня. Текст статьи подтверждает особую роль этнической политики в первичных планах усмирения и колонизации острова. Согласно заочным, сугубо умозрительным воззрениям анонимных японских авторов, главными методами «усмирения» Тайваня должны были стать массовое выселение островных китайцев на материк, замена их японскими колонистами из метрополии, а также «японизация» оставшихся китайцев. Как показала история, массовое выселение и массовая колонизация оказались нереальными, а японизация формозцев тоже имела свои ограничения и издержки. На практике японцам пришлось дифференцировать пути и методы этнической политика на острове, дополнив радикальные и репрессивные меры более гибкими, компромиссными и адекватными мерами [Головачёв 2015; Токио Ничи-ничи 1895; Как надлежит 1895].

Первые научные изыскания на самом острове велись в основном членами Токийского антропологического общества², при поддержке колониальных властей. Ведущими учёными были Ино Канори³, Тории Рюдзо⁴, Мори Усиносукэ⁵ и др., чьи исследования затронули многие туземные народности в горных районах острова, а также народность *ями* на острове Орхидей. В частности, Тории Рюдзо совершил в 1897–1901 гг. четыре экспедиции для изучения аборигенов в различных районах Тайваня. По итогам поездки на остров Орхидей он издал в 1902 г. «Отчёт об обследовании туземных обычаев Острова красноголовых» 紅頭嶼土俗調査報告書, который стал первой японской монографией, посвящённой этнографии аборигенов Тайваня (народности *ями*).

Используя полевые материалы, дополненные сведениями из китайских и западных письменных источников, японцы собрали богатейшие этнографические данные, разработали терминологию, схемы, образцы и подходы, оказавшие громадное влияние не только на современную им политику и науку, но и на всё дальнейшее развитие тайваньских и мировых исследований по этнологии острова. Но противоречивость положения японских этнологов заключалась в том, что, рабо-

² Основано в 1884 г. на базе кафедры антропологии Токийского университета.

³ Канори Ино (Inou Kanori 伊能嘉矩 1867–1925). Антрополог и фольклорист, известный своими исследованиями аборигенов Тайваня.

⁴ Тории Рюдзо (Torii Ryūzō 鳥居龍藏 1870–1953). Этнолог, антрополог и фольклорист, известный своими научными изысканиями на Тайване, Амуре и в северо-восточной Азии.

⁵ Мори Усиносукэ (Mori Ushinosuke 森丑之助 1877–1926). Антрополог, коллега и переводчик Тории Рюдзо. С 1900 г. посвятил жизнь изучению тайваньских аборигенов.

тая на колониальные власти в роли «интеллектуальных посредников», они не были авторами этнической политики. По этой причине они не были до конца свободными и последовательными в своих научных выводах. Выступая с передовыми научными теориями в защиту аборигенов, на деле они должны были искать ответы на вопросы, продиктованные интересами колониальных властей, и поставляли «научные» доводы для репрессий против немирных, якобы неспособных приобщиться к цивилизации «дикарей» [Barclay 2007].

Типична в этом плане судьба Ино Канори, который прибыл на Тайвань в ноябре 1895 г. и заслужил своими научными трудами авторитет «отца» тайваньской этнологии. Прибыв на остров, Ино основал «Общество антропологии Тайваня» 台灣人類學會, после чего посвятил себя местным полевым исследованиям. В своих работах он призывал коллег-антропологов выявлять особенности отдельных тайваньских племён и народностей, чтобы лучше понять отличия между двумя макрогруппами, именовавшимися при цинах как *шэн фань* 生番 (неокультуренные дикари) и *шу фань* 熟番 (окультуренные дикари). При этом Ино открыто заявлял, что антропология должна верно служить государству путём сбора новых сведений. Но, как точно отметил П. Барклай (США), по мере того как эти две цели вступали в конфликт, Ино был вынужден делать выбор между преданностью науке и подчинением своим бюрократическим начальникам [Barclay 2007: 71].

С 26 мая по 1 декабря 1897 г., по поручению колониального бюро образования, Ино провёл 192-дневную экспедицию по острову. Ему и его напарнику Курино Дэнондзё 栗野传之丞 было поручено состав-

вить общую картину туземного общества и подготовить предложения по образовательной работе среди туземцев. Отчёт об экспедиции был представлен Гото Симпэю 9 января 1899 г. под названием «Состояние дел среди дикарей Тайваня». Эта крупнейшая работа Ино, изданная в 1900 г. под тем же названием, представляет собой богатый фактами, описательный, внутренне противоречивый документ эпохи, отразивший посредническую роль учёных в колониальной системе [Ино, Курино 1900]. На основе полевых наблюдений, китайских письменных источников и интервью с местными колониальными чинами Ино представил важнейшие сведения по антропометрии и демографии, о среде обитания и средствах к существованию туземцев, их языках, истории, социальной организации, материальной культуре, обычаях и нравах, религии и другие данные. Ино был первым учёным, отказавшимся от прежней расплывчатой китайской типологии, делившей всех аборигенов лишь на «окультуренных» и «неокультуренных» дикарей. Исходя из собранных сведений, Ино впервые предложил новую классификацию тайваньских туземцев *гаошань* и *пинпу*, разделив их на ряд различных по местам расселения и культурным особенностям народностей. В частности, Ино выделил 10 общностей равнинных *пинпу*. В целом он разделил всех аборигенов острова на «4 группы, 8 народностей, 11 племён»⁶, к которым чуть позже добавил девятую народность – Рукай. В 1911 г., исходя из классификаций Тории Рюдзо, Ино Канори и Курино Дэнондзё, японское генерал-губернаторство выпустило «Отчёт о контроле над дикарями на Формозе»,

⁶ Восемь народностей: *атайял*, *ами*, *бунун*, *цоу*, *сайсьят*, *бинань*, *пайвань*, *пинпу*.

в котором официально разделило аборигенов острова на 9 народностей⁷ [Лю Бинь-сюн 1986: 74].

Разрозненные исследования первых лет активизировались и обрели системный характер после 1905 г., когда колониальные власти упрочили свой контроль над островом, а японские учёные развернули масштабное комплексное изучение не только современного состояния, но и истории управления аборигенами и местными китайцами. Если итоги ранних японских исследований на острове публиковались в основном в журнале Токийского антропологического общества, то со временем на свет появились обобщающие монографии, вроде названных книг Тории и Ино, печатавшиеся на самом острове, в Японии и за рубежом.

В отличие от классического антрополога Тории Рюдзо, занимавшегося в основном изучением аборигенов, в начале 1900-х гг. Ино, как известный эксперт по вопросам управления туземцами в цинский и японский периоды, выступил в роли «придворного историка» генерал-губернаторства, сместив фокус внимания с современного этнокультурного пространства на изучение насущных исторических тем, прежде всего роли китайцев в освоении острова [Barclay 2001: 117]. Этот новый подход отражён в работах «Описание правлений дикарями Тайваня» (Тайбэй 1904), «Руководство Тайванем от начала и до конца» (Тайбэй 1904) и в изданном после смерти Ино трёхтомнике «Описание истории культур Тайваня» (Токио, 1928) [Ино 1957; 1904; 1928].

История японского правления изложена Ино в изданной в 1905 г. работе «10 лет истории оккупации Тайваня» [Ино 1905]. В предисловии к книге Гото

⁷ *Атайал, бунун, цоу, салисэн, пайвань, пуюма, ами, ями, сайсьят.*

Симпэй подчеркнул, что сама история Тайваня свидетельствует в пользу достижений Японии как современной колониальной державы. Следуя этой официальной точке зрения, Ино представил запутанную историю японо-туземных отношений в виде линейно-прогрессивного развития, в котором «карательная политика» Японии играла роль движущей силы. Ино также сглаживал данные о конфликтах, связанных с управлением и пограничной дипломатией раннего периода. А это упрощение, в свою очередь, стирало из официального текста картину различий среди аборигенного населения, при этом сохраняя главное различие между китайцами и австронезийцами.

Глава «десятилетней истории» о японском управлении туземцами игнорирует первые 8 месяцев военного закона на Тайване (август 1895 г. – март 1896 г.) и начинается с указа генерал-губернатора о введении гражданского правления с 1 апреля 1896 г. Такое вступление имело особый смысл, поскольку вводило в повествование Ино конфуцианский подтекст: гражданское правление – нормально и похвально, тогда как военное положение – последнее средство и итог сбоев гражданской политики. Вслед за Мочидзи Рокусабуру, считавшимся главным разработчиком аборигенной политики Гото, Ино рисует требующих «силы и устрашения» северных и достойных «образования и щедрости» южных аборигенов, хотя это надуманное деление исходило из политических оценок японских властей и противоречило научным выводам самого Ино о крайней разнородности тайваньских аборигенов [Barclay 2007: 75–79].

Своеобразно выглядели и попытки Ино объяснить, каким образом японцы, веками перенимавшие высшие достижения китайской цивилизации, могли «цивилизиро-

вать» остров, обжитый миллионами китайцев и китаизированных туземцев. В своих этноисторических работах Ино решает эту дилемму путём утверждений о том, что династия Цин, обязанная хранить и олицетворять китайскую цивилизацию, оказалась «отсталой» и не сумела выполнить свою «цивилизаторскую миссию» среди туземцев на острове. В свою очередь, японцев Ино представлял в роли опекунов и просветителей аборигенов. Используя западную идею «цивилизаторской миссии», он убеждал, что туземная политика Японии, в отличие от правления Цин, доказала её достойное место среди цивилизованных и современных колониальных держав [Matsuda 2003].

Прогрессивный политик, историк и парламентарий Такэкоси Иосабуро 竹越與三郎 (1865–1959) прибыл на Тайвань в июне 1904 г., чтобы написать работу о новой колонии. В изданной в сентябре 1905 г. книге «Японское правление на Формозе» 臺灣統治志 автор, используя архивы генерал-губернаторства и личные впечатления, описывает историю острова и небывалые успехи японского правления.

При описании положения туземцев Такэкоси ссылается на авторитетное мнение Ино, но при этом превозносит ещё более широкие виды Гото на развитие всего острова. Взгляды самого автора на положение аборигенов к 1904 г. изложены более мягко и неоднозначно, чем в публикациях Ино. Но будучи как и Гото больше политиком, чем учёным, Такэкоси куда сильнее заинтересован в воздействии на мнение властей, избирателей и налогоплательщиков в метрополии. Поэтому его взгляды на перспективы управления аборигенами в колонии имели более практичный, откровенно конъюнктурный характер. Как писал Такэкоси: «Почти вся-

кий, кто вступал в контакт с дикарями, заявляет, что они вполне способны быть выведенными из своего нынешнего состояния варварства... Но вопрос в том, *как долго ещё* японские власти пожелают продолжать свою нынешнюю политику умеренности и доброй воли, и оставлять в их руках почти половину острова. Если бы была перспектива, что они станут более управляемыми через десять или даже через двадцать лет, то нынешняя политика могла бы быть продолжена на такой *временный срок*. Но если процесс потребует столетия или около того, вполне очевидно, что у нас нет такого свободного *временного срока*. Это не значит, что мы не имеем никакой симпатии к дикарям. Это просто означает, что мы должны думать больше про наших 45 000 000 сыновей и дочерей, чем про примерно 104 000 дикарей. Мы не можем позволить терпеливое ожидание, пока они отбросят варварство ... Куда лучше и очень необходимо для нас проложить силой свой путь в центр их территорий и передать под возделывание все пустующие земли».[Takekoshi 1907: 230; Barclay 2007: 79-81] В то же время, с учётом провалов ассимиляционной политики в колониях Франции, Такэкоси активно выступал против «ассимиляции» 同化 жителей Формозы [Тайвань лиши цыдянь 2003].

После 1905 г. японцы сочли возможным предъявить итоги своего колониального правления уже не только согражданам в метрополии, но и вниманию мировой общественности. Насущность этой задачи усиливалась из-за критики колониальной политики Японии, звучавшей со страниц многих мировых СМИ того времени. В противовес этой критике японские власти пытались представить остров как образцовую модель правления, успешно внедряющую достижения науки и весь луч-

ший опыт других колониальных держав. Для этого они стали издавать в переводе на европейские языки официальные отчёты, пропагандистские опусы высших колониальных чинов и крупные научно-популярные труды [Goto 1902; Government Report 1911; Hishida 1907; Ino 1899; The progress 1904; Takekoshi 1915; Takekoshi 1907; Torii 1910; Torii 1922]. К последним относилась уже упомянутая книга Такэкоси «Japanese Rule in Formosa», переведённая на английский язык по заказу генерал-губернаторства и изданная в 1907 г. в Лондоне. В предисловии к книге, явно адресованном мировому читателю, гражданский губернатор Гото Симпэй открыто заявлял, что в то время как «мир всё ещё сомневается в наших колонизаторских способностях, ... наши планы по колонизации острова уже увенчались великой мерой успеха» [Takekoshi 1907: C.V–VI]. Так или иначе, после выхода в свет все эти переводные работы сразу же активно цитировались и анализировались в других публикациях, издававшихся учёными разных стран на западных языках.

Богатый этнографический материал собран в ежегодно издававшейся серии исследований и отчётов «Временного комитета по обследованию старинных обычаев» 臨時臺灣旧慣調査會, учреждённого на острове 25 октября 1901 г., под началом Окамацу Сантаро 岡松參太郎 и самого Гото Симпэя [Чэнь Ци-лу 1974]. Основанный при этом Комитете с 1909 г. «отдел по делам дикарей» 蕃族科 выпустил в 1913–1922 гг. 27 томов исследований. В них вошли три восьмитомника: «Отчёты об обследованиях диких народностей» 蕃族調査報告書 (1913–1921. Основное содержание: материальная культура и повседневные обычаи, право), «Отчёты об обычаях диких народностей» 蕃族慣習

調查報告書 (1915–1921. Основное содержание: социальная организация, система родства и пр.) [Фаньцзу гуаньси дяоча 1996] и «Исследование обычаев диких народностей Тайваня» 臺灣蕃族慣習研究 (основное содержание: общее описание туземных народностей, система родства, браков и пр.), принадлежащее перу Окамацу Сантаро. Оставшиеся три тома составили работа Мори Усиносукэ 森丑之助 «Описание диких народностей Тайваня» 臺灣番族志 (1917) и его же двухтомник «Картография диких народностей Тайваня» 臺灣番族圖譜 (1918).

В отличие от «горцев» (гаошань), равнинные туземные народности *пинпу* 平埔族 удостоились куда меньшего внимания японских учёных. С изучением *пинпу* были связаны выписки из китайских письменных источников, собранные и систематизированные Ино Канори в первые годы его изысканий⁸, работы Курино Дэннодзэ (1900), Уцусикава Нэннодзо (1930), Тоити Мабути⁹, книга Мураками Наодзиро «Документы в письменах Синьган» (1931)¹⁰, работа Кокубу Наоичи

⁸ Собранные Ино материалы по *пинпу* на равнинах Даньшуй, Илань и в других районах острова публиковались в «Токийском антропологическом журнале» и в его монографиях. Ино был также первым учёным, который, исходя из особенностей языка и обычаев, разделил *пинпу* на 10 групп: Tao, Siraya, Lloa, Pазzehe, Arikun, Vupuran, Taokas, Ketagaran, Kuvarawan, Amutoura (сайсьят). Всего Ино издал около 200 работ об аборигенах, многие из которых содержали ценные сведения о *пинпу*.

⁹ Уцусикава Нэннодзо, его ассистент Миямото Нобуто и ученик Тоити Мабути собирали и изучали песни и предания *пинпу* во многих районах и селениях по всему острову.

¹⁰ Письмена Синьган – фонетическая азбука-латиница. Голландские миссионеры изобрели её в XVII в. для туземцев народности *сирайя* ради упрощения христианской проповеди на острове. Записанные этой азбукой договоры были собраны, систематизированы и изданы в 1931 г. японцами как «Документы в письменах Синьган» 新港文書, а в 1938 г. опубликованы на английском языке как «Sinkan Manuscripts» [Murakami 1933].

«Деревни жертвенных сосудов: обследование народных обычаев южного Тайваня» (1944) и др. [Кокубу Наоичи 1944][Сюй, Чжань 1990: 115]. В частности, основываясь на опросах выходцев народности *сирайя* в районе Тайнань, Кокубу пришёл к заключению, что *пинпу* совсем растворились среди китайцев и утратили свои языки. Но изучение немногих оставшихся обычаев и ритуалов могло бы сыграть важную роль в выяснении границ обитания *пинпу* и их отношений с ханьцами. В итоге, локализация обычая молений предкам с жертвенными сосудами стала важным средством для выявления мест расселения народности *сирайя* в префектуре Тайнань. А обследованные селения получили название «деревни жертвенных сосудов». Первая статья Кокубу на эту тему под названием «Записи о поисках ритуала поклонения предкам Али» вышла в журнале «Тайвань в народных обычаях» в 1942 г. [Кокубу Наоичи 1942]. В 1970–1980-х гг. тайваньские учёные продолжили эти исследования и в других районах острова [Пань Ин-хай 1994; 1995] [Пань, Чжань 1995].

Немало материалов по *пинпу* содержится в переписях, статистических отчётах и других официальных документах японской колониальной администрации. В целом хотя изучение *пинпу* было второстепенной темой для японских этнологов, благодаря их усилиям было собрано очень много эмпирических материалов по этим народностям. Несмотря на прикладной характер и относительную тенденциозность, эти материалы и исследования имеют высокую научную ценность и стали солидной основой для изучения «пинпу» после 1945 [Пань Ин-хай 1994; Чжоу Дянь-энь 2009; 2010: 1].

Что касается этнических китайцев, то важные сведения о них собраны в отчётах уже названного «Временного комитета по обследованию старинных обычаев» (1-й отдел Комитета собирал данные о традиционном праве. 2-й отдел – об обычаях в аграрной, промышленной, торговой и других сферах экономики). Ежегодно публиковавшиеся Комитетом материалы включали «Очерки по обычаям Тайваня» 臺灣慣習紀事 и «Частное право Тайваня» 臺灣私法 (более 20 тт., 1903–1911), «Административное право государства Цин» 清國行政法 (8 тт., 1905–1915), «Отчёт по экономическим материалам» 經濟資料報告書 (2 тт., 1905) и другие издания. По завершении порученных исследований Комитет был закрыт и распущен 6 мая 1919 г., хотя публикация собранных материалов продолжалась и позднее.

Как указывал Тоити Мабути, по масштабам государственной поддержки, объёмам и широте охвата собранные с подачи японских властей историко-этнографические материалы сопоставимы лишь со «Сборниками сведений об обычаях и законах» 慣習法集成 *Adatrechtbundel*, составленными в своё время голландским колониальными властями в Индонезии [Лю Бинь-сюн 1986: 77–78].

Изданные при поддержке японских властей этнологические материалы и исследования активно использовались в публикациях колониальных чиновников. В этих работах, подобных многократно переиздававшемуся сочинению Гото Симпэя «Взгляд на колониальную политику Японии. Теория японской экспансии», неизбежно затрагивались важнейшие аспекты этнической истории и современной этнической политики [Мочицци 1912; Гото 1921; Такахама 1936].

3.2. Изучение японской этнической политики на острове в контексте мирового колониального опыта и продолжение этнологических исследований в 1928–1945 гг.

Знаменательно, что публикация на протяжении четверти века официальных сводок и отчётов колониальной администрации на Формозе имела двойственные последствия, послужив объективной почвой не только для восхваления метрополии её колониальными служащими, но и для критики со стороны оппозиционных аналитиков, противников колониализма и имперской политики Токио. Одним из таких критиков был крупнейший знаток японских колоний, социалист Янайхара Тадао 矢内原忠雄 (1893–1961), автор многих известных работ [Yanaihara 1963], в том числе написанной в 1929 г. и изданной в 1934 г. на русском языке в СССР книги «Формоза под властью японского империализма». Эта книга, основанная на широком круге источников, содержит анализ и критику колониальной политики Японии в свете мирового колониального опыта, а также прогнозы в отношении этой политики и будущего формозцев. В ней собраны ценные сведения об истории и этнополитической ситуации на острове, заслуживающие более подробного упоминания в данном обзоре.

В гл. 1 русскоязычного издания¹¹ Янайхара даёт краткий очерк колонизации Тайваня китайцами и европейцами, вплоть до его захвата в 1895 г. Японией. Затем следует описание аграрной политики, за счёт кото-

¹¹ Как говорилось выше, советские редакторы тенденциозно меняли содержание и композицию перевода, тем самым серьёзно исказив оригинальный текст книги Янайхара.

рой власти колонии передали земли и леса формозцев (китайцев и туземцев) в руки новых хозяев-японцев [Yanaihara 1963: 8–17]. Крайне ценны материалы гл. 8 о положении японцев и значении Формозы для японской иммиграции. По поводу миграционной политики Янайхара сообщает, что на западе и на востоке Формозы переселение японских крестьян вызывалось в основном нуждами сахарной индустрии. Но, несмотря на затрату огромных средств и времени, частные и государственные попытки массового переселения японцев на восток Формозы потерпели неудачу, хотя восток острова был всё же японизирован заметно сильнее запада. В итоге, заключает Янайхара, «значение Формозы в деле размещения избыточного населения империи чрезвычайно невелико». Этот вывод подтверждает тот факт, что большинство живших на Формозе японцев являлись госслужащими, людьми свободных профессий и торговцами, и лишь в очень незначительном числе крестьянами [Yanaihara 1963: 115–117].

В своей книге Янайхара также привёл статистику по численной динамике разных этнических групп (1905–1927), сведения об экономической и культурно-образовательной политике, законах, судах и административном управлении островом. Все эти данные приводят автора к мысли, что «экономическая и образовательная «ассимиляция» выгодна японцам, а политика управления, покоящаяся на системе абсолютизма губернаторов, является единственной политической формой, способной реально охранять неприкосновенность японских прибылей. В этом и состоит империалистическое значение всего механизма управления» [Yanaihara 1963: 117–127].

Касаясь социальных противоречий (гл. 11), Янайхара указывает на тесное смешение классовой и националь-

ной розни. В целом жившие на острове японцы тяготеют к крупному капиталу и властям, тогда как все формозцы сближаются с крестьянами и рабочими. Национальная рознь между формозцами и японцами осложнена сильной дискриминацией, политической и классовой борьбой между угнетателями и угнетёнными [Yanaihara 1963: 134, 147]. В главе о национально-освободительном движении Янайхара выявил основной курс и методы японских властей в сфере национальной политики (гл. 12). Узловым пунктом японской политики управления Формозой являлась задача его отрыва от Китая и укрепление связей с Японией. А принципы правления заложил Гото Симпэй, считавший, что эффективную политику нужно строить на основе этнологии, т. е. на точном знании обычаев и условий жизни формозцев. При этом выбор методов этой политики, по Гото, был ожидаемо двусмысленным: «Как бы мы ни стремились к мягкости и ассимиляции, на практике бывает необходима и жёсткость» [Yanaihara 1963: 14–150].

В историческом плане Янайхара усматривал два периода в этнической политике японцев. Первый, 1895–1918(19) – правление под лозунгом губернатора Кодама и Гото о признании особых условий Формозы и уважения местных обычаев. Второй, который «длится до настоящего времени» (рубежа 1930-х гг. – *В.Г.*), отличен не столько речами об «особых социальных условиях на Формозе», сколько реальным поворотом политики в сторону «ассимиляции» и уравнивания в правах с Японией. На первое место благодаря этому выдвинуто образование, лозунги гражданского управления и национального мира [Yanaihara 1963: 151].

Особым фактором, тесно связанным с колониальной политикой, был рост национального движения.

После Первой мировой войны, пишет Янайхара, все империалистические страны стремились всячески погасить национальные движения внутри колоний. Политика японизации управления Формозой отвечала духу времени и была призвана ослабить все стихийные и организованные формы национального движения, охватывавшего китайское население острова. Для этого власти жестоко подавляли антияпонские бунты и запрещали все партии, в программах которых имелся хотя бы намёк на национальную рознь. В то же время японцам приходилось учитывать рост национального самосознания формозцев и допускать деятельность умеренных партий. Например, партии «Тайвань Минсюто» (Демократическая партия Тайваня), ратовавшей за демократизацию в рамках Конституции и участие в самоуправлении на острове, за равноправие японского и формозского языков, обязательное преподавание китайской литературы в начальных школах, уравнивание в правах японских и китайских учебных заведений и т.д. Рост организованного национального движения внутри и за пределами Тайваня Янайхара называет поворотным пунктом в политической истории острова. Но оценивая современное положение он верно заключает, что время широкого социального движения еще не пришло [Yanaihara 1963: 152–156, 161–162].

Национальное движение на острове также исследовалось в монографии Ицзуми Фуру «Тайваньское национальное движение» [Ицзуми 1928] и в работах других японских авторов тех лет. В 1920-х гг. увидели свет и отдельные статьи тайваньских общественных деятелей, выражавших в них своё сложное отношение к японской ассимиляционной политике на острове. Знаменательным признаком двойственности этого

отношения является статья «Мои взгляды на ассимиляцию», изданная известным тайваньским автором Цай Пэй-хэ на японском языке [Цай Пэй-хэ 1920].

Что касается аборигенной темы, то период с рубежа 1920-х гг. до открытия в 1928 г. императорского университета в Тайбэе ознаменовался заметным спадом в изучении аборигенов. Известным этнологом этих лет был Коидзуми Маганэ 小泉鐵, который четырежды посетил остров в 1925–1928 гг. и публиковал полевые материалы по социальной организации, образу жизни и обычаям туземцев на востоке и севере Тайваня¹².

В целом сбор первичных полевых материалов по этнографии аборигенов в японский период длился около 30 лет. Новый этап наступил после 1928 г., когда при Тайбэйском императорском университете открылась «Лаборатория изучения рас и туземных обычаев» 臺北帝國大學土俗人種研究室, фокусирувавшаяся в основном на культуре аборигенов, реконструкции их исторического прошлого и разработке теоретических основ для научных изысканий. Если раньше такие исследования вели нанятые колониальными властями учёные-одиночки, то после 1928 г. они велись в основном силами преподавателей и студентов университета и уже меньше зависели от политической конъюнктуры. Ведущими учёными лаборатории были её создатели, профессора Уцусикава Нэндозо 移川子之藏, Миямото Нобуто 宮本延人, а также их ученик Тоити Мабути 馬淵東一 [Лю Бинь-сюн 1986: 78].

В 1930–1940-х гг. увидел свет целый ряд важных работ японских учёных по темам социального строя,

¹² Основные работы Коидзуми Маганэ – «Записи об образе жизни дикарских деревень» 蕃鄉風物記, «Описание туземных обычаев Тайваня» и др. [Койдзуми 1932; 1933]

систем родства, материальной культуры, обрядов, образа жизни, а также происхождения и места тайваньских туземцев в истории и культуре Юго-Восточной Азии [Коидзуми 1933; Уцусикава 1935; Тоити 1938; Ван Тянь-цян 1942; Фуруно 1945; Кано Тадао 1945; 1946; 1952][Лю Бинь-сюн 1986: 81; Сюй, Чжань 1990: 114–115]. Пристальное внимание японских учёных привлекали также вопросы ассимиляционной политики [Вашиносу 1941], китайская система образования, использование китайского языка и другие проблемы, от которых прямо зависела выработка языковой и образовательной этнокультурной политики.

В 1941 г. тайваньские учёные Чэнь Шао-сян 陳紹馨 и Хуан Дэ-ши 黃得時, совместно с несколькими японскими коллегами (Канасеки Такео и др.), основали на острове журнал «Народные обычаи Тайваня» 民俗臺灣. Несмотря на любительский статус журнала, в нём было собрано немало результатов этнологических исследований [Сюй, Чжань 1990: 115], а публикации «Народных обычаев Тайваня» оказали немалое влияние на первое послевоенное поколение тайваньских исследователей.

В целом исходя из предложенной в 1976 г. периодизации тайваньского учёного Лю Бинь-сюна, исследования японских этнологов на Тайване в 1895–1945 гг. можно разделить на три периода: 1) период изучения силами Токийского антропологического общества (1895–1900); 2) период деятельности «Временного комитета по обследованию старинных обычаев Тайваня» (1901–1928); 3) период с основания в 1928 г. Тайбэйского императорского университета до 1945 г.

Первый этап был связан с определением принципиальных задач «научной этнографии» и началом исполь-

зования полевых этнографических исследований для изучения туземных обычаев, а также с определением главных основ этнической политики на острове [Inou K 1894; 1901; etc.][Головачёв 2015 I].

Второй этап – проведение системных полевых исследований, интеграция собранных эмпирических материалов в официальный политико-исторический контекст. Изучение аборигенов в тот период велось силами Токийского общества антропологии и генерал-губернаторства на Тайване. Исследования японских учёных охватили горных аборигенов разных районов острова, а также народность *ями* на острове Орхидей. Они включали все виды антропологических изысканий, стали образцом этнологических описаний и заложили фундамент для их дальнейшего развития. Плоды научных изысканий на первых двух этапах были прямо ориентированы на интересы японской колониальной политики [Sakadzawa 1928; Utsurikawa 1930; Сюй, Чжань 1990: 114; etc.].

Особенностью третьего этапа стало осмысление задач и результатов исследований за первые три десятилетия и смещение внимания от сбора полевых материалов к теоретическим исследованиям, к изучению форм и сущности социальной организации аборигенов. Участие в исследованиях учёных разных профилей (естественников, гуманитариев, специалистов по промышленности, сельскому хозяйству, медицине и пр.) также подняло комплексное изучение аборигенов на новый уровень [Сюй, Чжань 1990: 115]. Первичный полевой сбор этнографических фактов дополнился применением кросскультурных подходов, компаративистских методик и в итоге более глубоким теоретическим осмыслением научных материалов.

На этом этапе научные исследования постепенно утрачивали прямую зависимость от политических установок и стали обретать более нейтральный, академичный характер. В отдельных случаях японские этнологи на Тайване пассивно и исподволь дистанцировались от официальной этнокультурной политики, например, от ассимиляционной политики *коминка*. [Chun Kyong-soo 2016: 98] На этом же этапе появились открытые печатные работы японских авторов (Янайхара Тадао и др.), содержавшие анализ и критику результатов колониального правления на острове в свете мирового опыта колониального управления. Наряду с этим предпринимались отдельные попытки обобщить историю и опыт правящих режимов на самом Тайване, подтверждением чему служит изданная в 1936 г. в Токио небольшая 53-страничная брошюра Такахама Сабуроу «Общая история правлений на Тайване» [Такахама 1936].

В целом за полвека работы на Тайване японские этнологи (профессионалы и любители, естественники и гуманитарии, и пр.) подняли изучение аборигенов и местных китайцев на небывалый научный уровень, а их научные труды заложили солидную основу для продолжения этнических исследований на острове после 1945 г.

3.3. Японские исследования в послевоенный период (1945 – н.в.)

После 1945 г. японские учёные утратили прежние возможности и мотивы для ведения научной работы на Тайване. Лишь немногие из них, в частности Кокубу Наоичи и Канасеки Такео (1897–1983), остались на

острове, где продолжали преподавание и исследования *пинпу*. Но в 1949 г., после принятия «Закона о военном положении» (1949–1987), им тоже пришлось срочно покинуть Тайвань.

Как указывает исследователь с Окинавы Сугано Ацуси, вплоть до 1960-х гг. «тайваньские исследования» почти не существовали в Японии. Причины этого заключались в том, что японское общество в целом избегало рефлексий по поводу колониального прошлого, взгляды с бывшей периферии (Тайвань, Корея, Окинава) практически отсутствовали в доминирующей национальной концепции новейшей истории, а большая часть современных исследований времён «холодной войны» фокусировалась на правлении Китайской республики. С 1945 по 1969 гг. в Японии было издано не больше десятка научных томов по Тайваню и лишь около 350 статей [Atsushi Sugano 2016: 1–2].

В 1950-х гг. в Японии всё же продолжали выходить отдельные работы по этнологии Тайваня. Но лишь с конца 1960-х гг., после более чем 20-летнего перерыва, японские этнологи стали вновь приезжать на остров для ведения научных исследований. Используя фонды местных колониальных архивов, полевые материалы и работы тайваньских коллег, японцы фокусировалась в послевоенный период преимущественно на теме колониальной политики в 1895–1945 гг. [Ихара 1988; Takeshi 2001][Курихара 2000; 2006], а также на истории и этнографии отдельных аборигенных народностей острова (социальная организация, обычаи, религии, миграции и пр.) [Накамура 1992; Чэнь Вэнь-дэ 1985].

В 1970-х гг. японские учёные стали формировать научные объединения по изучению Тайваня, однако

эта сфера не привлекала существенного внимания до 1990-х гг. Поворотным пунктом стала отмена в 1987 г. «Закона о военном положении» и, в особенности, деятельность президента Китайской республики Ли Дэнь-хуэя, который резко изменил представления о Тайване в Японии. В 1998 г. в Японии была основана Японская ассоциация тайваньских исследований (Japan Association for Taiwan Studies, JATS), количество членов которой по всей стране достигло к 2008 г. 460 чел. [Atsushi Sugano 2016: 2]

В целом послевоенные работы японских этнологов по Тайваню носят относительно разрозненный, эмпирический, позитивистский характер. Этнополитическая тематика (например, политика усмирения аборигенов) занимает в них довольно скромное место, появившись в основном в конце 1980-х гг., с началом демократизации, открытости и так называемого «аборигенного ренессанса» на острове [Фудзии 1989].

В 1990–2000-х годах интересы японских исследователей были направлены преимущественно на вопросы политики, в т.ч. отношений Тайваня с материковым Китаем, борьбы между ДПП и Гоминьданом, попытки перехода на острове от «китайской идентичности» к «тайваньской идентичности», японского культурного влияния на Тайване и пр. В эти же годы в Японии возрастал интерес к изучению официально открытых архивов колониального генерал-губернаторства на острове [Atsushi Sugano 2016: 2].

В результате, после 2000 г. стали появляться и внушительные обобщающие труды, подобные вышедшей в 2002 г. в Токио и переизданной в 2004 г. на Тайване книге Киния Суэмицу «История Тайваня: Тайвань в эпоху японского господства», где систематично пред-

ставлены все основные аспекты японского колониального правления на Тайване, включая этническую историю и политику [Киния 2004]. Пришедшее в науку новое поколение японских исследователей привнесло свежие трактовки колониального прошлого, обнаруживающие тенденцию к отходу от традиционной бинарной оппозиции «угнетатели – угнетённые» [Atsushi Sugano 2016: 2–3].

Одним из признаков огромного внимания к японскому наследию является активный перевод источников и исследований с японского языка на китайский. В 1990-х гг. на Тайване был успешно завершён долговременный проект по переводу на китайский язык архивов японского генерал-губернаторства. Переводятся японские публикации о научной деятельности знаменитых японских этнологов, об ассимиляционной политике и т.д. [Ихара 1988; Takeshi 2001][Курихара 2000; 2006]

Продолжают выходить и историографические работы, в которых учёные из Японии, Тайваня, материкового Китая (КНР), России и других стран изучают персональный научный вклад отдельных японских этнологов, а также развитие японских этнологических исследований в колониальный период и за весь XX век [Моригучи 1992; Касахара 1998; Huang 1999; Eda 2001; Matsuda 2003; Suenari 2006; Головачёв 2011 IV].

В свою очередь, японские исследователи следуют глобальным тенденциям и регулярно переводят на японский язык письменные источники и исследования на китайском, английском и прочих европейских языках, в т.ч. и на русском. Примером могут служить переводы на японский язык работ российских исследователей (П.И. Ибиса, А.К. Мольтрехта, Н.А. Невского,

С.Г. Елисеева и др.), опубликованные в 2000-х гг. японским русистом Цукамото Дзэнъя [Цукамото 2004; 2008; 2016 I; 2016 II].

Таким образом, с начала 1990-х гг., в новую эпоху стремительной глобализации, японские научные исследования становятся всё более важной частью региональных и общемировых исследований по этнической истории Тайваня и должны рассматриваться как органичная составляющая мировых исследований.

Глава 4

Изучение этнополитической истории острова в послевоенной и современной тайваньской историографии

4.1. Историография времён «Закона о военном положении» (с 1945 г. до конца 1980-х гг.)

Исследования по этнической истории и политике Тайваня, которые велись на острове в послевоенное время, после возвращения острова под суверенитет Китая, имеют свои традиции, особенности и этапы развития.

Одной из основных задач, вставших перед учёными Тайваня после 1945 г., было изучение японских архивов, подведение итогов и продолжение в том или ином виде исследований колониального периода, прерванных с уходом японцев. Возврат Тайваня под власть Китая способствовал возрождению интереса к острову и со стороны китайских учёных, хотя после разрыва связей с материком в 1949 г. тайваньская этнология вновь обособилась от китайской науки на целые сорок лет.

Главной особенностью послевоенного периода было то, что наука Тайваня, с одной стороны, унаследовала достижения японской и, с другой стороны, восприняла научные традиции материкового Китая. Синтез япон-

ской и китайской научных школ, а позднее и западных теорий и методик открыл новые горизонты для развития этнологии на острове. По мере своего развития тайваньская научная школа постепенно обрела всё более мощную эмпирическую базу, а также новые теоретические, методологические и концептуальные наработки.

Хотя формально остров вернулся под суверенитет Китая после поражения Японии в 1945 г., трудности переходного периода и гражданская война задержали возрождение местной науки до конца 1940-х гг. В 1949 г. в уезде Наньтоу был создан Комитет по письменным источникам провинции Тайвань 台灣省文獻委員會. Этот комитет вёл исследования истории, народных обычаев и материальной культуры острова, результаты которых публиковались с 1949 г. в журнале «Письменные источники Тайваня» 台灣文獻. Ещё одной площадкой для публикаций по этнической истории Тайваня стал основанный в 1951 г. журнал «Обычаи и материальная культура Тайваня» 台灣風物. Статьи по аборигенной тематике, оценке итогов и перспектив островной этнологии [Чэнь Ци-лу 1955] выходили также в журналах «Измы (учения) и государственная политика» 主義與國策¹, «Материковый Китай» 大陸雜誌², «Бюллетень Института этнологии» 中央研究院民族學研究所集刊³ при Academia Sinica и др. В эти же годы появились и первые монографии по национальным вопросам, связанные с политически насущной критикой колониализма, освещением

¹ Подборка статей за 1955 г. см.: http://ianthro.tw/c/set:ioe:pub+pubsource:x_pub_72

² Подборка статей за 1951–1955 гг. см.: http://ianthro.tw/c/set:ioe:pub+pubsource:x_pub_271

³ Выходит с 1956 г. Каталог номеров и статей за 1956–2001 гг. см.: <http://ianthro.tw/p/5944>

истории национально-освободительной борьбы жителей острова и т.д. [Фан Хао 1951 27; Ян Кэ-хуан 1956; Е Жун-чжун 1971]

В 1994 г. крупнейший тайваньский этнолог, академик Ли И-юань выделил три основных этапа в 40-летнем послевоенном развитии этнологии на острове (1. 1949–1965 гг., 2. 1965–1980 гг., 3. 1980 – середина 1990-х гг.), каждый из которых имел свои особенности в плане тематики, теории и методологии [Ли И-юань 1994: 1–2]. Хотя эта периодизация несколько устарела и требует обновления с учётом минувших после 1994 г. десятилетий, Ли верно указывает, что в первые два десятилетия после 1945 г. главным объектом изучения в тайваньской этнологии были по-прежнему аборигены. Сохранялись и научные подходы японского периода (любовь к эмпирике, привлечение экспертов из разных областей для комплексных этнологических исследований и т. п.), позволившие накопить ещё больше этнографических данных о коренных жителях Тайваня.

Освоение японского наследия в те годы сильно тормозили политические факторы (военное положение, политика деяпонизации и пр.), закрытость архивов, а также нехватка ресурсов и трудности перевода документов и публикаций с японского на китайский язык. Тем не менее, новые китайские власти тоже нуждались в знании местных этнополитических реалий, поэтому уже к 1957 г. на Тайване был издан перевод на китайский язык книги Ино Канори «Описание правлений дикарями на Тайване» [Ино 1957] и других японских работ. Продолжались начатые ещё до 1945 г. исследования ассимиляционной политики в различных колониях Японии [Чжоу Вань-яо 1944].

Помимо переводов и сбора полевых этнографических материалов, учёные острова во главе с основателем и первым директором института этнологии Линь Чунь-шэном вели сравнительные кросскультурные исследования, сопоставляя особенности тайваньских туземцев с культурой аборигенов азиатско-тихоокеанского бассейна или так называемой «культурой тихоокеанского кольца» 环太平洋文化 [Линь Чунь-шэн 1979; Ли И-юань 1998 I]. Эти исследования породили гипотезу о том, что в древности предки тайваньских аборигенов обитали на юге китайского материка и имели кровные связи с жителями этого региона, например, с древней китайской народностью Байюэ. Против этой точки зрения позднее выступил известный этнолог Вэй Хуэй-линь (衛惠林, 1904–1992), который тоже вёл полевые исследования на острове и издал в 1950–1970-х гг. серию работ по социальной организации аборигенов Тайваня [Вэй Хуэй-линь био]. Дальнейшие изыскания археологов, антропологов и палеолингвистов вроде бы подтвердили сходство ряда первобытных культур Тайваня и материкового Китая. Но тема прародин предков коренных тайваньцев представляет крайне сложный, по-прежнему открытый вопрос. В СССР на неоднозначность теории «культуры тихоокеанского кольца» Линь Чунь-шэна указал в 1977 г. в критической статье М.Ф. Чигринский [Чигринский 1977].

Окончательный исход с острова японских учёных после принятия в 1949 г. «Закона о военном положении» не прервал полевых исследований, сбора и анализа письменных материалов по аборигенам, в частности по равнинным *пинну*. В то же время, как было сказано выше, к местным учёным подключились учёные из материкового Китая, эвакуировавшиеся на остров

вместе с правительством Гоминьдана. Общими силами они вели изучение материальной и духовной культуры, обычаев и социального строя, отношений равнинных аборигенов *пинпу* с горными аборигенами *гаошань* и китайцами, «политики умиротворения дикарей» 理番政策 и других тем. Но в целом вплоть до начала 1980-х гг. изучение *пинпу* велось даже менее активно, чем при японцах. Столь слабое внимание объяснялось рядом причин: китаизаторской политикой новых властей, стереотипными представлениями о полной китаизации и исчезновении этих народностей, трудностями полевого сбора опросных материалов, а также малодоступностью, фрагментарностью и разбросанностью данных из письменных источников [Чжоу Дянь-энь 2010: 2].

Исследования 1950-х гг., касавшиеся этнической истории и политики в отношении местного населения, фокусировались в основном на китайском правлении времён минского клана Чжэн (1661–1683) и династии Цин (1683–1895). Изучение истории правления европейцев, как и в случае с японским наследием, затруднялось в те годы политической закрытостью острова и архивов, труднодоступностью зарубежных источников и языковым барьером.

Примерно к 1965 г. под влиянием новых тенденций в развитии тайваньской этнологии изучение формозских аборигенов и их связей с народностями Китая испытало некоторый спад. Молодое послевоенное поколение тайваньских этнологов (Ли И-юань и др.), вооружённое изученными на Западе антропологическими теориями и методами, стало осваивать новые сферы исследований и перенесло фокус внимания на общины тайваньских и зарубежных китайцев (*хань жэнь*, *хуа цяо*). Этнология перестала считаться только

«наукой о туземцах» или нацменьшинствах, отошла от субъективного китаеццентристского подхода и впервые охватила самих китайцев, теперь уже в роли объекта исследований и одного из многих населяющих Тайвань этносов. Ранее почти не привлекавшее внимание местных учёных, это направление вступило в ключевой для себя «этап взлёта и созревания ханьских исследований на Тайване». По мнению Ли И-юаня, этот этап пришёлся на 1965–1989 гг., тогда как предшествующий период (1945–1965) был «подготовительным этапом» в изучении ханьцев на Тайване [Ли И-юань 1998 II: 58–59; Chen Chi-lu 1972: 51–59][Chen Shao-hsing 1966: 99–109; 1956 (1979)].

В этот период на острове по-прежнему уделялось много внимания полевым исследованиям. Но былые методы сбора данных путём включённого проживания среди аборигенов («участия и наблюдения», «живого интервью» и пр.), применимые к малым этносам с небольшим ареалом обитания, оказались малопригодны для больших народов типа этнических китайцев (ханьцев). Для изучения ханьцев потребовались соцопросы, анкетирование, сбор статистики, психологические тесты и пр. Поэтому новой тенденцией стал выход за рамки узких этнографических методик, освоение базовых этнологических теорий и комплексное применение социологии, психологии, экономики и других смежных наук для изучения всей многомерной «культурной грамматики» социума [Ли И-юань 1994: 3; 1998 II: 59–60].

Ввод новых видов источников (частных документов и пр.), теорий и методов междисциплинарных исследований объективно снижал прежнюю роль таких классических для этнологии дисциплин, как архе-

ология, лингвистика, антропометрия и этнография. В научной проблематике тоже наметился переход от чистой этнографии к изучению сущности «базовых концептов» и эволюции социокультурных систем, а также от сугубо академической истории – к проблемам живой этнической культуры современного общества. Показательными для этого периода были работы Лю Бинь-сюна, пытавшегося анализировать математическую модель терминов родства (так называемое генеалогическое пространство) для уяснения базовой системы родства аборигенов. Ли И-юань исследовал на острове китайские народные обычаи и культуру: традиции браков (например, т.н. посмертные браки) и наследования, поклонения предкам, геомантии и знахарства, а также влияние этих традиций на этническую психологию и систему ценностей китайцев. Большое значение имели его работы по эволюции религиозных обрядов и символики тайваньских китайцев [Сюй, Чжань 1990: 116].

В целом упомянутый выше переход части учёных на изучение этнических китайцев повлиял не только на изменение проблематики и методологии, но и качественно изменил общий характер тайваньской этнологии, вывел её на новый, более открытый, масштабный и современный уровень. Этому также способствовало возросшее влияние западных этнологов и историков, которые после начала китайской «культурной революции» были вынуждены перенести фокус китаеведных исследований из КНР на Тайвань.

В середине 1970-х гг. тайваньские учёные, осознав кризис в области изучения аборигенов, провели ряд крупных научных мероприятий с целью осмыслить итоги и новые перспективы исследований. В 1974 г.

(с 26 августа по 2 сентября) НИИ этнологии при Academia Sinica провёл в Тайбэе «Семинар по ретроспективам и перспективам изучения народностей *гаошань*», который, по мнению Ли И-юаня, ознаменовал начало новой эпохи в сфере изучения аборигенов [Ли И-юань 1975: 1]. На семинаре обсуждались успехи и упущения в этнологии японских времён и послевоенных лет, современные социокультурные проблемы аборигенных народностей, направления будущих теоретических и практических изысканий, причины спада и способы оживления аборигенных исследований, участие учёных в выработке модернизирующей и охранительной политики в отношении аборигенов и другие проблемы. Доклады и стенограммы дискуссий по ходу семинара были изданы в специальном выпуске «Бюллетеня института этнологии» (1975, № 40) [Ли И-юань 1975: 2; Семинар гаошань 1975: 107, 117].

Характерно, что послевоенный подъём и последующий спад в изучении аборигенов нашли отражение в публикациях самого «Бюллетеня». Его первые 20 номеров (1956–1965) содержали 121 статью, из которых изучению *гаошань* посвящено 56 статей (46%). Но из 157 статей, изданных в №№ 21–39 (1966–1975), тему *гаошань* затрагивали уже лишь 27 статей (17%) [Ли И-юань 1975: 1].

Столь резкий спад числа и доли публикаций свидетельствовал о том, что изучение *гаошань* как минимум перестало быть главной темой и целью в тайваньской этнологии. Причинами смены научных тенденций были естественное развитие и сознательное изменение стратегии научных исследований. Переход к вышеупомянутому изучению метаморфоз ханьского общества на Тайване и в ЮВА привёл к разделению сфер вни-

мания учёных и отвлечению значительной части сил, прежде направленных на изучение *гаошань*.

В стратегии и методах изучения собственно *гаошань* также произошли крупные перемены, так как вступление аборигенов в пору драматичных социокультурных перемен уже не позволяло учёным опираться на прежние этнографические методы. Само время диктовало необходимость перегруппировки сил для поиска новых нетрадиционных путей и целей, методик и теорий. Но спад в исследованиях *гаошань* не означал их полную приостановку, поскольку, как верно отметил Ли И-юань, в самом спаде зарождались и новые тенденции [Ли И-юань 1975: 1]. Возрождение аборигенных исследований требовало переноса внимания с полевых изысканий на разработку и внедрение теорий, переключения фокуса исследований с материальной культуры на идеологию и социальные отношения. Был нужен переход от изучения отдельных тем и народностей к широким сравнительным исследованиям, внедрению комплексных подходов, расширению сотрудничества с властями в сфере прикладных исследований, а также к подготовке этнологов из числа самих аборигенов, систематичному планированию и координации научной работы и т.д. [Семинар гаошань 1975: 108–111, 114–117]

Что касается этнической истории Тайваня, то пионерами её изучения в Academia Sinica были Сюй Чжоюнь 許倬雲 и Ли Го-ци 李國祁. Однако до 1970-х гг. на острове не велось системных исследований в области этнической истории Тайваня. Лишь с начала 1970-х гг., наряду с прежними чисто академическими штудиями, местные учёные стали готовить для властей аналитические оценки и рекомендации по социальной политике

и решению острых общественных проблем, основанные на новых теориях и методиках. В итоге, правительство стало придавать всё большее значение общей и прикладной этнологии. А сами этнологи активно занялись прикладным изучением социально уязвимых этнических групп [Сюй, Чжань 1990: 116–117].

В 1971–1975 гг. был подготовлен и выполнен первый пятилетний междисциплинарный проект *Чжо-Да*, предусматривавший комплексное изучение людей, земель и природы в бассейнах рек *Чжошуй* и *Дадуси* (в горной части центрального Тайваня), которые некоторые учёные считают наиболее вероятным исходным пунктом внутриостровного расселения древних аборигенов [Ли Жэнь-гуй 1997: 109]. В проекте участвовали Academia Sinica, Тайваньский Государственный университет и Йельский университет (США). Целью этнологических изысканий был сбор материалов по истории китайских поселений и миграций аборигенов, китаизации и ассимиляции аборигенов, современному состоянию местного населения и природной среды [Ван Сун-Син 1973].

В те же годы институт этнологии вёл пятилетний проект по истории освоения острова ханьцами в пределах уездов Тайбэй и Таюань на севере и северо-западе острова.

Другие относительно крупные проекты включали исследование в 1978–1980-х гг. «Проблем адаптации подростков и молодёжи тайваньских *гаошань*». За пять лет (1981–1986), по заказу Управления по делам аборигенов при правительстве провинции Тайвань, институт этнологии выполнил серию таких научных проектов, как: «Оценка административной политики в горных районах», «План зонирования культурных групп в гор-

ных районах», «Жертвенные ритуалы тайваньских аборигенов». По поручению Китайской ассоциации по правам человека был также выполнен проект «Текущее состояние традиционной культуры и прав человека у тайваньских аборигенов». С 1986 г. несколько комплексных экспедиций с участием учёных из разных научных областей реализовали такие проекты, как «Полевые исследования по истории Тайваня», «Исследования китайской семьи и рода», «Положение женщин и уровень рождаемости», «Сельское хозяйство и развитие деревни на Тайване» и др. [Сюй, Чжань 1990: 117]

С рубежа 1980-х гг. на острове вновь заметно усилилось изучение *пинпу*, которое вели учёные разных дисциплин, энтузиасты-любители и потомки равнинных аборигенов. Если при японцах и в первые три послевоенных десятилетия исследования *пинпу* носили побочный, малоактивный, фрагментарный и довольно поверхностный характер, то в 1980-х гг. общая тематика исследований заметно расширилась и углубилась. Одной из ключевых тем этих лет, помимо китаизации *пинпу*, стало продолжение работ по выявлению, установлению этнонимов и классификации разных равнинных народностей. В частности, Ли Жэнь-гуй начал разработку новой классификации *пинпу* по лингвистическим критериям. Ли Го-мин, используя материалы голландских архивов, проводил типологическое сравнение туземцев *макадао* и *сирайя* по таким признакам, как язык, политическая среда, места обитания, типы жилищ, система браков и т.д. [Ли Жэнь-гуй 1995; Ли Го-мин 1985]. Вступившее с середины 1980-х гг. на научное поприще новое поколение тайваньских учёных, опираясь на малочисленные работы предшественников [Се Цзи-чан 1979], вновь оживило

изучение «этнических отношений», в частности, культурных, экономических и политических связей народов *пинпу* с китайским населением [Вэн Цзя-инь 1984; Чжань Су-цзюань 1986; Ван Юй-цзе 1987; Чжо Шу-цзюань 1988].

Подобно островной этнологии в целом в эти годы в изучении *пинпу* был замечен рост количества и значения междисциплинарных исследований. Если раньше этой темой занимались в основном антропологи и археологи, то теперь на первый план стали выдвигаться историки, географы, лингвисты, религиоведы и прочие эксперты [Чжоу Дянь-энь 2010]. Ещё одним признаком выхода местных учёных на новый уровень стало появление обобщающих историографических исследований и обзоров иноязычных источников по *пинпу* [Пань Ин-хай 1987; Вэн Цзя-инь 1988].

Что касается исследований социокультурного пространства, то в 1980-х гг. тайваньские этнологи уже стремились выйти за рамки изучения собственно острова и моноцентричных локальных исследований, вели кросс-культурное сравнение Тайваня с другими обществами и культурами. С этой целью проводилось сравнительное изучение среднего класса в социумах Восточной Азии (Сяо Синь-хуан), сравнение матрилинейной социальной системы тайваньских Ами и американских индейцев *навахо* (Сюй Му-чжу) и т.д. В 1989 г. Институт этнологии провёл конференцию, на которой обсуждались важнейшие факторы кросскультурного взаимодействия и его влияния на межэтнические связи [Сюй, Чжань 1990: 117]. Тогда же предпринимались первые попытки обобщить и систематизировать взгляды на местную этническую историю и политику.

Исследования, фокусирующиеся на «этничности» и этнических связях, стали появляться на Тайване лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. До этого, в условиях мощного идеологического упора Гоминьдана на антикоммунизм и национальное единство, власти острова не поощряли научное изучение этносоциального неравенства и различий. Но отмена 15 июля 1987 г. «Закона о военном положении» и быстрая демократизация Тайваня привели к бурному всплеску «исследований этнических связей» 族群關係研究, включавших самые разные аспекты и уровни сравнения четырёх основных этнических групп на острове: *хокло*, *хакка*, материковых китайцев из «внешних провинций» (*вайшэн жэнь*) и аборигенов [Yang, Chang 2010; Чэнь Чжи-мин 1990].

Рост в 1980-х гг. общественного внимания к этнической истории острова поставил местных учёных перед необходимостью заново определить место и роль Тайваня в китайской и мировой истории [Ретроспективы и перспективы 1989; Дай Го-хуэй 1985], ответить на вопрос о том, что представляет собой тайваньская история, выявить роль разных этнических групп и показать общее значение этнического фактора в истории острова [Сюй Чжэн-гуан 1995]. По сути, открытая постановка этих вопросов и попытки дать на них первые ответы ознаменовали наступление очередной новой эпохи – эпохи «тайванизации» островной этнологии.

К числу самых известных обобщающих работ этноисторического плана относится изданная в 1989 г. в Гонконге англоязычная статья Ли И-юаня «400 лет этнических отношений на Тайване» [Li Yih-yuan 1989], в которой этническая история острова представлена в рамках многоэтапной периодизации, связанной со

сменой правящих политических режимов и доминирующих культур.

В отличие от Ли И-юаня, особо выделявшего, в числе нескольких прочих, новую тенденцию к изучению этнических китайцев [Ли И-юань 1993], Сюй Му-чжу резюмирует, что к концу 1980-х гг. тайваньская этнология имела две главные особенности: акцент на теоретических и практических проблемах изучения культуры и общества аборигенов, а также растущее внимание к междисциплинарному и международному сотрудничеству. Эти тенденции, с одной стороны, заметно консолидировали ученый мир Тайваня (например, социологов, психологов, историков и других учёных из Тайваньского университета и Academia Sinica, ведущих совместные полевые исследования). С другой стороны, открытость тайваньской науки, возросшая после отмены в 1987 г. «Закона о военном положении» и начавшейся либерализации острова, привлекла учёных из числа зарубежных китайцев, а также этнологов и историков из Сингапура, Гонконга, США, Японии и других стран [Сюй, Чжань: 117]. К данным обобщениям Сюй Му-чжу следует добавить уже упомянутый прорыв местных учёных в сферу «исследований этнических связей».

Важным событием в развитии тайваньской этнологии стало возрождение к концу 1980-х гг. (после 40-летней изоляции) контактов с учёными из КНР, в значительной мере предопределившее дальнейший рост внимания к роли Китая, китайских иммигрантов и китайской культуры в истории Тайваня [Вэн Цзя-инь 1986; 1989; 1990][Ван Сун-син 1991].

Наконец, особым фактором, оказавшим мощное влияние на проблематику, концепции, пути развития

и характер местной этнологии, стали такие явления, как «тайванизация» 本土化, 台灣化 и демократизация общественной жизни на острове, рост оппозиционных движений за независимость Тайваня, а также за права и самоопределение аборигенных народностей. По сути, рубеж 1980–1990-х гг. оказался связан с радикальным сдвигом общих подходов к этнической истории Тайваня и вступлением в новый этап научного развития, а именно: активной, порой даже форсированной «тайванизации» островной этнологии, политологии и исторической науки.

4.2. Исследования тайваньских учёных на этапе «тайванизации» с конца 1980-х гг. до 2010 г.

Конец 1980-х гг. оказался связан с радикальным сдвигом общих подходов к этнической истории Тайваня и вступлением островной этнологии и исторической науки в новый этап развития, а именно: этап «тайванизации», апогей которой совпал с правлением пронеэзависимых сил под руководством президента КР Чэнь Шуй-бяня в 2000–2008 гг. Если в годы Закона о военном положении (1949–1987) история Тайваня была маргинальной для китаецентричных науки и образования, к тому же закрытой для публичных дискуссий темой, то к концу 1980-х гг. ситуация резко изменилась. Экономический расцвет, либерализация и демократизация острова, подъём аборигенного движения и пробуждение самосознания всех этнических групп превращали историю Тайваня во всё более популярный и дискутируемый предмет общественного внимания. Число учёных, изучающих историю острова с неофи-

циальных позиций, быстро росло. В местной историографии появились «теория субъектности Тайваня» 台灣主體論 и другие схожие концепции, противопоставляемые «теории китайского центра» 中國中心論. Эти новые концепции были призваны показать роль и место острова не как пассивной периферии китайской истории, но как активного, автономного субъекта региональной и мировой истории [Чэнь Кун-ли 1994: 70; Чэнь И-шэнь 2005]. При этом этнополитические аспекты истории и современных общественных отношений заняли в научных работах последних десятилетий важнейшее, едва ли не центральное место.

Пути развития этноисторических исследований, на первый взгляд, не претерпели в эти годы особых изменений. На острове ведётся интенсивное освоение корпуса зарубежных письменных источников за счёт переиздания и перевода на китайский язык большей части японских⁴, голландских, испанских и других иноязычных материалов. Углубляется специализация и интернационализация островной этнологии. Пожалуй, главной переменной стал отход от официально предписанного «единомыслия», плюрализация научных подходов и радикальный пересмотр ряда общих этнологических и политических концепций, служащих фундаментом научных и публичных представлений об этнокультур-

⁴ Например, переиздание в Academia Sinica в 1996–2004 гг. 5-томной серии «Отчётов по обследованию обычаев дикарских народностей» 番族慣習調查報告書 – одной из важных публикаций, издававшихся с 1915 г. японским генерал-губернаторством острова. Эта серия включала материалы «Чрезвычайного комитета по обследованию старинных обычаев Тайваня» 臨時臺灣舊慣調查會, касавшиеся большей части туземных народностей: *атайял*, без *сайджэ* (т. 1), *амэй* и *бинань* (т. 2), *сайсьят* (т. 3), *цоу* (т. 4), *пайвань* и *рукай* (т. 5). Переводом японских источников занимаются также сотрудники архива тайваньских документов при госархиве Китайской Республики.

ном и этнополитическом развитии Тайваня. Изменение содержания и роли базовых концепций, вызванное развитием науки и прямым влиянием современных социально-политических факторов, происходит главным образом в рамках двустороннего процесса: всё более активной «тайванизации», роста внимания к австронезийским и японским элементам истории и культуры, с одной стороны, при постепенной «декитаизации» островной этнологии, с другой стороны. При этом резкий рост числа официально признанных аборигенных народностей, увеличившегося с 9 до 14 в 2001–2008 гг. и до 16 к 2014 г. [Hsiu-chuan Shih, Iok-sin Loa 2008], подразумевает серьёзные качественные сдвиги в подходах властей и учёных к выбору политических и научных критериев для официального признания всё новых и новых аборигенных этносов.

Вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. официальный гомиьндановский подход к истории и этнологии на Тайване определялся единой, полностью созвучной историографии КНР установкой на то, что «Тайвань является неотъемлемой частью Китая». К примеру, в ортодоксальной работе «Очерки истории Тайваня», изданной в 1954 г. академиком Го Тин-и и выдержавшей к 1988 г. 12 изданий (ещё два издания осуществлены в 1990 г. и 1996 г.), этот тезис озвучен уже в первой фразе Введения как «общепризнанный» и «совершенно не допускающий сомнений» факт [Го Тин-и 1983: 1].

Но в первой половине 1990-х гг. факт возвращения Тайваня после 1945 г. в единую «большую семью Китая» [Го Тин-и 1983: 3], а также самой принадлежности острова к этой семье был подвергнут сомнению не только пронеэзависимыми тайваньскими учёными и политиками, но даже Ли Дэн-хуэем, занимавшим

тогда посты президента Китайской республики и председателя Гоминьдана. С одной стороны, Ли выдвинул в середине 1990-х гг. символический лозунг: «Превратим Тайвань в новую Среднюю равнину»! 新中原, ясно намекая, что именно Тайвань может стать новым истинным олицетворением традиционного Китая. С другой стороны, в присущей ему противоречивой манере Ли заявил в 1994 г. в интервью одному из японских журналов: «Вплоть до сего дня все, кто правил Тайванем, были иноземными режимами»⁵.

Пикантность второго заявления заключалась в едва завуалированном причислении к «иноземным режимам» партии Гоминьдан, правившей на острове с 1945 г. По сути, Ли соглашался в этом принципиальном моменте с пронезависимым историком-эмигрантом Ши Мином, который ещё в 1962 г. первым охарактеризовал правление Гоминьдана (партии националистов) на Тайване как «иноземный колониальный режим» [Ши Мин 1980] ⁶.

Скандалный уход из партийно-государственного руководства после провала Гоминьдана на президентских выборах в 2000 г. позволил Ли Дэн-хуэю перейти от полунамеков к открытым заявлениям о том, что «после прихода на Тайвань правительства националистов (в 1945 г. – *В.Г.*), так называемая китайская история была принудительно привязана к Тайваню, и это привело к утрате тайваньцами собственной истории», а также к тому, что «утративший корни народ» теперь

⁵ Полный текст беседы Ли Дэн-хуэя с известным журналистом Риотаро Шибэ (Ryotaro Shiba) был опубликован в журнале «Asahi Weekly», май 6–13, 1994 г.

⁶ Эта книга Ши Мина впервые издана в Японии в 1962 г. Многократно переиздавалась.

уже «не ведает об океаническом характере в крови тайваньцев» [Ли Дэн-хуэй 2005: Введение, 1–2].

Эти идейные послы Ли Дэн-хуэя дали сильный внешний толчок к публичной переоценке характера всей этнической истории и политики Тайваня, облегчив появление новых «тайванецентричных» концепций, создаваемых местными историками и этнологами из числа сторонников независимости. Типичной попыткой подвести «научную базу» под политизированную ревизию этнической истории острова явилась «Краткая история Тайваня», написанная сотрудником НИИ истории Тайваня (далее – НИИИТ) Хуан Фу-санем и кратковременно появившаяся в 2005 г. на англоязычном сайте Правительственного информационного бюро Китайской республики [Huang Fu-san 2005; Henderson 2006]. В этом сочинении под броским названием «Краткая история Тайваня – Воробей, ставший Фениксом», развивая тезисы Ши Мина и Ли Дэн-хуэя, Хуан утверждал, что «в политическом плане остров пережил за последние 400 лет времена угнетательского правления 5 иноземных режимов, при которых его жители страдали от множества тягот и трагедий». Эти «иноземные режимы» включали режимы Нидерландов и Испании (1624–1662), клана Чжэн (1661–1883), династии Цин (1683–1895), Японии (1895–1945) и КР (1945 г. – наши дни).

Однако подобные обобщения вызвали ряд серьёзных вопросов. Например, корректно ли говорить о правлении голландцев и испанцев на Тайване как о едином режиме? Если же это были два разных режима, то периодизация Хуана должна включать уже не 5, а 6 «иноземных режимов». Во-вторых, если правление европейцев и японцев было действительно иноземным для

всех обитателей Тайваня, то допустимо ли настаивать, что правление клана Чжэн, династии Цин и Китайской республики было и является «иноземным» для всех тех китайских иммигрантов, которые сами ассоциировали себя с этими режимами? В-третьих, если классифицировать все названные режимы как «иноземные», то означает ли это, что единственным «туземным» режимом должен быть режим аборигенов, кстати, никогда не имевших своего государства и общеполитической системы? Наконец, должны ли тайваньские аборигены считать «иноземцами» всех китайских иммигрантов, когда-либо переселявшихся на Тайвань?

Противоречивость указанной «туземно-иноземной» периодизации подчёркивал тот странный факт, что упомянутая «Краткая история» давала слишком мало сведений о самих аборигенах (всего 1,5 страницы в первой главе). В ней не было, к примеру, описания инцидента 1930 г. в селении Ушэ 霧社 – крупнейшего антияпонского восстания туземцев, безусловно, заслуживающего особого упоминания. Вся история аборигенов сводилась в этой работе к самым общим описаниям, списку аборигенных народностей и мимолётным, не подкреплённым фактами упоминаниям о сложных отношениях туземцев с различными правительствами острова. Все эти противоречия вызвали критику независимых рецензентов (Головачёв, Калдип и др.) и привели к быстрому удалению «Краткой истории» Хуан Фу-сяня с правительственного электронного портала [Kuldip 2005; Головачёв 2012 III].

Основания для критики, особенно активной со стороны учёных КНР, дают и другие политизированные теории тайваньских авторов. К числу таких теорий, заявленных на острове в начале 2000-х гг., относятся

«теория тайваньской нации» 台灣民族論 и её вариации в виде теорий «тайваньской нации по крови» 血緣台灣民族論, «тайваньской нации по культуре» 文化台灣民族論, «политико-экономической тайваньской нации» 政治經濟台灣民族論, «вновь поднимающейся нации» 新興民族, а также «общности по судьбе» 命共同體, «пришествия с юга» 南來論 и других теорий [Ян Ли-сянь 2001]. По мнению авторов «тайванизаторских» теорий, вкупе с «декитаизацией», эти новые теории должны привести к «нормализации» трактовки тайваньской истории [Чэнь И-шэнь 2005].

«Тайванизация» и «декитаизация» истории острова в 2000–2008 гг., выступая как две стороны медали, отразили попытки переформирования и реформативирования имеющихся на Тайване этнических и социальных групп путём корректировки их коллективного сознания. А именно, путём форсированного вывода последнего за рамки традиционного китаецентризма, возрождения локальных культур и подчеркивания их связи с австронезийскими культурами, а также искусственного создания некоей новой надлокальной общности через подтягивание некитайской этнической идентичности к уровню национальной идентичности [Головачёв 2007 III].

Разумеется, изыскания в области этнополитической истории на Тайване в последние десятилетия вовсе не сводятся к сочинению скороспелых конъюнктурных теорий. К примеру, известный тайваньский историк Цао Юн-хэ 曹永和 (1920–2014, академик с 1998) предложил в 1990 г. «ещё один путь» исследований в новой парадигме локальной «истории острова», преодолевающий ограничения «китаецентризма», политической истории, социоцентризма и прочих традицион-

ных исторических подходов. Сообразуясь с подходами французской школы «Анналов», формирующими цельную картину с привлечением истории, географии, социологии и прочих дисциплин, Цао представил историю Тайваня как процесс развития острова, объединившего в своём пространстве людей, общества и культуры разных эпох. Это история полиэтничных коренных народов и пришельцев из-за океана, история местных, региональных и глобальных связей, фокусирующаяся вокруг острова как «географической точки отсчёта», представленная на его собственной арене и выявляющая его более цельный и достоверный облик [Цао Юн-хэ 1978; 1990; 1998][Го Ли-цзюань 2010].

С рубежа 1990-х гг. на Тайване быстро прогрессирует изучение японского колониального периода. Как уже говорилось выше, реализуются масштабные многолетние проекты по переводу на китайский язык японских архивных документов и научных исследований. В частности, в 1990-х гг. успешно завершён перевод архивов японского генерал-губернаторства. Переводятся японские публикации о работе известных японских этнологов, об ассимиляционной политике и т.д. [Ихара 1988; Takeshi 2001][Курихара 2000; 2006][Тории Рюдзо 2016 (1902); Тории Рюдзо 2017 (1902)]

С рубежа 2000-х гг. выходит множество исследований, касающихся личного вклада японских антропологов, деятельности администрации острова и отдельных чиновников, эволюции аборигенной, миграционной, ассимиляционной и военно-мобилизационной политики, использования японцев на Тайване в первые послевоенные годы и т.д. и т.п. В частности, следуя новомодному духу «постколониальных» описаний истории, иные островные учёные, при поддержке пра-

вительственного совета по делам аборигенов, стали представлять борьбу аборигенов в японский период не столько как межэтническое «антияпонское» 抗日 сопротивление (основная трактовка при Гоминьдане), сколько как цивилизационное противостояние с пришлыми чужеземцами 部落與外來者之間的衝突. Интересно, что к внешним факторам, повлиявшим на изменения колониальной (в т.ч. этнической) политики японцев, эти учёные относят и влияние русско-японской войны. Истощённая к 1905 г. казна Японии побудила колониальные власти ускорить перевод острова на самокупаемость. Для этого был активизирован захват прежде недоступных районов обитания аборигенов (так появился «5-летний план упорядочения дикарей» 五年理番計劃). Кроме того, японцы применили против аборигенов в горах Тайваня новую военную тактику, освоенную при штурме высоты 203 в Порт-Артуре [Крупный инцидент 2003: 2–3, 58–59].

Большой вклад в «японские» исследования вносят специалисты по изучению колониальных проблем в Академии Синика, публикующие на Тайване, в Японии, КНР и Южной Корее солидные работы на китайском, японском и корейском языках [Чжун Шу-минь 1999; 2000][У Вэнь-син 2005; Чжань Су-цзюань 2004 и др.].

Развитию новейших научных исследований способствовал приход в 1990–2000-х гг. как минимум двух новых поколений учёных, а также серьёзные организационные и структурные перемены, важнейшей из которых стало создание уже названного выше НИИ истории Тайваня (НИИИТ). Предвестником НИИИТ стал принятый в 1986 г. проект изучения истории острова на базе «Лаборатории полевых исследований по исто-

рии Тайваня» 中研院台灣史田野研究室, куда вошли сотрудники институтов этнологии, языка и истории, новейшей истории и других структур тайваньской Academia Sinica. Цели проекта включали изучение китайской иммиграции, внутриостровных миграций, этнических отношений местного населения и прочие темы.

В 1993 г. был создан учредительный комитет, а открытие НИИИТ произошло 1 июля 2004 г., в разгар первого восьмилетнего правления на острове про-независимой Демократической прогрессивной партии (ДПП, 2000–2008). Появление НИИИТ вызвало крупную перегруппировку сил и передел «сфер влияния» в тайваньской этнологии. В сферу исследований института (групп этнической истории, колониальной истории и др.) вошли проблемы этнической истории Тайваня, тогда как изучение первобытных и современных этносоциальных процессов, отношений и политики остаётся вотчиной институтов этнологии, социологии, истории и филологии, а также других структур в Academia Sinica.

Помимо академических институтов, этноисторические исследования ведутся на базе научных центров при ряде университетов. Первыми такими центрами стали Лаборатория изучения Тайваня и кафедра истории Тайваня, созданные в 1990 г. при историческом факультете Тайваньского государственного университета (ТГУ). В архивах ТГУ хранится много материалов японских времён, документы на «языке синьган»⁷

⁷ «Язык Синьган» – латинизированная письменность. Создана голландскими миссионерами в XVII в. для перевода христианских канонов на язык аборигенов из селения Синьган. Использовалась жителями Тайваня вплоть до 1-й половины XIX века.

и материалы голландского периода. Кроме того, исследователи ТГУ (академик Цао Юн-хэ и др.) перевели на китайский язык многие исторические документы, хранящиеся в Японии, Англии, Нидерландах. При ТГУ также действует Центр изучения аборигенных народностей⁸.

Первый учебный курс по истории аборигенов Тайваня был открыт в 1989 г. при институте этнологии в университете Чжэнчжи [Ван Я-пин 1983: 3]. К 2008 г. проблемы истории и культуры аборигенов изучали в этнологических институтах и факультетах 9 университетов острова, в том числе, в институте антропологии при университете Цыцзи⁹, НИИ австронезийских культур при государственном университете Тайдуна¹⁰ и в других вузах¹¹. В 2003 г. на базе Государственного Центрального университета был создан первый в мире НИИ народности хакка¹². С 1989 г. эти учебные заве-

⁸ Центр изучения аборигенных народностей при Государственном тайваньском университете 國立台灣大學原住民族研究中心: <http://www.cip.ntu.edu.tw/index.htm>

⁹ Институт антропологии при частном университете Цыцзи создан в 1999 г. <http://www.anth.tcu.edu.tw/history.html>

¹⁰ Институт австронезийских исследований. Первый на Тайване научно-образовательный центр междисциплинарных исследований аборигенных австронезийских культур. http://en.ntu.edu.tw/sp.asp?xdURL=./school/school_2-1_departments_department.asp&SchoolID=0030&SchoolAcademyID=373&AcademyDepartmentID=1417&ctNoDe=4371&href_from=&eat_subcategory_str=&mp=0030

¹¹ Список основных научных и образовательных центров на острове, ведущих исследования по истории тайваньских аборигенов, имеется на сайте Центра изучения аборигенных народностей при Государственном тайваньском университете 國立台灣大學原住民族研究中心. См.: <http://www.cis.ntu.edu.tw>

¹² Институт хакка создан при активной помощи администрации президента Чэнь Шуй-бяня. Это первый в мире центр «хаккалогии», занимающийся комплексным изучением этнической культуры хакка и межэтнических связей на Тайване. <http://hakka.ncu.edu.tw> Позднее такие институты появились и в других университетах острова.

дения реализуют озвученную ещё в 1970-х гг. идею подготовки этнологов из числа аборигенов. А с конца 1990-х гг. всё больше аспирантов аборигенных кровей выбирают историю своих племён и родов как темы дипломов и диссертаций.

Все упомянутые вузы имеют научные журналы, публикующие работы по этнологической тематике. При этом самым главным и авторитетным научным журналом, публикующим статьи по этнической политике и истории Тайваня, является журнал «Исследования истории Тайваня» 台灣史研究, издаваемый с 1994 г. под грифом НИИИТ. Все номера журнала с полными текстами статей доступны на сайте НИИИТ¹³.

В целом изучение межэтнических связей на Тайване охватывает 4 основные этнические группы: аборигены (горные и равнинные), *хакка*, *хокло* и «*вайшэн жэнь*» 外省人, 外生人¹⁴. Все эти отношения рассматриваются преимущественно в трёх плоскостях: аборигены 原 vs. китайцы 漢 (*вайшэн жэнь*, *хакка*, *хокло*), *хакка* 客 vs. *хокло* 鶴¹⁵, выходцы местной провинции 本省 (аборигены, *хакка*, *хокло*) vs. внешних провинций 外省. На сегодняшний день взаимодействие *хакка* vs. *хокло* является наименее проявленным, отношения «местных» и «внешних» китайцев – наиболее политически

¹³ В 1994–2007 гг. выходил дважды в год, а с 2007 г. – ежеквартально. К 2009 г. издано 16 томов, 139 статей, 8 книжных рецензий, 17 презентаций источников, 5 сообщений о научной жизни и 4 прочих публикации [Hsueh-Chi Hsu 2008].

¹⁴ Вайшэн жэнь 外省人 – выходцы из разных «внешних провинций» материкового Китая и их потомки, проживающие на Тайване с 1949 г.

¹⁵ Хакка – многомиллионная субэтническая группа этнических китайцев, расселившихся в ходе многовековых миграций на юге Китая, Тайване и во многих странах Юго-Восточной Азии. Хокло – этнические китайцы, выходцы из провинции Фуцзянь.

острым, а отношения аборигенов и китайцев – наиболее традиционным, «репрезентативным» аспектом этносоциальных представлений и исследований на острове [Ши Чжэн-фэн 2002]. Исследования *современных островных учёных* по истории взаимосвязей и состояния вышеперечисленных этнических и субэтнических групп, а также их отношений с другими пришлыми народами и с государством (правившими в XVII–XXI вв. режимами) заслуживают особого историографического разбора, частично представленного ниже в данной главе.

Повышенное внимание к историографическому жанру (выпуск историографических исследований, каталогов, индексов, ежегодных обзоров научных работ и пр., связанное с появлением новых авторов и ростом числа публикаций, расширением тематики и плюрализацией подходов, является одной из важных особенностей современных этноисторических исследований на Тайване [Чжан Лун-чжи 1997; Ретроспективы и перспективы 1994; Hsueh-Chi Hsu 2008]. Ещё одной заметной тенденцией стал выход в 2000-х гг., на основе вновь изданных исторических серий («История аборигенов Тайваня» в 17 тт., «История *хакка* на Тайване» в 5 тт. и др.), ряда специальных работ, анализирующих конкретные аспекты межэтнических связей на Тайване в свете концепций мультикультурализма, теории конфликтов и прочих современных социальных теорий [Ли Жу-пинь 2003; Чжоу Вэй-сюань 2004].

Следует также упомянуть категорию сводных работ, обобщающих закономерности в развитии этнических связей и процессов на Тайване и в мире, а также этапы этнической истории и политики на острове [Ши Чжэн-фэн 1997; 2007 I], эволюцию этнической и националь-

ной идентичности [Сяо Синь-хуан 2002; У Най-дэ 1993] [Ши Чжэн-фэн 1995; 2005] и пр. Многие из этих работ имеют не только и даже не столько академический, сколько прикладной характер, нацеленный на запросы современной островной и международной политики. Но, как бы то ни было, многие ключевые оценки и прогнозы тайваньских этнополитологов опираются именно на тот новый массив источников и исследований, который был наработан на острове за два последних десятилетия.

Одним из результатов обобщения и переосмысления накопленных материалов стал выход в последние годы серии новых или обновлённых версий учебных пособий по истории Тайваня, в которых этническая история и политика служат чётким индикатором личных позиций их авторов [Сюэ Хуа-юань 1999–2006; Чэнь Хун-ту 2007]¹⁶.

Таким образом, особенностью периода с конца 1980-х гг. до наших дней стал бурный расцвет «истории Тайваня» как особой сферы научных исследований на острове, уже не подчинённой и не периферийной в отношении истории Китая. Для этих исследований типично признание сосуществующих альтернативных подходов к истории, несводимых к построениям «единственно верных» официальных моделей «однолинейного» или однополярного исторического развития под доминирующим влиянием господствующих этносов. Вместо этого современные тайваньские учёные фокусируются

¹⁶ «История освоения Тайваня» (Сюэ Хуа-юань) – это научно-популярная работа. «История Тайваня» (Чэнь Хун-ту) – учебное пособие по истории Тайваня для студентов неисторических специальностей. При описании истории Тайваня после 1945 г. автор использует только западное летоисчисление, намеренно опустив официально принятое на острове летоисчисление по годам правления КР.

на изучении маргинальных этносоциальных групп, отдельных регионов, социальных связей и горизонтов, в прошлом недооценивавшихся или вовсе игнорировавшихся официальной историографией. Все эти тенденции отражают уникальный дуализм «гоминьдановского» (Тайвань – часть Китая) и «постколониального» (Тайвань – особый субъект истории) научных подходов, сложившийся в новую эру «тайванизируемой» истории. Как признают сами островные учёные, соперничество, диалог и взаимное обогащение двух названных подходов составляют один из самых важных аспектов интеллектуального ландшафта в современной тайваньской историографии, от которого во многом зависит и её будущее развитие [Chang Lung-chih 2008: 151].

Рост внимания учёных к этнической истории и политике как ключевым факторам тайваньской истории связан не только с внутренним развитием острова, но и с меняющимися реалиями в отношениях двух сторон Тайваньского пролива и геополитике всей Восточной Азии и АТР. Порождённые этими реалиями различия во взглядах учёных из разных стран служат дополнительным стимулом для повышения уровня этноисторических исследований на острове. Решение последней задачи ведётся за счёт дальнейшей интернационализации, активного синтеза научных дисциплин («историзация этнологии» и «этнологизация истории», синтез истории/социологии/политологии и пр.), а также за счёт всё более осознанного, более объективного поиска новых теоретических и практических научных подходов [Chang Lung-chih 2008: 151–152], уравнивающих былые крайности «колониальных» и «постколониальных», «китаизаторских» и «декитаизаторских» трактовок тайваньской истории.

4.3. Исследования тайваньских учёных по аборигенной истории и этнической политике (середина 1980-х – 2010 г.)

В данном разделе представлены общие сведения об изучении аборигенной истории и этнической политики в трудах тайваньских учёных в период с середины 1980-х гг. до 2008–2010 гг., рассмотрены проблемы и перспективы «аборигенных исследований». За последние десятилетия эти исследования переместились с далёкой научной периферии в фокус внимания островных учёных и оказывают самое непосредственное, живое влияние на современные общественно-политические процессы на Тайване.

Общие подходы к изучению аборигенной истории и политики

Изучение истории островных аборигенов в тайваньской науке в период с середины 1980-х гг. связано со многими важными переменами, проблемами и достижениями, позволяющими рассматривать этот период как особый этап, постепенно превращающийся в отдельный предмет исследования для историографических исследований.

Современные «аборигенные исследования» на Тайване охватывают изучение живущих в разных частях острова горцев *гаошань* 高山人, а также «равнинные народности» *пинпу* 平埔族¹⁷. Изданный в 2004 г. «Общий каталог тайваньских исследований»

¹⁷ Принятые в 1997 г. Дополнительные статьи Конституции Китайской Республики (ст. 1, 4) выделяют «аборигенов равнинных и горных районов свободной территории», т.е. Тайваня.

台灣研究總書目 содержит около тысячи названий работ по тайваньским аборигенам. Число изданий по этой теме стало заметно расти с 1980-х гг., с началом процесса «тайванизации» и движения за права аборигенов. При этом всё большее место в исследованиях занимает история, а сами историки изначально играли важную роль в изучении аборигенов¹⁸.

Важной вехой в развитии «аборигенных исследований» на острове стал опубликованный в 1983 г. доклад «Оценка и исследование административной политики в горных районах Тайваня» [Ли И-юань и др. 1983]. Этот доклад, обобщивший итоги многолетнего исследовательского проекта под руководством академика Ли И-юаня, вызвал новый прилив научного и общественного внимания к изучению аборигенов, оказал большое влияние на пути и методы официальной «аборигенной политики», пробудил активный интерес самих аборигенов и стимулировал расцвет развернувшегося «аборигенного движения» в последующие десятилетия [Хуан Шу-минь, Чжан Ин-хуа 2010: 15].

В итоге в 1990-х гг. на острове созрели условия для перехода от разовых проектов и разрозненных исследований к регулярной реализации новых масштабных проектов с участием многих ведущих учёных. В 1994 г. Комитет по архивным документам провинции Тайвань 台灣省文獻會 запланировал написание и издание серии монографий по истории аборигенов Тайваня. В 1998–2007 гг. вышло 17 томов этой серии, с особыми томами по 10 из 14 официально признанных к 2008 г. народ-

¹⁸ К 2005 г. исследования по этнической истории вели 7–8 из 20 научных сотрудников НИИ истории Тайваня при Academia Sinica. Почти все они, в силу характера письменных источников, занимались преимущественно изучением пинпу [Ван Я-пин 2006: 1–2].

ностей¹⁹. Один том посвящён первобытному периоду, а 3 тома по разделу «Политика» освещают историю правления голландцев/испанцев (1624–1661), минского клана Чжэн (1661–1883), династии Цин (1683–1895) и колониальной Японии (1895–1945).

1. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>бинань</i> . Т. 1,
1998 台灣原住民史-卑南族史篇	Сун Лун-шэн
宋龍生
2. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>ями</i> . Т. 2,
1998 台灣原住民史-雅美族史篇	Сюй Гуан-хун,
Дун Сэнь-юнь
余光弘, 董森永
3. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>сайсьят</i> . Т. 3,
2005 台灣原住民史-賽夏族史篇	Линь Сю-чэ
林修澈
4. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>рукай</i> . Т. 4,
2000 台灣原住民史-魯凱族史篇	Цяо Цзун-минь
喬宗德
5. История аборигенов Тайваня.
Языки.
Т. 5, 2000 台灣原住民史-語言篇	Ли Жэнь-гуй
李壬癸
6. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>шао</i> . Т. 6,
2000 台灣原住民史-邵族史篇	Дэн Сян-ян,
Сюй Му-чжу
鄧相揚, 許木柱
7. История аборигенов Тайваня.
История народности <i>цзоу</i> . Т. 7,
2001 台灣原住民史-鄒族篇	Ван Сун-шань
и др.
王嵩山等

¹⁹ Девять народностей, официально признанных в японский период (1895–1945): *амэй*, *атайял*, *бинань*, *бунун*, *пайвань*, *пуюма*, *рукай*, *цоу*, *ями*. В 2000–2008 гг. признаны народности *шао* (2001), *кавалан* (2002), *труку* (2004), *сакидзайя* (2007), *сайдэк* (2008). *Хлапуа* и *канаканау* признаны 15-й и 16-й народностями 24 июня 2014 г.

8. История аборигенов Тайваня.
История урбанизированных аборигенов. Т. 8, 2001 台灣原住民史-都市原住民史篇
Цай Мин-чжэ и др.
蔡明哲等
9. История аборигенов Тайваня.
История народности *пайвань*. Т. 9, 2001 台灣原住民史-排灣族史篇
Тун Чунь-фа
童春發
10. История аборигенов Тайваня.
История народностей *пинпу* в северной части. Т. 10, 2001 臺灣原住民史-北部平埔族史篇 (精)
Чжань Су-цзюань,
Чжан Су-фэнь
詹素娟, 張素玠
11. История аборигенов Тайваня.
История народностей *пинпу* в центральной части. Т. 11, 2001 台灣原住民史-中部平埔族史篇
Лян Чжи-хуэй,
Чжун Ю-лань
梁志暉, 鍾幼蘭
12. История аборигенов Тайваня.
Политика, Ч. 3. Т. 12, 2001 台灣原住民史-政策篇 (3)
Фуцзиэ Шицзюэ
藤井志津枝
13. История аборигенов Тайваня.
Первобытная история. Т. 13, 2002 台灣原住民史-史前篇
Ши Лэй
石磊
14. История аборигенов Тайваня.
История народности *атайял*. Т. 14, 2002 台灣原住民史-泰雅族史篇
Сюй Гуан-хун и др.
余光弘等
15. История аборигенов Тайваня.
История народности *бунун*. Т. 15, 2002 台灣原住民史-布農族史篇
Е Цзя-нин
葉家寧

16. История аборигенов Тайваня. Кан Пэй-дэ
Политика. Ч. 1. Период Голландии, 康培德
Испании и минского дома Чжэн.
Т. 16, 2005 台灣原住民史: 政策篇
(1)荷西明鄭時期
17. История аборигенов Тайваня. Вэнь Чжэнь-
Политика. Ч. 2. Период правления хуа, сост.
Цин. 溫振華編著
Т. 17, 2007 台灣原住民史: 政策篇
(2)清治時期

Наряду с выпуском названной серии активизировалось и составление истории аборигенов на локальном уровне, которое велось как минимум в четырёх уездах острова: Гаосюн, Илань, Наньтоу, Тайдун. К примеру, в 16-томной истории уезда Тайдун аборигенам посвящены 7 томов, включая отдельные тома по народностям *бунун*, *амэй*, *ями*, *пайвань* и *рукай* [Ван Я-пин 2006: 13-14].

В трактовках статуса (места) и содержания аборигенной истории тоже произошли глубокие изменения. Вплоть до середины 1980-х гг. прошлое аборигенов рассматривалось тайваньскими учёными безальтернативно, в русле официальной китаецентричной модели истории, с позиций освоения острова китайцами и аккультурационной политики властей (читай – китаизации). История аборигенов была побочной темой для островной науки, а история почти бесследно ассимилированных народностей *пинпу* занимала в ней ещё менее значимое место. Но, как уже говорилось, этот подход стал резко изменяться с ростом внимания островной общественности к социальной роли

аборигенов. В глазах историков, что видно даже по названиям публикаций отдельных авторов, аборигены постепенно превращались из пассивного объекта воздействия и ассимиляции со стороны китайцев в субъект-объект, а затем и в активный субъект, оказывавший своё влияние на всех прочих участников локальных межэтнических отношений [Ван Я-пин 2006: 2–4; Лю Би-дэ 2010]. К примеру, Кэ Чжи-мин наглядно доказал, что в эпоху Цин «окультуренные дикари» *шу фань* (они же – *пинпу*) подвергались не только эксплуатации, но и защите со стороны властей, как важные плательщики ренты и налогов. При этом они были одним из ключевых агентов в политике «сдерживания китайцев с помощью дикарей и сдерживания неокulturенных (дикарей) с помощью окulturенных» 以番制漢, 以熟制生, проводившейся властями острова в рамках местной «трехслойной этнической системы» [Кэ Чжи-мин 2001].

Плюрализации и смене научных подходов/оценок исторической роли коренных формозцев способствует и подключение учёных из числа аборигенов. Так, историю этнических связей, политики «упорядочения дикарей» в японский период и миграций народности *амэй* изучает представительница *амэй*, доцент Линь Су-чжэнь из университета Дунхуа²⁰. Соавтором тома 2 «История аборигенов Тайваня. История народности *ями*» (1998) стал Дун Сэнь-линь, вождь и христианский пастор одного из племён *ями* на острове Орхидей (Ланьйюй). Работы этих и других авторов аборигенных кровей отражают по-своему уникальный внутренний взгляд на историю, перспективы развития, миро-

²⁰ Личный сайт Линь Су-чжэнь: <https://sites.google.com/site/k3887103>

восприятие и культуру их этносов, отличающийся не только от былых китаеццентричных, но порой и от «тайванеццентричных» подходов [Валис Югань 1993; Ицзян Болуэр 1994]. К примеру, в беседе с В.Ц. Головачёвым на острове Орхидей весной 2008 г. Дун Сэнь-линь неоднократно использовал речевой оборот «тайваньцы – они...», а затем, в ответ на уточняющий вопрос, прямо заявил, что не причисляет *ями* к «тайваньцам», а эндоэтнонимом у его народности служит слово *дау* 達悟 (человек, люди).

Для таких учёных аборигенная тематика, в т.ч. их малая родина, родной язык, культура и мировоззрение, служат отправной точкой этноисторических исследований, а сами аборигены – не столько объектом, сколько субъектом этнической истории и политики. При этом китаеццентричные модели истории являются для них лишь фактом прошлого, историографическим анахронизмом.

В годы правления пронеэзависимой Демократической прогрессивной партии (2000–2008), всемерно подчёркивавшей австронезийские корни тайваньцев, при поддержке правительственного Совета по делам аборигенов было развёрнуто «Новое племенное движение аборигенов: вызов 2008» 挑戰2008的原住民新部落運動, призывавшее последних обращаться к поискам племенных корней или писать историю своих родов и племён. В целом с конца 1990-х гг. к исследованиям в духе «своя народность пишет свою историю» 我族寫我史 подключились около тридцати учёных, представляющих почти все коренные народности острова [Чжань Су-цзюань 2011: 5].

После 2008 г. под эгидой Тайваньского государственного университета на острове ведутся мас-

штабные «межвузовские» исследования по исторической локализации аборигенных общин. Исконные границы обитания коренных жителей и их соседей, а также сопутствующие сведения, установленные документально и путём перекрёстных устных опросов, наносятся на электронную карту. Таким способом постепенно создаётся единая виртуальная картина расселения аборигенов по всему острову в разные периоды истории, которая в определённом смысле отражает и общие интеграционные тенденции в изучении аборигенной истории местными учёными. Тенденция к интеграции аборигенных исследований проявилась и в плане методологии, примером чему служат призывы директора НИИ этнологии Хуан Ин-гуя к «всесторонней историзации антропологии» и «антропологизации истории» [Ван Я-пин 2006: 6][Хуан Ин-гуй 2002; 2003].

Особого упоминания заслуживает развернувшееся с начала 1990-х гг. движение за «исправление имён аборигенов», подразумевающее смену или корректировку общего названия (с 1994 г. термин «горные соотечественники» *шаньбао* 山胞 заменён в Конституции Китайской республики на «коренные народы» *юаньчжуминь* 原住民), названий отдельных народностей и замену личных китайских имён аборигенов на традиционные имена. Это движение, нацеленное на восстановление статуса, прав и идентичности коренных народов, было официально поддержано в 2000–2008 гг. как часть политики «тайванизации» и «декитаизации» современных тайваньцев. Исследования истоков, целей, перипетий и перспектив этого непростого явления также активно ведутся в тайваньской науке с начала 2000-х гг. [Ицзян Болуэр 2005]

Изучение истории «пинпу»

На волне общего «аборигенного ренессанса» свои культурные традиции и историческую память пытаются возродить не только туземные горцы, но и (всё более заметно) потомки равнинных *пинпу*, изучение которых занимает особое место в этнических исследованиях на Тайване. Хотя племена и народности *пинпу* давно ассимилированы китайцами, именно они были первыми туземцами, вступавшими в многовековые тесные контакты с заморскими иммигрантами и колонизаторами (китайцами, европейцами, японцами и др.). В ходе этих контактов сложился мощный пласт разноязычных письменных источников, позволяющих довольно полно и достоверно реконструировать историю и культуру *пинпу* на протяжении почти 400 лет, с начала XVII в. А собранные и уцелевшие за эти века лингвистические данные позволяют отследить связи и миграции данных народностей на протяжении тысячелетий [Пань Ин-хай 1994: 167].

Помимо китайских источников, наиболее ранние, систематичные и крайне ценные известия о *пинпу* представлены в европейских колониальных документах XVII в. Немало новых сведений о *пинпу* на западных языках появилось после 1860 г., когда Китаю пришлось открыть остров, как и другие свои порты, для въезда иностранцев. Сбор этих сведений западными учёными резко активизировался после японской карательной экспедиции против формозских аборигенов в 1874 г., а также японо-китайской войны 1894–1895 гг., после которой Тайвань стал колонией Японии. С конца XIX в. изучение *пинпу* на самом острове вели несколько поколений учёных. Фактографические и методологические

основы научных исследований заложили в 1895–1945 гг. японские этнологи Ино Канори, Огава Наойоси, Уцусикава Нэнтодзо, Кокубу Наоичи, Канасеки Такео (1897–1983), Кано Тадао и др. В 1950–1960-х гг. их работу продолжили тайваньские этнологи: Ли И-юань 李亦園 [Ли И-юань 1955 I; 1955 II; 1955 III], Ли Чунь-шэн 李純聲, Вэй Хуэй-линь 衛惠林, Лю Бинь-сюнь 劉斌雄, Сун Вэнь-сюнь 宋文薰 и др., внёсшие свой немалый вклад в изучение *пинпу*. С середины 1960-х гг. до середины 1980-х гг. в изучении *пинпу* возник долгий застой. Немногие выходившие в те годы статьи затрагивали в основном традиционную тему китаизации *пинпу* [Се Цзи-чан 1979]. Конец застоя наступил лишь с приходом третьего поколения островных учёных, которые и сегодня играют ведущую роль в «пинпуведении» Тайваня (Ли Жэнь-гуй 李壬癸, Пань Ин-хай 潘英海, Чжань Су-цзюань 詹素娟, Ши Тянь-фу 施添福, Кэ Чжи-мин 柯志明, Хун Ли-юань 洪麗完, Линь Цин-цай 林清才 и др.) [Пань Ин-хай 1994: 169–170]. Наконец, с рубежа 2000-х гг. на Тайване выходит на сцену четвёртое поколение учёных, в том числе тех, кто причисляет себя к потомкам *пинпу*.

Как и изучение аборигенов в целом до середины 1980-х гг. изучение *пинпу* оставалось на периферии внимания тайваньских учёных. Но после зарождения на острове «аборигенного движения», отмены в 1987 г. «Закона о военном положении» и снятия негласных табу на глубокое изучение истории Тайваня, тема *пинпу* начала быстро превращаться в предмет особого внимания, утрачивая подчинённость изучению и ханьцев, и горных аборигенов. Свидетельством этого стали публикации тех лет, оценивавшие трудности и значимость изучения *пинпу*, потенциал западных и китайских

источников, а также итоги прошлых исследований [Пань Ин-хай 1987 I; 1987 II; 1988][Чжань Су-цзюань 1987].

В 1988 г. на острове вышел первый полный «Каталог исследований по *пинпу*» [Чжан Ин-хай и др. 1988]. С 1992 г. Пань Ин-хай и его коллеги вели «рабочие встречи по изучению *пинпу*, а в 1994 г. провели первую конференцию «Изучение народностей *пинпу*», обобщившую итоги и будущее местных исследований. Конференция подтвердила важность изучения *пинпу*, наметила стратегию исследований, малоизученные темы и районы острова, отметила ценность коллективных междисциплинарных изысканий при сохранении различий в подходах и выводах отдельных учёных [Пань Ин-хай 1994: 166–170]. Пути грядущих исследований обсуждались на конференции «Народности *пинпу* и исторические культуры Тайваня» (1998), на 1-м международном форуме «Народности *пинпу* и общество Тайваня» (2000), а также на других форумах²¹, в специальных сборниках статей [Чжан Янь-сянь и др. 1993; Пань, Чжань 1995; Чжан Лун-чжи 1997; Чжань Су-цзюань, Пань Ин-хай 2001] и в монографиях [Хун Ли-вань 1997].

Как видно из публикаций 1980–2010-х гг., за всё это время тайваньские историки не только обобщили

²¹ 1) Н.к. «Исследования народностей *пинпу*». “平埔族群研究”學術研討會 (1994.4.16–17); 2) Н.к. «Народности *пинпу* и исторические культуры Тайваня». “平埔族群與臺灣歷史文化”學術研討會 (1998.5.16–17); 3) М.н.к. «Народности *пинпу* и тайваньское общество». “平埔族群與臺灣社會”國際學術研討會 (2000.10.23–25); 4) М.н.к. «Государство и аборигены: исследования по этнической истории АТР». “國家與原住民: 亞太地區族群歷史研究”國際學術研討會 (2005.11.24–25); 5) 1-я н. к. «Этносы, история и региональные общества» 第一屆“族群, 歷史與地域社會”學術研討會 (2007.12.20–21); 6) 2-я н.к. «Этносы, история и региональные общества» 第二屆“族群, 歷史與地域社會”學術研討會 (2009.11.12–13).

уже имеющиеся архивные материалы [Лю Цзэ-минь, и др. 2001], но также солидно умножили и преобразили научные знания о *пинпу*. Они показали, что термин «*пинпу*» столь же условен, как и термин «*гаошань*» (горцы), долгое время служивший искусственно навязанным экзоэтнонимом для всех горных аборигенов. На самом деле *пинпу* из разных районов острова были весьма разнородными, полиэтничными и поликультурными общностями.

Новейшие изыскания позволили также пересмотреть упрощённые представления о гомогенности и матриархальности социальной системы *пинпу*, о полной ассимиляции (китаизации), о локализации исконного «центра» *пинпу* на юге острова и прочие стереотипы. [Ли Жэнь-гуй 1991; Хун Ли-вань 2002]

В последние три десятилетия наметился отход от описания истории аборигенных групп с сугубо «китаец-центричных» позиций. Уходят в прошлое теории «пионерского освоения» острова и «оцивилизовывания» его коренных жителей китайцами, равно как и концепций «вторжения внешних сил» 外力入侵, антагонизмов между «приоритетными этносами» 優勢族群 и «слабыми этносами» 弱勢族群 и пр. Появляются статьи, представляющие «некитаизационную трактовку» 非漢化論 развития общественной жизни аборигенов и их отношений с китайцами, «забытую историю» местных «князей», общин (селение Алишэ и др.) и этносов (народность *бацзай* и др.), идентификацию и идентичность *пинпу* [Хуан Ин-гуй 1992; Вэн Цзя-инь 1992; Чжан Лун-чжи 1997: 266-267; Хун Ли-вань 1996; Ши Чжэн-фэн 2003; Чжан Яо-ци 2003; Чжань Су-цзюань 2005].

Усилиями тайваньских учёных изучение *пинпу* обрело в последние 30 лет достойное место в мест-

ных научных исследованиях, а прошлое и настоящее этих народностей признано важнейшей частью этнической истории и культуры Тайваня. Активно используя китайские, японские и, во всё большей мере, европейские (голландские, испанские и пр.) письменные источники, учёные острова убедительно показали, что народности *пинпу*, занимавшие пограничное положение между разными иммигрантами и горными аборигенами, вовсе не являлись простыми пассивными жертвами иноэтничных экспансий и ассимиляционной политики. Напротив, благодаря своему уникальному общественному положению они веками играли ключевую посредническую роль в системе многосторонних межэтнических связей, оказывая активное влияние на всех её участников (в т. ч. китайцев), на политику властей и на формирование в пределах острова многополярной «синтезированной культуры». Осмысление этой особой культуры в контексте неоднородного развития полиэтничного социума открыло невиданные горизонты в области истории Тайваня и составило в 1980–2010-х гг. новую концептуальную основу для изучения островными учёными не только «забытой истории» *пинпу*, но и всех прочих контактировавших с ними этнических групп [Чжан Лун-чжи 1997: 269–272].

Проблемы и перспективы изучения аборигенной истории Тайваня

На фоне впечатляющих успехов выявляется и немало проблем, связанных с издержками быстрого развития исследований по аборигенной истории и разнообразием в подходах тайваньских учёных к её освещению. Типичным примером служит упомянутая «История аборигенной истории Тайваня» [Чжан Лун-чжи 1997: 269–272].

ригенов Тайваня». Пестрый состав авторов, различия в их специальной подготовке, научных взглядах и подходах, региональные особенности и различная степень доступности источников, сжатые сроки и отсутствие опыта реализации подобных проектов, сложности общения учёных с аборигенами и друг с другом, а также противоречивые политические влияния, – всё это привело к значительной неоднородности текстов, вызвавшей критику самих учёных. В целом как отмечает Ван Я-пин, многие тома серии не вполне отвечают заявленному жанру. Истории отдельных народностей, написанием которых в ряде случаев ведали этнографы, археологи или филологи, освещены либо однобоко и неполно, либо тематически, с упором на археологию и этнографию, без исторической перспективы. В частности, неудача с привлечением к сотрудничеству части жителей острова Орхидей привела к тому, что опубликованная история народности *ями* охватила в основном лишь две деревни (Рыболовов и Красноголовых) и историю рода самого Дун Сэнь-линя, одного из соавторов тома. А в 16-томной истории уезда Тайдун особый том по *ями* написан женщиной-археологом, в результате чего, как отмечает Ван Я-пин, неживые предметы затмили самих людей [Ван Я-пин 2006: 11–14]. При этом попытки удревить историю заселения острова за счёт привлечения археологических источников порождают вопросы о связях его древнейших первобытных обитателей с современными коренными народностями и о корректности попыток их прямого отождествления.

Хотя привлечение аборигенов к локальным историческим исследованиям в последние десятилетия активизируется, возможности их участия в написании своих «этноцентричных» историй всё ещё сильно

ограничены нехваткой кадров, знания научных теорий, методик и иноязычных источников. При этом, судя по примеру с «историей *ями*», даже соавторство отдельных авторов-аборигенов ещё не гарантирует цельной подачи их собственной истории. А в случае с *шао* 邵, официально признанными в 2001 г. десятой аборигенной народностью острова, даже самим учёным ещё не вполне ясны её связи с соседними горными аборигенами и *пинпу* [Ван Я-пин 2006: 12].

Официальное признание сразу пяти новых народностей, принятие в 2005 г. Закона об аборигенах²² и ряд других мер, предпринятых в годы правления ДПП (2000–2008), стали новым стимулом для активизации аборигенных исследований, для более полного и адекватного воссоздания этнической истории острова. В то же время темпы и способы реализации указанных мер породили у многих учёных и публики сомнения в научной объективности и достаточности избранных для этого критериев, а также небеспочвенные подозрения в политических заигрываниях с аборигенами и манипуляциях со стороны правившей партии. Скороспелость подобной политики подтверждают попытки повторного самоопределения (смены официальной принадлежности) отдельных групп из числа вновь признанных народностей.

Таким образом, сегодня главной проблемой в отношении аборигенной истории на Тайване является уже не значимость этой истории вообще или признание различий в подходах к ней, а вопрос о том, как преобразовать имеющееся количество в качество, углу-

²² Основной закон об аборигенах, принятый в 2005 г., требует от правительства острова защиты статуса аборигенов и работы в направлении предоставления им автономии.

бить её изучение и сделать её адекватной, органичной частью общей истории Тайваня [Ван Я-пин 2006: 16–18; Се Ши-чжун 2004]. Основой для этого должны послужить дальнейшее изучение архивов, перевод иноязычных письменных источников, ведение полевых исследований и привлечение новых археологических источников, подготовка молодых учёных, улучшение профессиональной коммуникации островных учёных, расширение связей с мировой наукой, поиск новых неполитизированных теорий и подходов.

Как показывают ежегодные историографические обзоры исследований по истории Тайваня, в последние годы на острове наметился резкий рост числа научных публикаций по аборигенной истории (2007 – 17, 2008 – 18, 2009 – 48, 2010 – 31), большая часть которых (около 1/3) посвящены правлению Цин (1683–1895) и Японии (1895–1945) [Чжань Су-цзюань 2011: 1]. При этом предметами внимания тайваньских историков по-прежнему остаются в основном локальные этнические группы, локальные миграции и межэтнические связи [См. например: Цзянь Цзюнь-жэнь 2010][Кан Пэй-дэ 2010 I; 2010 II и т.д.].

Что касается этнической политики, то продолжающийся уже более четверти века рост «аборигенного движения» и «аборигенный ренессанс», а также растущее влияние этих процессов на современную общественно-политическую жизнь Тайваня стимулируют всё более активное изучение местными учёными как исторической роли государства в жизни аборигенов (расселение и миграции, определение и самоопределение, покорение и признание, установление и регулирование статуса коренных народов, и пр.) [Фуцзиэ 2003; Ван Мин-хуэй 2003; Chang Lung-chih 2008 II;

Хун Ли-вань 2009; Хуан Шу-минь, Чжан Ин-хуа 2010], так и роли-участия аборигенов в государственном управлении и политической жизни острова [Хайшуэр Бацылафэй 2010]. Очередным крупным событием в этом плане стало издание в 2010 г. уже цитировавшегося выше сборника статей «Метаморфозы государственной политики и социального развития аборигенов на Тайване». В этом сборнике 15 авторов и участников одноимённого научного проекта всесторонне рассмотрели местную политику и социальное развитие аборигенов за последние четверть века в перспективе глобализации, мультикультурализма и устойчивого развития [Метафорозы 2010: 15–17].

Борьба аборигенов за расширение автономии на местах и представительства в центральных органах власти, требования возврата исконных земель и уравнения в правах с другими этническими группами, социальная роль женщин-аборигенок, возрождение аборигенной культуры [Цзянь Вэнь-минь 2010] и воссоздание истории, – все эти актуальные для современного Тайваня общественные проблемы и вызовы неразделимы с этнической историей и политикой. Поиск адекватных, демократичных и своевременных ответов на эти и многие другие проблемы и вызовы всё больше зависит от компетентности и объективности самих островных учёных.

4.4. Изучение этнических китайцев (хакка, хокло, вайшэн жэнь)

Наряду с «ренессансом» в исследованиях аборигенов, тайваньская наука продолжает успешное изуче-

ние истории местных субэтнических групп китайского населения: *хакка*, *хокло* (потомки давних переселенцев из провинций Фуцзянь и Гуандун) и так называемых *вайшэн жэнь* (уроженцев материкового Китая, переселившихся на остров после 1949 г., и их потомков).

Как известно, слово *хакка* (*кэцзя* 客家) означает «гости» или «пришельцы». В отличие от прочих китайцев *хакка* не бинтовали ноги женщинам и говорили на своём диалекте, созвучном и кантонскому (гуандунскому), и пекинскому диалекту. Гуандунские *хакка* были ветвью северных китайцев, мигрировавших в Южный Китай из долины р. Хуанхэ в конце династии Южная Сун, павшей в 1270-х гг. под ударами монголов. К XIII в. *хакка* осели на юге в Гуандуне, но так и не ассимилировались, а местное население относилось к ним как к низшему люду. Малозаселённый, относительно безопасный и поначалу «бесхозный» Тайвань был очень привлекателен, поэтому за первые сто лет эмиграции на остров перекочевала едва ли не треть *хакка* из Гуандуна. На Тайване они быстро наладили связи с аборигенами и стали незаменимыми посредниками между аборигенами и прочими пришельцами [Davidson 1903 I: 8].

Фуцзяньские *хокло* 福佬 составляли наибольшую субэтническую группу среди китайских переселенцев на Тайвань. По наречиям и месту проживания в пр. Фуцзянь они делились на 4 группы: Аньци, Дунъань, Саньи (3 района в округе Цюаньчжоу) и выходцы из округа Чжанчжоу. *Хокло* говорили на южнофуцзяньском (амойском) диалекте, близком к диалектам 10 млн. зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии. Но переселенцы *хакка* и *хокло* почти не понимали друг друга, а их обычаи имели немало явных отли-

чий. Появившись на острове, *хокло* стали вытеснять более ранних мигрантов *хакка* из плодородных прибрежных земель в предгорные районы. Всё это было причиной многих раздоров между двумя основными группами китайских мигрантов, нередко перераставших в кровавые стычки.

Подобно аборигенной тематике, изучение *хакка* переживает с конца 1980-х гг. небывалый расцвет. Первоочередной задачей в исследованиях этого периода стало переосмысление места *хакка* в истории и современном социальном развитии Тайваня, их непростых отношений с прочими этническими и субэтническими группами на острове. Решению этой задачи посвящена целая серия работ тайваньских учёных, среди которых немало представителей народности *хакка*, составляющей около 15% от всего населения острова [Чэнь Юнь-дун 1989; Хуан Жун-ло 1991; Инь Чжан-и 1991; Чжун Чжао-чжэн 1991; Лян Жун-мао 1993; Пэн Жуй-цзинь][Ян Чан-чжэнь 1991; 1993; 1994][Ли цяо 1994; Сяо Синь-хуан, Сюй Чжэн-гуан 1995; Ши Тянь-фу 1998]. В связи с этим в 1992 г. в Тайбэе были переизданы две важные работы по историографии *хакка*, написанные ещё в 1933 г. и 1965 г. китайским историком Ло Сян-линем [Ло Сян-линь 1992 I; 1992 II].

В начале 2000-х гг., после многих лет подготовки, началась публикация серии «Этническая история *хакка* на Тайване», задуманной под влиянием проекта «История аборигенов Тайваня» [Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин 1998; Лю Хуань-э и др. 2000]. В 2000–2003 гг. вышли 7 томов этой серии, в том числе о социуме, обычаях, языке, культуре, экономике, и 7-й общий том по истории *хакка*. см. *Таблицу*:

Таблица

№ тома	Авторы и названия томов серии «Этническая история хакка на Тайване»	Выходные данные (китайский)
1	Ло Чжао-цзинь. Этническая история хакка на Тайване: язык	羅肇錦. 台灣客家族群史: 語言篇 南天書局 2000
2	Чжан Вэй-ань и др. Этническая история хакка на Тайване: производство, экономика	張維安等. 台灣客家族群史: 產經篇 南天書局 2000
3	Лю Хуань-юэ. Этническая история хакка на Тайване: переселенческое земледелие	劉還月作. 台灣客家族群史: 移墾篇(2冊) 南天書局 2001
4	Лю Хуань-юэ. Этническая история хакка на Тайване: обычаи	劉還月作. 台灣客家族群史: 民俗篇 南天書局 2001
5	Лю Хуань-юэ и др. Этническая история хакка на Тайване: общество	徐正光等. 台灣客家族群史: 社會篇 南天書局 2002
6	Лян Жун-мао и др. Этническая история хакка на Тайване: наука, искусство	梁榮茂等. 臺灣客家族群史 – 學藝篇 南天書局 2003
7	Чжун Чжао-чжэн. Этническая история хакка на Тайване: обобщение	鍾肇政. 臺灣客家族群史 – 總論 南天書局 2003

Собранные в этой серии материалы позволили тайваньским учёным выпустить в последующие годы ряд важных обобщающих работ по этнической политике

в истории и современной жизни хакка, историографии исследований, а также по истории «движения хакка на Тайване» в условиях полиэтничного окружения, их отношениям с *миньнань* (*хокло*) и т.д. [Ши Чжэн-фэн 2004; 2007 II][Сюй Чжэн-гуан 2007; Чжан Вэй-ань, Сюй Чжэн-гуан 2008; Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин 2001].

Потомки давних китайских переселенцев из провинций Фуцзянь и Гуандун (*миньнань*, *хокло*, *бэньшэн жэнь*), обитающие на Тайване около 400 лет, являются численно наибольшей из 4-х местных субэтнических групп (73,3% населения острова). Изучение культуры и истории этой группы этнических китайцев началось ещё в японские времена. В республиканский период (после 1945 г.) эта неоднородная субэтническая группа, наряду с *хакка*, изучалась преимущественно в русле общей официальной концепции истории Тайваня как «истории освоения» острова китайскими иммигрантами и имперскими властями [Инь Чжан-и 1989].

Как отдельная субэтническая группа *хокло*, в основном по причинам политического характера, долгое время не удостоивались особого внимания тайваньских этнологов и историков. Даже в 1990–2000-х гг., несмотря на переход из прежде ущемлённого в равный с *вайшэн жэнь* и даже неофициально доминирующий статус, эта группа изучалась менее активно, чем аборигены, *хакка* и *вайшэн жэнь*.

Поскольку большинство миньнаньцев были выходцами из областей Чжанчжоу и Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь, а также из Чаочжоу в Гуандуне, многие работы тайваньских историков посвящены многовековым конкуренции/сотрудничеству между этими кланово-земляческими общинами, а также не менее запутанным отношениям миньнаньцев с *хакка*, тоже

иммигрировавшими на остров из Гуандуна и Фуцзяни [Линь Мэй-жун 1990; Чжан Сю-мэй 2003; Ши Тянь-фу 1998].

Особое место в новейшей этнополитической истории Тайваня занимают отношения так называемых *бэньшэн жэнь* (т.е. «людей местной провинции» Тайвань) с *вайшэн жэнь* (т.е. «людьми внешних провинций»), прибывшими на остров с 1949 г. по 1956 г. Последние не воспринимались и, соответственно, почти не изучались на острове в качестве особой «этнической группы» вплоть до 1980-х гг. С 1990-х гг. они часто упоминаются в официальных и неофициальных дискурсах как одна из «четырёх главных этнических групп» на острове [Dominic Yang, Mau-Kuei Chang 2003: 72]. В эти годы вышли первые социологические статьи, посвящённые самоопределению (идентичности) и взглядам на смешанные «китайско-тайваньские» браки среди островных студентов, различиям между материковыми и тайваньскими китайцами при найме в частном бизнесе, а также этническим связям и идентичности беднейших гомиьндановских солдат-ветеранов как многочисленной подгруппы *вайшэн жэнь*. Примерно в то же время появилась и новая серия публикаций от оппозиционных Гомиьндану пронеэависимых авторов, исследовавших различия между *вайшэн жэнь* и *бэньшэн жэнь* с позиций местной партийно-электоральной политики [Dominic Yang, Mau-Kuei Chang 2003: 75].

Кроме того, в условиях нараставшей «тайванизации» общественной жизни на острове появилась группа работ, исследовавших эволюцию и «кризис идентичности» *вайшэн жэнь* в годы правления двух президентов – уроженцев Тайваня: Ли Дэнь-хуэя (1988–1996, 1996–2000) и Чэнь Шуй-бяня (2000–2008). Как

видно из этих работ, резкий спад числа *вайшэн жэнь*, считающих себя китайцами, не вызвал резкого численного роста лиц, считающих себя сугубо тайваньцами. Но при этом резко выросло количество носителей «двойной идентичности», отождествляющих себя и с Китаем, и с Тайванем [Dominic Yang, Mau-Kuei Chang 2003: 76–77; Шэнь Сяо-ци 2010; Сунь Хун-е 2010].

Как отмечает этносоциолог Чжан Мао-куй, выделение (категоризация) *вайшэн жэнь* в виде особой этнической группы неизбежно породило идею «привилегированного иноземного меньшинства». Некоторые новоявленные версии тайванецентричной истории представляют мигрантов-военных и их потомков в роли орудий «иноземного колониального режима» 外來植民政權, помогавших Гоминьдану колонизировать остров после 1945 г. и до недавних лет несправедливо владевших привилегированным статусом. Но эта «дихотомия» упускает из виду глубокие различия среди самих *вайшэн жэнь* и порождает вопрос о правомерности поверхностной гомогенизации отдельных этнических групп и однобокой подачи «колониальной» истории.

Между тем, вопреки этой упрощённой трактовке межэтнических связей, в последнюю четверть века на Тайване ведутся и «внутригрупповые исследования», посвящённые военным ветеранам, «посёлкам семей военных»²³, «шаньдунским школьникам-беженцам»²⁴, первому поколению беженок-китайнок и т.д. Эти исследования показали, что многие *вайшэн жэнь* никак не

²³ Цзюань цунь 眷村 – специальные обособленные посёлки для семей военных, массово строившиеся на Тайване в 1950–1960-х гг.

²⁴ Шаньдунские школьники-беженцы – группа из примерно 8000 школьников из нескольких средних школ пров. Шаньдун, прибывших в 1949 г. с учителями на Тайвань и насильно мобилизованных в армию Гоминьдана.

принадлежали к «привилегированному иноземному меньшинству», а многие из них были прямыми жертвами «белого террора» и дискриминирующей партийно-государственной политики Гоминьдана. Они также показали необходимость сочетания исторических и социологических подходов при изучении очень разнородной, меняющейся «этнической группы» *вайшэн жэнь*, само существование которой признают далеко не все её предполагаемые члены. Как полагают сами тайваньские учёные, при помощи объективного комплексного подхода сложные отношения между мигрантской общиной *вайшэн жэнь*, мигрантским правительством и местным населением должны выйти за рамки толкования с позиций старого китайского (гоминьдановского) национализма или нового тайваньского национализма, базирующихся на упрощённом и метафизичном этническом делении [Dominic Yang, Mau-Kuei Chang 2003: 78–80, 83–84].

Появление в 1990–2000-х гг. ряда историографических работ по истории изучения *вайшэн жэнь* и других этнических китайцев на Тайване свидетельствует, что островные исследования по этой теме также достигли более высокого уровня, требующего нового научного обобщения и анализа.

Глава 5

Этнополитическая история Тайваня в работах учёных КНР (1949–2010)

Изучение этнической истории и этнической политики на Тайване учёными КНР, формально берущее отсчёт с 1949 г., имеет свои особенности, принципы и традиции, главная из которых состоит в неизменном рассмотрении истории острова как «неотъемлемой важной составной части истории Китая». Хотя в материковом Китае нет научных учреждений, специализирующихся сугубо на этнической истории и политике Тайваня, её активное изучение ведётся во всех ведущих центрах тайваньских исследований и многих других научных центрах, составляя важнейшую часть китайского «тайваневедения».

В целом исследования по этнической истории Тайваня прошли за первые 60 лет существования КНР четыре основных этапа.

1-й этап (1949–1966 гг.) – *зарождение и становление «марксистских» исследований по данной теме.*

2-й этап (1976–1989/90 гг.) – *возрождение исследований, прерванных из-за «культурной революции».*

3-й этап (1990–2000 гг.) – *период «тайванизации китайского тайваневедения».*

4-й этап (2000–2008 гг. и до настоящего времени) – *всекитайская мобилизация на борьбу с «деконтакцией» этнологии Тайваня.*

Все эти четыре этапа последовательно рассмотрены в данной главе.

В России наиболее широкий обзор китайской историографии по данной теме (монографий, сборников статей, научной периодики и интернет-ресурсов) опубликован в 2008 г. новосибирской исследовательницей Ю.А. Азаренко. Несмотря на несколько «зауженное» название – «Этнолингвистические процессы на Тайване в освещении историографии КНР» – статья Азаренко обрисовывает общие тенденции изучения учёными КНР этнических процессов и языков народов Тайваня в прошлом и настоящем. В ней обсуждается актуальность этнологических исследований Тайваня в КНР, их периодизация и развитие, рассмотрены различия в терминологии материковых и тайваньских этнологов, а также взаимосвязь их исследований [Азаренко 2008: 45]. Сведения и выводы из этой статьи также использованы в данной главе.

Систематизация и ретроспективный анализ собранных материалов позволяют автору предложить ниже свою периодизацию «тайваньских» этноисторических исследований в КНР, отличную от периодизации самих китайских учёных.

5.1. Инфраструктура и периодизация исследований в КНР

К ведущим научным учреждениям, изучающим этническую историю Тайваня, относятся Центральный

университет национальностей 中央民族大学¹, Университет Сямынь 厦门大学 (далее – УС), НИИ национальностей при КАОН 中国社会科学院民族研究所, НИИ Тайваня при КАОН 中国社会科学院台湾研究所, Всекитайская лаборатория изучения соотечественников из Тайваня 中华全国台湾同胞研究室等 и т.д. Учебные курсы по истории аборигенов Тайваня, до сих пор обозначаемых в КНР псевдоэтнонимом *гаошань цзу* (букв. «высокогорные народности»), традиционно преподаются в Центральном университете национальностей, УС и других вузах КНР [Юй Сяо 1990: 118]. Каждое из названных учреждений имеет свою историю и специфику, сообразные этапам развития общих исследований по истории Тайваня.

Подобно общему изучению истории Тайваня, исследования учёных КНР по этнической истории острова развивались в несколько этапов. Старший секретарь центра изучения истории Тайваня при КАОН Ван Цзянь выделил три главных этапа в изучении истории Тайваня (1949–1966; 1976–2000; 2000 – наст. вр.). Эту периодизацию в целом признают и другие китайские коллеги.

Самой первой работой по этнологии острова, написанной с позиций «марксистской истории», была книга Цзянь Бо-цзяня «Изучение варварских народностей Тайваня», вышедшая в 1947 г. А первой публикацией времён КНР стала статья Хуан Цзинь-ли «Тайваньские народности *гаошань*» [Цзянь Бо-цзянь 1947; Хуан Цзинь-ли 1952; Чэнь Цзянь-юэ 2009: 7–8]. В целом указанный 1-й этап (1949–1966) был связан со сбором и «марксистским» осмыслением первичных научных

¹ Основан в 1951 г. как Центральный институт национальностей 中央民族学院. В 1993 г. переименован в университет. См.: <http://www.cun.edu.cn>

материалов. Он отражал новую политику властей КНР и борьбу двух берегов Тайваньского пролива. В 1950–1960-х гг. изучению истории Тайваня уделялось особое внимание, так как оно обеспечивало исторические основания для освобождения острова в 1945 г. из-под власти Японии, а после 1949 г. – для планировавшегося освобождения от гоминьдановского режима во главе с Чан Кай-ши. Изданные в те годы научные труды о Тайване содержали в основном общие сведения по этнической истории. Их особенностью был резкий упор на темы национально-освободительной борьбы тайваньцев против западных держав и колониального правления Японии [Цянь Цзюнь-хуа, Ян Сы-шэнь 1956; Ли Чжи-фу 1955; Ян Кэ-хуан 1956; Вань Кэ-цзя 1958; Чэнь Ли-тянь 1960], а также на изучение миграций аборигенного и китайского населения, с целью доказать историческую принадлежность острова Китаю [Линь Хуэй-сян 1954; Ван Юнь-шэнь 1955; Лю Да-нянь 1956].

Созданный в 1951 г. Центральный институт национальностей² вёл в те годы в основном этнографическое изучение аборигенов Тайваня (культура, лингвистика и пр.) [Азаренко 2008: 47–48]. В 1958 г. при КАОН в Пекине был основан НИИ национальностей и создана рабочая группа по изучению тайваньских аборигенов. Сотрудники этих структур проводили этнографические опросы и обследования немногих аборигенов, осевших после 1945 г. в материковом Китае. В одном из таких опросов участвовал советский этнограф Г.Г. Стратанович. Запись опроса двух представителей народности Амэй, выполненная в 1957 г. в Пекине силами сотрудницы КАОН Ван Юэ-лань и работника

² См. прим. выше.

комитета по делам нацменьшинств КНР Чжан Най-хуа, была затем опубликована Стратановичем в журнале «Советская этнография» [Стратанович 1958].

Помимо Пекина, подобные этнологические исследования велись и в самой близкой к острову приморской провинции Фуцзянь. Например, в сямыньском университете изучение туземцев Тайваня началось задолго до создания КНР. Китайский антрополог Линь Хуэй-сян [Линь Хуэй-сян 2000], который вёл в 1929 г. на острове полевые исследования *гаошань*, выпустил в 1930 г. первую в Китае монографию о первобытной культуре тайваньских аборигенов [Линь Хуэй-сян 1930]. В 1931 г. Линь переехал в Сямынь, где в 1936 г. издал двухтомную «Этническую историю Китая», [Линь Хуэй-сян 1936] а в начале 1950-х гг. по-прежнему продолжал изучение первобытной культуры Тайваня.

Одним из учеников Линь Хуэй-сяна был известный этнолог Чэнь Го-цян, приступивший к изучению *гаошань* по окончании университета в 1951 г. С 1958 г. Чэнь возглавил рабочую группу по полевым опросам тайваньских аборигенов, живших в КНР. На основе опросов и письменных материалов его группа составила черновик «Краткой истории и краткого описания народностей *гаошань*», изданный в 1963 г. НИИ национальностей АН КНР [Краткая история гаошань 1963].

В целом по причине полной изоляции острова, после 1949 г. все тайваньские исследования велись в КНР опосредованно и дистанционно. Дефицит источников, сильная политизированность выводов, слабость научной традиции и полный разрыв с тайваньской учёной средой предопределили не слишком высокий уровень и объём этноисторических работ по Тайваню в КНР этого периода. К середине 1960-х гг., после относительной стабили-

зации противостояния двух сторон Тайваньского пролива и из-за начала «культурной революции», изучение всей истории Тайваня было почти полностью прервано в КНР на десять с лишним лет [Ван Цзянь 2009: 8].

Второй этап (1976–2000) изучения истории Тайваня в КНР Ван Цзянь относит к периоду от окончания «культурной революции» в 1976 г. до перехода к комплексным междисциплинарным исследованиям после 2000 г. На деле тайваневедение КНР пребывало в застое как минимум до 1978 г., когда все ведущие центры почти одновременно вернулись к изучению истории Тайваня. Мощным стимулом для непростого возрождения стала публикация 1 января 1979 г. «Письма-обращения к соотечественникам из Тайваня» 告台湾同胞书³. Озвученные в 1981 г. «9 пунктов Е Цзянь-ина»⁴ и «6 пунктов Дэн Сяо-пина» (1983)⁵ ещё больше подчеркнули важность тайваньских исследований в КНР.

³ Это пятое по счёту «Письмо-обращение ПК ВСНП КНР к соотечественникам на Тайване» призывало прекратить военное противостояние в Тайваньском проливе, открыть «три вида прямых сообщений» (почтовое, транспортное и торговое) и активизировать связи через пролив.

⁴ Интервью председателя ПК ВСНП Е Цзянь-ина от 30.09.1981, известное как «Заявление из 9 пунктов». Документ, провозгласивший политический курс на «возвращение Тайваня в лоно Родины» (под юрисдикцию КНР) и достижение «мирного объединения Родины» [Е Цзянь-ин 1981].

⁵ 26.06.1983 Пекин обнародовал программу «мирного объединения двух берегов» Тайваньского пролива, известную как «6 пунктов Дэна»: 1. Объединение двух берегов. 2. Тайвань не может быть «совершенно автономным», но местные власти Тайваня могут действовать самостоятельно во внутренней политике. 3. Тайваню «возможно иметь свою суверенность», «судебную суверенность», «возможно иметь свою армию». 4. «Объединение Китая на трёх народных принципах» очень реалистично. 5. Провести переговоры КПК и китайского Гоминьдана, реализовать третий союз Гоминьдана и КПК, не терпеть иностранное вмешательство. 6. Больше контактировать, множить понимание... гарантировать безопасность, секретность.

Возвращение исследований в нормальное русло и расцвет изучения истории Тайваня в КНР ускорила и наметившаяся со второй половины 1980-х гг. «оттепель» в научных связях двух сторон Тайваньского пролива. К 1987 г. в КНР появились первые обзоры этноисторических исследований и официальной этнической политики на Тайване [Чжан Чун-гэнь 1987].

Знаменательной исторической датой стало 2 августа 1988 г., когда тайваньские учёные (группа из 19 человек) впервые прибыли на конференцию в университет Сямэнь и тем самым «прорубили окно» в материковый Китай, возродив прямые связи с китайскими коллегами. По итогам конференции был издан сборник из 16 статей, 6 из которых прислали тайваньцы. В 1992 г. группа учёных из НИИ Тайваня при УС впервые приняла участие в научной конференции на острове [Слово Вэнь ши чжиши 1990; Ли Цзу-цзи 2009: 63; Сборник первой встречи 1990]. После этих двух визитов, связанных с непростым преодолением многих бюрократических барьеров, связи китайских и тайваньских учёных довольно быстро обрели действительно двусторонний, регулярный и активный характер, всё менее зависимый от текущей политической конъюнктуры.

К особенностям второго этапа Ван Цзянь относит рост научного уровня, переход к внимательному и объективному изучению особенностей истории Тайваня, при безусловно сохраняющемся акценте на общность истории Тайваня и Китая [Ван Цзянь 2009: 9–10].

В сфере этнических исследований второй этап был тоже связан, прежде всего, с возрождением традиций, прерванных «культурной революцией». К примеру, план научной работы на 1978–1985 гг. в лаборатории истории Тайваня при истфаке УС включал «отноше-

ния ханьцев и *гаошань*», «историю и текущее положение *гаошань*», «восстание в Ушэ» и другие изучавшиеся ещё в 1950–1960-х гг. темы [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 12–13]. Открытый в 1980 г. при этом университете НИИ Тайваня провёл в октябре того же года форум по случаю 50-летия антияпонского восстания аборигенов в Ушэ⁶ [Юй Сяо 1990: 120].

В следующие два года под руководством профессора Чэнь Го-цяна была издана серия работ, посвящённых мифам и преданиям тайваньских аборигенов, отношениям аборигенов с Чжэн Чэн-гуном⁷ и др. В 1982 г. под редакцией Чэнь Го-цяна вышла в свет «Краткая история народностей *гаошань*», по сути, доработанный вариант «Краткой истории и краткого описания народностей *гаошань*», изданной в 1963 г. [Чэнь Го-цян 1980; 1982 I; 1982 II][Краткая история гаошань 1982].

Изучение этнической истории и культуры «китайских народностей на Тайване» вели в УС, лидировавшем в области тайваньских исследований в начале 1980-х гг., такие известные антропологи как Чэнь Би-шэн 陈碧笙 [Чэнь Би-шэн 1983], Чэнь Кун-ли 陈孔立, Чжу Тянь-шунь 朱天顺, Ши Лянь-чжу 施联珠, Сюй Го-лян 许良国, Тай Бао-линь 邵宝林, Чэнь Фэй-бао 陈飞宝 и другие. Схожие исследования продолжались и в открытом в 1984 г. Институте Тайваня при

⁶ Восстание в Ушэ – последнее на острове крупное антияпонское восстание аборигенов народности *атайял* (Seediq), вспыхнувшее осенью 1930 г. и жестоко подавленное японскими колониальными властями. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Wushe_Incident

⁷ Чжэн Чэн-гун (Косинга, 1624–1662), минский генерал, который бежал от маньчжуров на Тайвань в 1661 г., силой изгнав оттуда голландцев. Его потомки правили островом до 1683 г., после чего выразили покорность династии Цин.

КАОН, центральном университете национальностей, в стенах Всекитайской ассоциации соотечественников из Тайваня (Бу Янь-цзи 朴寅吉), Государственного исторического музея (Лю Жу-чжун 刘如仲), кафедры антропологии при университете Фудань в Шанхае (Линь Цзя-хуан 林加煌) и ряда других научно-образовательных центров Китая [Ван Цзянь 2009: 11–12] [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 14–16].

Что касается тематики, то тайваньский историк Чэнь Му-шань выделил 11 «горячих тем» по истории острова, которыми занимались в 1978–1986 гг. китайские историки. В этот список вошли такие темы, как ранняя (первобытная и древняя) история Тайваня, отношения между аборигенами и китайцами, политика минского клана Чжэн, изучение эпохи японского правления и др. [Чэнь Му-шань 1997:141]

Усилия китайских учёных сделали возможным выход к концу 1980-х гг. ряда обобщающих работ по этнической истории и культуре Тайваня [Ши Ши, Хуан Да-чжоу 1999; Чэнь Го-цян 1982 I; Чэнь Ли-тянь 1960; Чэнь Сяо-чун 1992]. Наряду с этим проявилась насущная потребность в историографических обзорах и осмыслении итогов этнических исследований по Тайваню за минувшие 40 лет в КНР [Юй Сяо 1990; Чэнь Го-цян, Го Чжи-чао 1991; Гао Вэнь-чуань 2005], а также в знакомстве с этноисторическими исследованиями и современной этнической политикой на самом Тайване [Чжан Чун-гэнь 1987].

Ещё одной яркой вехой на пути к взаимному сближению стала подготовка и синхронная публикация «тайваньского спецвыпуска», предпринятая в 1990 г. китайским журналом *Вэнь ши чжиши* (Знание куль-

туры и истории, 1990, № 4/106) и тайваньским журналом *Говэнь тяньди* (Мир китайских письмён, 1990, № 4/59). Именно в этих выпусках по обе стороны Тайваньского пролива появились две важные, наиболее представительные обзорные статьи по этническим исследованиям Тайваня в КНР и на самом Тайване [Юй Сяо 1990; Сюй, Чжань 1990]⁸.

Примером уже не эпизодического, но регулярного сотрудничества нового типа стал проект «Сравнительное изучение миньнаньско-тайваньской социальной культуры», реализованный НИИ антропологии при УС и НИИ антропологии тайваньской Академии Синика. Крупнейший тайваньский историк и антрополог, академик Ли И-юань (как и многие другие его коллеги) многократно выступал в КНР с лекциями об этнологических исследованиях на острове [Ли И-юань 1994; 1998][Чэнь Цзянь-юэ 2009: 16]. Появились и первые плоды соавторства отдельных учёных, такие как этноисторическая монография «История пионеров-обитателей Тайваня», изданная в 1999 г. в Шаньдуне Ши Ши (Чунцинский пединститут) и Хуан Да-шоу (Тайваньский университет) [Ши Ши, Хуан Да-чжоу 1999].

Парадоксально, но возникший к началу 1990-х гг. в КНР всплеск контактов и интереса к опыту тайваньских коллег совпал с почти 10-летним глубоким спадом изучения тайваньских аборигенов. Почти до конца 1990-х гг. в материковом Китае не выходило крупных работ по этой тематике. Число журнальных статей по аборигенам в 1991–2000 гг. упало в сравнении с 1983–1990 гг. в десятки раз. В плане качества

⁸ См.: http://www.wanjuan.com.tw/index.php?PA=pos4&book_id=47519&page_now=23

содержания описательные работы доминировали над теорией и проблемными исследованиями [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 18]. Известный китайский этнолог Чэнь Цзянь-юэ объясняет этот спад целым рядом важных причин:

- этнографические и лингвистические материалы, собранные в КНР до 1958 г., были использованы в последующие 40 лет по многу раз;
- учёные КНР слишком долго не имели шансов выезжать на Тайвань для полевых изысканий, не могли изучать реальные проблемы формозцев и были обречены на историописания на базе китайских письменных источников;
- труднодоступность находящихся на Тайване и за рубежом источников и материалов по голландскому и японскому колониальным периодам;
- уход из жизни или на пенсию многих ведущих тайваневедов.

Кроме того, бурный рост связей через пролив побудил многих учёных переключиться на изучение проблем современной политики, что ещё больше обострило дефицит кадров в сфере аборигенных и прочих исследований Тайваня.

Как полагает Чэнь Цзянь-юэ, главной причиной 10-летнего спада стало отсутствие у учёных КНР опыта полевой работы, что объективно приводило к переходу на исторические и историографические темы. А это, в свою очередь, вело к постепенному ослаблению и маргинализации исследований по аборигенам [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 19–20]. После открытия Тайваня этот спад усугубился перегруппировкой сил, необходимой для изучения новых тем, проблем и периодов (прежде всего японского колониального периода) на основе

ранее недоступных в КНР материалов. Таким образом, спад аборигенных исследований отразил общий «кризис роста» китайского тайваневедения. Но, как водится, этот кризис обеспечил новые возможности и предпосылки для перехода к новому, более продвинутому этапу исследований по этнической истории Тайваня в КНР. Мощнейшим внешним толчком для такого перехода стала смена правящих политических партий на Тайване в 2000 г., когда к власти пришли сторонники независимости острова.

Особенности третьего этапа изучения истории Тайваня (2001 г. – наст. вр.), согласно периодизации Ван Цзяня, будут рассмотрены ниже.

5.2. Ревизия общей периодизации: от возрождения с конца 1970-х гг. к интернационализации и «тайванизации» китайского тайваневедения» в 1990-х гг.

Если предложенный Ван Цзянем 1-й этап периодизации (1949–1966 гг.) не вызывает возражений, то дальнейшая периодизация, на мой взгляд, требует серьёзной корректировки. Так, 2-й этап развития тайваневедения в КНР (1976–2000 гг. по Ван Цзяню) было бы резонно разделить на два отдельных периода: этап 1976 г. – рубеж 1990-х гг., который стал, по сути, возрождением за счёт традиционной «опоры на собственные силы», и 3-й этап – с конца 1980-х (рубежа 1990-х гг.) до 2000 г. Соответственно, важнейшим отличием 3-го этапа был не просто рост «внимания» и количества новых структур (число НИИ Тайваня в КНР резко выросло уже в те

годы)⁹, но и, прежде всего, эпохальное возрождение прямых академических связей между учёными КНР и Тайваня¹⁰, сближение с тайваньской наукой, либерализация и общая интернационализация тайваневедения в КНР.

Наступление 3-го этапа ознаменовалось началом небывалых научных обменов, совместными встречами, исследованиями и публикациями, прежде немыслимым допуском китайских учёных к работе на самом Тайване, заметным расширением изучаемых периодов, тем, проблематики, базы источников и т.д. Для историков с обеих сторон Пролива наступила действительно новая эпоха всё более открытого и всё менее скованного политикой двустороннего сотрудничества, подкреплённого приходом в 1990-х гг. в науку нового поколения китайских историков. Выросшие уже после «культурной революции» молодые историки, многие из которых получили солидное образование не только дома, но и за границей, заметно расширили горизонты исследований и пытались не только обобщать, но и переосмысливать давно устоявшиеся подходы к традиционным научным проблемам, в т.ч. проблемам этнической истории. К таким попыткам можно отнести изданные в 1996 г. (в основном силами НИИ Тайваня при КАОН и УС) коллективные «Очерки истории Тайваня» [Чэнь Кун-ли 1996].

⁹ НИИ Тайваня в университете Хайнань 海南大学台湾研究所 (1989), НИИ Тайваня в университете Чжэцзян 浙江大学台湾研究所 (1991), НИИ Тайваня в Нанкинском университете 南京大学台湾研究所 (1991), Центр изучения Тайваня в КАОН Шанхая 上海社会科学院台湾研究中心 (1991), Шанхайский НИИ Тайваня 上海台湾研究所 (1999) и др.

¹⁰ Попытки учёных КНР наладить прямые связи с тайваньскими коллегами возобновились после отмены в 1987 г. «Закона о военном положении» на Тайване. До этого любые прямые связи через Тайваньский пролив были исключены.

Если до 1990 г. изучение этнической истории Тайваня в КНР фокусировалось в основном на обеспеченных китайскими письменными источниками периодах Мин и Цин (XV–XIX вв.), то с начала 1990-х гг. временной спектр и сфера интересов китайских учёных расширились за счёт более активного изучения периода японского правления на Тайване (1895–1945). В частности, активно изучались такие темы, как политика японцев в сфере культуры, языка, образования и религии, попытки японизации островитян и их сопротивление ассимиляционной политике *коминка*, петиционное движение, движение за сохранение китайской культуры и многие другие проблемы [Чэнь Му-шань 1997][Чэнь Сяо-чун 1992; 1993 II; 1995; 2001 I; 2002 II; 2007; 2008] [Чжун Ань-си 1993; 1994][Мао Цзя-ци, Ху Хуа-цзюнь 1995][Гун Фан 1996; 1998][Чжао Те-со 1998; Чжоу Сян-хэ 2003]. Появляются и общие работы по всему японскому периоду, например, изданная в 2005 г. Чэнь Сяо-чуном «История 50 лет японского колониального господства на Тайване» [Чэнь Сяо-чун 2005].

Изучение аборигенов Тайваня, несмотря на вышеупомянутый заметный спад, также продолжало оставаться в сфере внимания китайских учёных. При этом оно стало всё больше учитывать данные современной островной науки, в свою очередь, заметно менявшейся в 1990-х гг. под влиянием «тайванизации» местной общественной жизни и академической среды [Лю Жу-чжун, Мяо Сюэ-мэн 1992]. Наконец, после 1990 г. УС и другие крупные центры тайваньских исследований стали всё чаще посылать своих людей за границу, в частности в Голландию, для сбора исторических материалов по европейской эпохе колонизации Тайваня в XVII в. [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 19]

В целом 3-й этап этнических исследований Тайваня в КНР (рубеж 1990-х–2000 гг.), на мой взгляд, можно характеризовать как этап преодоления самоизоляции, открытия вовне, интернационализации и даже «тайванизации китайского тайваневедения» в смысле его прямого приобщения к бесценным материалам и богатому опыту исследований по другую сторону Пролива. Подключение к мировым исследованиям и новое научное «открытие» острова стимулировали рост интереса китайских учёных, перегруппировку научных сил и в итоге быстрое географическое, количественное и качественное расширение тайваньских исследований в КНР. При этом принципиальные подходы учёных КНР к трактовке этнической истории Тайваня как части истории Китая нисколько не изменились.

Этап начальной интернационализации и «тайванизации китайского тайваневедения» носил переходный характер и завершился с наступлением XXI в. Мощным внешним толчком для перехода на новый этап стал приход к власти на Тайване сторонников независимости, стремившихся отбросить общие для Гоминьдана и КПК установки на историческое и этнокультурное единство двух берегов Тайваньского пролива.

В 2000–2008 гг. власти острова, в лице правящей Демократической прогрессивной партии (ДПП) и администрации президента Чэнь Шуй-бяня, форсировали новый курс на радикальную ревизию самих основ местной истории и этнологии. «Декитаизация» и «тайванизация» этнической истории, связанные с попытками ДПП выявить некую особую «островную идентичность», опирающуюся на некитайские (австронезийские) генетические корни, а также на отличные от Китая культуру и исторические судьбы

тайваньцев, вынудили историков КНР принять ответные меры. А именно, перейти от экстенсивного усвоения опыта тайваньских коллег к активной критике их новых, нередко излишне политизированных подходов [Чэнь Кун-ли и др. 1999]. Для решения этой актуальной задачи после 2000 г. в КНР были мобилизованы небывалые ресурсы и предпринято массивное «контрнаступление», позволяющее говорить о выходе на 4-й этап развития китайского тайваневедения, который можно определить как системно спланированную, общенациональную по масштабам и ресурсам (всекитайскую) борьбу против «декитаизации» этноисторических и прочих тайваньских исследований сторонниками независимости острова.

5.3. Четвёртый этап (2000–2008 гг. и до н.в.): всекитайская мобилизация на борьбу с «декитаизацией» этнологии Тайваня

Происходившие на Тайване после 2000 г. политические перемены предопределили не только радикальные сдвиги в подходах и тематике этнических исследований по обеим сторонам Пролива, но также характер, масштабы и методы развернувшейся вокруг них научной полемики. Установки новых властей Тайбэя на обоснование некитайской идентичности тайваньцев, горячо воспринятые рядом пронеzáвисимых местных этнологов, вызвали не менее жаркие опровержения этнологов КНР. А поскольку декитаизация этнической истории Тайваня в 2000–2008 гг. стала обретать на острове черты официальной государственной доктрины, соответственно, китайской стороне пришлось тоже моби-

лизоваться и поднять всю систему контраргументов с уровня индивидуальной полемики по отдельным вопросам до масштабов хорошо скоординированной государственной программы по усилению комплексных исследований тайваньской истории.

Произошедшие в эти годы перемены, разумеется, были отмечены и самими китайским учёными. Как признаёт Ван Цзянь, период 2001–2008 гг. связан с крупными структурными переменами – появлением в КНР целого ряда новых научных центров, призванных усилить изыскания в этой области. Важными особенностями этого этапа Ван Цзянь считает также рост внимания к фундаментальным исследованиям, создание информационных баз данных по истории острова и активизацию связей с коллегами на Тайване. Новым веянием стала усилившаяся в XXI в. тенденция к изучению материалов и источников по Тайваню на иностранных языках, а также к сравнительному изучению версий «Истории Тайваня», издаваемых по двум сторонам Тайваньского пролива [Ван Цзянь 2009: 8, 10, 12, 14].

И действительно, для реализации своих целей власти КНР пошли на активную консолидацию научных сил путём создания новых и укрупнения уже действующих научных структур. Так, в 2002 г. был основан упомянутый Центр изучения истории Тайваня при КАОН в Пекине. План работы этого центра предписывает сбор воедино *всей* накопленной информации, организацию, координацию и стимулирование тайваньских исследований в КАОН и в разных регионах Китая, а также содействие в развитии контактов с учёными Тайваня и других стран.

В 2004 г. НИИ Тайваня 台湾研究所 при университете Сямынь (УС) был повышен в статусе до уровня крупного института 台湾研究院. Одновременно на

его базе возник Центр изучения Тайваня, призванный вести комплексное междисциплинарное изучение острова. В Шанхае, Цзинани, Фуцзяни и других регионах с 2000 г. по 2008 г. возник целый ряд неправительственных центров изучения отношений в Тайваньском проливе. [Ван Цзянь, 2009: 10–12]. В апреле 2006 г. при Центральном университете национальностей в Пекине открылся НИИ нацменьшинств Тайваня, цель которого состоит в изучении аборигенов острова и создании академической платформы для культурных связей между сторонами Пролива. Важным центром исследований по этнической истории острова остается институт этнологии и антропологии КАОН.

Сообразно структурной перестройке укрупнились и масштабы реализуемой научной деятельности. В том же 2006 г. на базе НИИ нацменьшинств, под эгидой Центра исследований национальных проблем при Госкомитете по делам национальностей КНР, стартовал крупный проект создания «Банка документов по исследованию нацменьшинств Тайваня» 台湾少数民族研究文库. В этот банк, охватывающий сферы истории, культуры, лингвистики, образования, искусства и т.д., планировалось включить монографии, книги, переводы, учебники, полевые отчеты, сборники статей и прочие научные публикации по аборигенной тематике. Для этого в рамках данного проекта было инициировано издание серии «Сборников статей по исследованию нацменьшинств Тайваня» 台湾少数民族研究论丛, где собраны плоды полувековых исследований по аборигенам Тайваня, проведённых историками КНР. К концу 2007 г., всего за год, было издано семь сборников этой серии, три из которых (№№ 1, 6, 7) посвящены этнической истории и политике, а прочие знакомят с этнической культурой коренных тай-

ваньцев [Свод истории нацменьшинств 2003–2007; Чжан Чун-гэнь, Лю Юань-чжу 2007]¹¹.

В декабре 2005 г. стартовал крупный «Проект издания документальных исторических материалов по Тайваню», в рамках которого сразу несколько государственных архивов и университетов КНР публикуют архивные документы времён династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912), Китайской республики (с 1912 г.), документы из частных собраний и зарубежные документы о Тайване [Ван Цзянь 2009: 15].

Одним из итогов массивированной перегруппировки научных сил в КНР стало издание после 2000 г. ряда обобщающих научно-популярных работ по тайваньской истории, написанных отдельными и коллективными авторами. К их числу относятся книга Чжан Чун-гэня «История Тайваня до последних 400 лет» [Чжан Чун-гэнь 2005]¹² и коллективная электронная серия «Исторические перепутья Тайваньского моря», в которых многие главы специально посвящены вопросам этнической истории и политики.

Ещё одним показательным проявлением всеобщей мобилизации научных ресурсов после 2000 г. стало ретроспективное издание персональных сборников статей ряда заслуженных китайских тайваневедов [Тянь Хэ-нянь, Ли Юн-мин и др. 2007; Сун Гуан-юй 2007; Сюй Лян-го 2006]. Наконец, в статусе «местного историописания» этническую историю Тайваня неиз-

¹¹ Ссылки на все тома (1–7) доступны в Интернете.

¹² Книга охватывает период с позднего палеолита (30 тыс. лет назад, культура Чанбинь) до 1624 г., когда остров захватили голландцы. Используя новые данные археологии и истории, автор пишет о происхождении и культуре аборигенов Тайваня. Библиография включает 246 книг и 252 статьи 220 авторов из 66 периодических изданий и 16 газет.

менно включают в многотомные издания по истории нацменьшинств и национальных отношений в Китае [Чжунго шаошу миньцзу 2003–2007¹³; Цзян Бин-чжао 2007; Ван Вэнь-гуан 2004; Сяо Цзюнь-хэ 2001; Вэн Ду-цзянь 1990; 2001; и др.].

Независимо от формы и названий все упомянутые проекты носят характер мощных по масштабам и ресурсам, хорошо скоординированных акций, а неизменный доминирующий лейтмотив всех публикаций, всё более доступных в электронном виде через Интернет, выражен в известных объединительных сентенциях «Китайский материк, Тайвань – общие корни, общие истоки» 大陆、台湾同根同源 и «Два берега Пролива – кость и плоть общих предков и общих обычаев» 两岸骨肉同祖同俗.

После 2000 г. изменилась и тактика ведения научной полемики. Уже не ограничиваясь общими декларациями о том, что Тайвань – неотделимая часть Китая, а аборигены Тайваня – одни из нацменьшинств Китая, учёные КНР перешли к прямой предметной критике появившейся на острове «теории тайваньской нации» 台湾民族论 и её вариаций в виде теорий «тайваньской нации по крови» 血缘台湾民族论, «тайваньской нации по культуре» 文化台湾民族论, «политико-экономической тайваньской нации» 政治经济台湾民族论, «вновь поднимающейся тайваньской нации» 新兴民族, а также «общности по судьбе» 生命共同体, «пяти угнетательских чужеземных режимов» и других теорий [Ян Ли-сянь 2001]. Привлекая новейшие данные археоло-

¹³ Издание в 55 томах (по числу нацменьшинств), переработанное и дополненное. Издаётся в КНР с начала 1980-х гг. Регулярно переиздаётся. См. том «Краткая история народностей гаошань (высокогорных народностей Тайваня)» 高山族简史.

гии, истории, лингвистики и генетики, они опровергают теорию «пришествия с юга» 南来论 и доказывают, что ещё при неолите (5–7 тыс. лет назад) как минимум часть тайваньцев – выходцев австронезийской лингвистической семьи, мигрировали на остров с побережья южного Китая [Го Чжи-чао, У Чунь-мин 2002; У Чунь-мин, Чэнь Вэнь 2003; Чжан Чун-гэнь 2002; У Чунь-мин б.г., проект № 20040165; Цзэн Сы-ци 2005; Ши Лянь-чжу 2006; Чэнь Го-цян (I) 2006; Чэнь Го-цян (II) 2006; Ван Синь-тянь 2007].

Тематика исследований китайских учёных и общая трактовка ими этнических отношений на Тайване также претерпевают заметные изменения. Если в прошлом ключевой темой была патриотическая борьба «тайваньского народа» против иноземных угнетателей, то сегодня, благодаря появлению новых источников и материалов, а также под влиянием «тайванизации» (с 1990-х гг.) и «декитаизации» (2000–2008 гг.) научных исследований на Тайване, тема борьбы с иноземцами отошла на второй план, а фокус внимания сместился на отношения между разными этническими группами острова. При этом учёные КНР перешли с упора на межэтнические антагонизмы и историю аборигенов к акценту на гармоничное сотрудничество разных этнических групп. В публикациях последних лет они стремятся показать, что отношения между китайскими эмигрантами и равнинными аборигенами *пинпу* включали не только конкуренцию, угнетение и ассимиляцию, но также гармоничное сотрудничество, взаимовлияние и мирное дружеское сосуществование [Ши Лянь-чжу (I) 2006; Чэнь Го-цян (III) 2006; Лю Чжэн-ган 2006; Чжан Чун-гэнь 2007]. Исходя из этих и других аргументов учёные КНР оценивают предпринимавшиеся

в 2000–2008 гг. попытки «декитаизации» тайваньской этнической истории как отход (шаг назад) островной этнологии от научной объективности и некорректное искажение фактов в интересах пронеэзависимой политики [Хао Ши-юань 2008; Чжоу Дянь-энь 2009].

Критикуя тайваньских коллег за политическую ангажированность, китайские учёные между тем и сами испытывают влияние политических ветров на Тайване уже хотя бы потому, что вынуждены чутко следить за меняющимся характером островных исследований и полемизировать с ними. Показательно в этом плане изучение аборигенов и этнической политики в отношении тайваньских аборигенов, которая была и остаётся одной из основных тем этноисторических исследований в КНР [Ван Чжи-пин, У Минь-ся 2006; Чэнь Сяоянь 2008; Гао Вэй 2009; Чэнь Цзянь-юэ 2009].

Открытый доступ к публикуемым на Тайване данным о современном положении аборигенов, вкуче с новой политикой властей острова по активной поддержке аборигенов, повлияли и на модернизацию интересов учёных КНР. Последние уже не замыкаются на исторической перспективе, но проявляют всё большее внимание к современности, например, к изучению возникшего в 1980-х гг. на острове «аборигенного движения», движения за «самоуправление» аборигенов и т.д.

По причине сложившегося за многие десятилетия разрыва в подходах и уровне исследований по обоим берегам Тайваньского пролива обновление проблематики этнических исследований в тайваневедении КНР (в частности, обращение к темам отношений между китайцами и *пинпу*, между самими туземными народностями и т.д.) происходит с заметным, точнее, даже большим отставанием от островной науки. Если на

Тайване активное изучение равнинных аборигенов *пинпу* началось ещё в 1980-х гг., то в КНР изучение *пинпу* оставалось малоизученным как минимум до рубежа 2010-х гг., а немногочисленные публикации на эту тему носят преимущественно «догоняющий» историографический характер, освещая в основном научную историю, проблематику, состояние, методы и перспективы исследований *пинпу* учёными разных стран (Тайвань, Япония, США и др.) [Чжоу Дянь-энь 2009; 2008][Чжан Чун-гэнь, Лю Юань-жу 2007; Сюй Лян-го 2006; Ван Жуй-лянь 2006]. В то время как тайваньские учёные уже в 1970-х гг. начали изучать этнических китайцев как отдельный объект (предмет) этнологических исследований, учёные КНР в основном всё ещё приравнивают этнологию к изучению нацменьшинств (неханьцев), а этническую политику – к управлению аборигенными народностями Тайваня.

Несмотря на указанный разрыв, нельзя не отметить быстрый прогресс китайских исследований последних лет. Ярким примером служат работы Чэнь Цзянь-юэ, одного из ведущих современных экспертов по изучению этнической истории Тайваня и теории этносов, сотрудника института этнологии и антропологии КАОН. Изданная им в 2009 г. монография «Аборигены Тайваня: исследование истории и политики» [Чэнь Цзянь-юэ, 2009] являет собой типичное выражение взглядов и наработок современных учёных в КНР и потому заслуживает более подробного рассмотрения.

Прежде всего, примечательно то, что работа основана на широком круге источников и литературы, в отличие от прежних исследований в КНР, охватывавших в основном китаеязычные сочинения. Помимо

китайских работ Чэнь использовал источники и исследования зарубежных авторов из Англии, Германии, США, Тайваня, Японии и даже России (статьи В.И. Ленина, И.В. Сталина, материалы Коминтерна), документы японской колониальной администрации, теоретические труды известного американского политолога Дэвида Истона (1917–2014) и т.д.

Во-вторых, используя методы системного анализа и комплексного междисциплинарного подхода, Чэнь уходит от позитивистского описания истории и ставит ряд теоретических вопросов, касающихся сущности этнической политики и системы этнических отношений в полиэтничном обществе, а также сути используемых исследователями понятий. Понятия *этничность*, *этническая группа*, *этническая и культурная идентичность*, *народ*, *национальность*, *нация* и *государство* Чэнь разбирает на примере драматично менявшихся воззрений и идентичности известных островных китайцев (например, Ли Чунь-шэна, см. гл. 5), ссылаясь при этом на записки японских колониальных чиновников на Тайване, а также на современные теории и труды ведущих мировых экспертов.

В монографию вошли историографический очерк и периодизация ведущихся в КНР исследований по теме тайваньских аборигенов (1949–2000, Введение), история этнической политики в отношении аборигенов с XVII в. до 1980-х гг. (гл. 1). Большое место уделено влиянию религиозного фактора (деятельность миссионеров и пр.) на «аборигенную политику» в колониальный период и после 1945 г. (гл. 3, 4). Подробно рассматривается современная (с 1980-х гг.) этническая политика на Тайване в контексте «движения аборигенов» (гл. 2), место и роль «аборигенного фактора» в политике сторонников неза-

висимости Тайваня (гл. 6), а также критика пронеэзависимых теорий, касающихся культурной и национальной идентичности, «дифференцирующая политика» 差異政治 и модель «одна страна, две системы» (гл. 7).

Характерно, что краткий обзор истории правящих режимов и их политики в отношении аборигенов Чэнь начинает с китайского правления на острове – династии Мин в лице клана Чжэн (1661–1683) и династии Цин (1683–1895). Лишь после этого, вопреки прямой хронологической последовательности, он представляет колониальную политику голландцев, испанцев и японцев, хотя европейцы колонизировали остров почти за 40 лет до его захвата минским генералом Чжэн Чэн-гуном.

Формулируя сущность этнической политики, Чэнь Цзянь-юэ исходит из определения Д. Истона, согласно которому любая политика – суть, авторитарное распределение дефицитных в обществе ресурсов. В свою очередь, это определение подводит к тому, что суть этнической политики в многополярном полиэтничном обществе состоит в авторитарном распределении дефицитных ресурсов общества между различными этническими группами. При этом правящий этнос, используя собственную политическую систему и методы управления, всегда пытается максимально присвоить и контролировать эти ресурсы, попутно ограничивая доступ и выгоды от этих ресурсов для других этносов.

Как заключает Чэнь, вплоть до 1980-х гг. этническая политика правителей Тайваня никогда не учитывала интересы «диких» или «высокогорных» аборигенов. Единственная общая цель всех правящих режимов состояла в покорении, аккультурации и ассимиляции «варваров», чтобы в итоге превратить их в однородных, платежеспособных и лояльных подданных государства.

В частности, уже в послевоенную пору правительство Гоминьдана долго пыталось превратить горных аборигенов в равнинных 山地平地化, а равнинных аборигенов – в китайцев. Но принудительная китаизация и непризнание особого статуса аборигенных народностей приводили к тому, что при решении проблем аборигенов власти опирались лишь на командно-административные меры и указы. Тайваньское общество развивалось, но в положении аборигенов так и не происходило явных улучшений. Эта «ненаучная и недемократичная» политика властей в отношении коренных жителей острова вызывала их естественное недовольство и породила в 1980-х гг. «аборигенное движение». Плодами же этого движения и провала китаизирующей политики Гоминьдана, как утверждает Чэнь, успешно воспользовались в своих интересах пронебезависимые круги тайваньской оппозиции [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 41–43]. В связи с этим значительная часть книги Чэня посвящена критике пронебезависимых тайваньских учёных (Сяо Синь-хуан и др.), изобретающих пронебезависимые научные теории и «воображаемые общности» вроде «новых тайваньцев» 新台灣人, а также разоблачению сепаратистских кампаний «за исправление имён на Тайване» 爲台灣正名 и прочих этнополитических манипуляций, которые «вызвали хаос в культурной идентичности народных масс на Тайване» [Чэнь Цзянь-юэ 2009: 271, 281–283].

Поскольку книга издана в 2009 г., сразу после завершения правления ДПП на Тайване (2000–2008), Чэнь ограничивается критикой научных и политических концепций сторонников независимости острова в упомянутый восьмилетний период и не анализирует перемены последних лет, связанные с возвращением

к власти Гоминьдана (2008–2016) и последовавшими за этим отказом от декитаизации, возвратной волной «рекитаизации» и т.д. В целом ключ к принципиальному решению этнополитических проблем и противоречий в современном тайваньском обществе автор видит в разработке и проведении целенаправленной этнической политики. Эта политика должна учитывать (как в КНР! – *В.Г.*) реалии «многополярных межэтнических связей» 多元族际关系 и интересы всех этносов в пределах единого многонационального государства, а также вписываться в рамки модели «одна страна, две системы».

Таким образом, особенностью современного 4-го этапа (2000–2008 и до н.в.) исследований по этнической политике и истории Тайваня в материковом Китае явилось резкое расширение их географии и масштабов, уже достигших общенационального уровня при мощной поддержке со стороны государства. Одновременно происходит бурное расширение информационного поля исследований за счёт дигитализации (создания сводных электронных баз данных), популяризации (издания многотиражных отдельных и серийных публикаций) и интернационализации (небывало активного использования, помимо китаеязычных материалов, иноязычных источников и литературы). Потребность в реализации и координации долговременных коллективных проектов общенационального уровня предопределила и серьёзные структурные перемены, итогом которых стало укрупнение ряда ведущих и появление целой сети новых «тайваневедных» научных центров.

В методологическом плане особенностью 4-го этапа является явный отход от норм и традиций китай-

ского историописания, а также от марксистских классовых подходов и позитивистских исследований. Отказавшись от идеологических штампов и чисто эмпирических описаний, современные китайские учёные активно применяют методы системного анализа в отношении сложных процессов и явлений этнической истории Тайваня. Анализируя «сепаратистские» концепции пронеэзависимых тайваньских учёных, они внимательно рассматривают их конкретную аргументацию, а затем тщательно выстраивают многоуровневую систему контраргументов, подкрепляя свои выводы и оценки ссылками на теории и труды ведущих зарубежных этнологов, историков и политологов.

Наконец, перемены в политической обстановке на Тайване, а также в подходах китайских учёных привели к смене тем и проблематики этноисторических исследований в КНР. Наряду с устойчивым ростом внимания к японскому колониальному периоду [Головачёв, 2013: 146; Хуан Юэ-чжун 2002; Цай Цзя-жуй 2001], отчётливо усиливающимся фокусом этих изысканий становятся история мирного сосуществования и сотрудничества разных этносов, анализ современной этнической политики на Тайване и критика декитаизаторских концепций, появившихся в изобилии в годы правления на острове пронеэзависимой ДПП.

Все эти и другие особенности свидетельствуют о быстрой глобализации современных китайских исследований по этнологии Тайваня, об их тесной связи с политической ситуацией в Тайваньском проливе и в целом о быстром качественном прогрессе исследований по этнической политике и истории Тайваня, предпринимавшихся учёными КНР в первом десятилетии XXI в.

5.4. Перспективы исследований в историографии КНР

Что касается перспектив сотрудничества, то можно констатировать, что научные связи между китайскими и тайваньскими учёными непрерывно развиваются и уже достигли того уровня, когда обе стороны достаточно чётко представляют общие черты и различия, достижения, возможности, ограничения и перспективы исследований своих противоположных коллег. При этом понимание серьёзных различий в подходах к этноисторическим исследованиям вызывает неверие части тайваньских учёных в возможность грядущего научного синтеза. Например, директор института этнологии при Академии Синика Хуан Шу-минь утверждал в 2011 г. в беседе с автором этой книги, что, по его мнению, синтез этнологии Тайваня и КНР невозможен из-за принципиально различных, даже противоположных подходов. Если учёные из Тайваня изучают «общее» у разных этнических групп, то учёные из КНР озабочены поиском «различий» 識別 между национальностями.

Тем не менее быстрое сужение временного и информационного, количественного и качественного разрыва в результатах этих исследований по обе стороны Тайваньского пролива позволяет говорить о неизбежности их дальнейшего сближения. Это сближение приведёт рано или поздно к завершению 4-го этапа в развитии тайваневедения КНР – этапа общенациональной «перегруппировки сил» и мобилизации научных ресурсов для борьбы с «декитаизацией» истории Тайваня, форсировавшейся властями острова в 2000–2008 гг. После этого вполне вероятно наступление нового (5-го) этапа – многообещающего синтеза китайских,

тайваньских и зарубежных исследований по этнической политике и этнической истории Тайваня. Слияние баз данных, реализация общих исследовательских проектов, постепенное сближение представлений, подходов, методологии и методик, расширение и углубление совместно изучаемой тематики и проблематики должны рано или поздно привести к созданию в КНР, либо сразу по обе стороны Пролива, совместных научных центров и коллективов, прямо ориентированных на упомянутый синтез.

В целом изучение этнической истории, культуры и политики Тайваня продолжает быстро развиваться после 2000 г. в качестве одного из важнейших направлений «тайваневедения» в КНР. Как и на Тайване, оно не лишено рудиментов политических влияний¹⁴, изжить которые китайские и тайваньские учёные сумеют лишь сообща, по мере дальнейшего сближения и деидеологизации научных и прочих отношений между обеими сторонами Тайваньского пролива.

¹⁴ Политизируемые современные научные темы. В тайваневедении КНР: китайское происхождение аборигенов Тайваня, народно-освободительная борьба с чужеземными правителями, патриотизм китайских деятелей и народных масс, национальное единство. На Тайване: австронезийское происхождение аборигенов, тайванизация, декитаизация.

Заключение

Основные этапы, особенности и перспективы развития мировой историографии

В этой книге собраны, систематизированы и изучены материалы мировой историографии, посвящённой изучению этнополитической истории Тайваня в XVII–XXI вв. В ней последовательно рассмотрены этапы, особенности и перспективы развития всех основных сегментов историографии, неотъемлемую часть которой составляют российские исследования. Указанные сегменты представлены по отдельности и в сравнительном ключе, выявляющем их сложные взаимосвязи и эволюцию. Для более наглядного обобщения процессов и результатов исследований по этнической истории и этнической политике на Тайване уместно обобщить содержание предшествующих глав.

Изучение этнической истории Тайваня началось в XVII в. и имеет почти четырёхвековую историю. За эти века в мировой науке сложилось несколько историографических «сегментов», разделяемых нами на российскую, западную (Европа, США и Австралия), японскую и китаеязычную (Тайвань и материковый Китай) историографию. Каждая из них имеет свои особые локальные истоки, традиции, историю и этапы развития. Постепенное развитие этих изначально раз-

брошенных по разным странам и регионам исследований привело к тому, что уже в XIX в., особенно после 1860 г., проявилась тенденция к их сближению и взаимовлиянию. В XIX–XX вв. эта тенденция претерпевала подъёмы и спады, вызванные региональными и мировыми войнами, революциями, становлением и крахом колониальной системы, рождением и падением империй и прочими внутренними и внешними причинами. К рубежу XXI вв. сближение указанных историографических «сегментов» стало обретать характер быстро ускоряющегося «глобального синтеза», открывающего перед исследователями этнополитической истории Тайваня совершенно новые, небывалые научные горизонты. Однако движение к этим горизонтам требует своевременного обобщения и осмысления всей мировой историографической традиции. Попытка хотя бы частично решить эту задачу путём первого в своём роде глобального историографического обзора как раз и предпринята в проведённом нами исследовании.

Хотя самые первые письменные известия этнографического плана о формозцах и их правителях зафиксированы в средневековых китайских источниках, последовательное, подробное и систематичное описание этнической ситуации на острове началось лишь с появлением в XVII в. европейских колонизаторов (голландцев и испанцев), заложивших мощную основу для её научного изучения в последующие века. Сбор сведений о формозцах предпринимался для их «оцивилизации», обращения в лояльных подданных и эффективного управления ресурсами острова, что, в свою очередь, было нужно для жёсткой экономической эксплуатации колонии в интересах метрополии.

Специфическую основу ранних европейских письменных источников по Тайваню составляют документы голландских (Голландская Ост-Индская Компания) и испанских колониальных властей, а также личная переписка и сочинения их служащих. Поскольку немалую часть служащих-европейцев составляли миссионеры, их письменное наследие имело не только деловой, но и ярко выраженный религиозный характер. Интересы миссионеров нередко расходились с интересами нанявшей их Компании, поэтому сообщаемые ими сведения и суждения нередко противоречили официальным директивам и образовали хорошую основу для последующего критического изучения политики метрополии.

Указанные документы свидетельствуют о том, что одной из главных причин провала европейского колониального эксперимента на острове была активная, но близорукая этническая политика. Безоглядное привлечение всё новых «податных» китайских переселенцев, ущемление интересов аборигенов, хищническое разграбление природных ресурсов и нежелание вкладывать в развитие колонии хотя бы минимально необходимые средства, привели к разрушению экосоциального баланса, в результате чего голландцы утратили контроль над ситуацией и были изгнаны с острова.

После краха правления голландцев (1624–1661) и их изгнания китайским генералом Чжэн Чэн-гуном (Косингой) европейские колонисты навсегда исчезли из местного этнического поля, хотя на острове ещё долго проживали их потомки от смешанных браков и туземные адепты христианства, пользовавшиеся латинизированным письмом, изобретённым миссионерами-иезуитами. После исхода голландцев европейские

визитёры не появлялись на острове около полувека. Но с начала XVIII в. немногочисленные западные миссионеры вновь получили ограниченный доступ на остров, на этот раз в роли картографов, эмиссаров китайского императора Канси (1654–1722). Собранные ими сведения были единственными западноязычными источниками тех лет, содержащими прямые этнографические сведения и скудную информацию о политике местной китайской администрации.

После принудительного «открытия» Китая для капиталистических держав, с середины XIX в. и до наших дней, «миссионерская» наука (исследования миссионеров) по-прежнему составляет важную часть западных исследований по этнополитической истории острова. Именно она послужила первоосновой для предпринимаемых с 1-й пол. XVIII в. и на рубеже XX в. попыток историко-библиографического обобщения сведений о Тайване. С последней трети XIX в., помимо публикаций западных миссионеров и редких заезжих учёных (Стир, Макей, Дэвидсон и др.), ещё одним важным источником становятся записи торговых агентов, таможенников, дипломатов, врачей, инженеров, смотрителей маяков и прочих европейских резидентов на Тайване, сочетавших свою основную работу со сбором сведений об острове и его обитателях.

Главная особенность развития западной историографии до начала XX в. состоит в её тесной связи с колониальной политикой, экспансией торгово-экономического капитала и религиозно-просветительской деятельностью. Светское изучение этнографии (Стир) и этнополитической истории острова (Лежандр), если не считать японских работ на западных языках в коло-

ниальный период (1895–1945), было не слишком существенным и возобладало лишь после 1945 г.

В целом, начиная с XVII в. западными исследователями был накоплен огромный, бесценный в научном плане материал о коренных и пришлых обитателях Тайваня, о языках, обычаях, культуре, религии, демографии, внутриостровных миграциях и связях различных этнических групп, а также об этнической политике островных властей. Если главным предметом внимания для миссионеров-исследователей была в основном языковая и религиозная ситуация на острове, то светская «колониальная наука», исходившая из интересов освоения острова, делала главный акцент на темы покорения, управления и самоуправления разных этнических групп, на регулирование их межэтнических связей и доступа к территориям, природным, трудовым и прочим ресурсам.

На рубеже XIX–XX вв. накопленные сведения побудили западных учёных к новым попыткам масштабного обобщения материалов по истории острова (Д. Дэвидсон. Остров Формоза: прошлое и настоящее, 1903 и др.). Но в целом в эпоху японского правления западное тайваневедение было изолировано от острова и пережило глубокий спад. В послевоенное время в нём поначалу доминировали полевые антропологические, в т.ч. выборочные тематические и «включённые» исследования (case studies), непрерывно ведущиеся в отдельных селениях острова многие десятилетия. Важной новой тенденцией стало постепенное «открытие» после 1945 г. для западной науки полувековых достижений японской колониальной этнологии и попытки переосмысления всей колониальной истории острова. В свою очередь, результаты западных исследований,

методологий и методик оказали большое влияние на исследования японских, тайваньских и китайских (в КНР) учёных.

В 1960-х гг. в мировую науку пришло новое поколение этнических китайцев (в основном из Тайваня), получивших образование на Западе, прежде всего в США. Эти учёные писали работы на западных языках, применяли новейшие западные научные подходы и методики, но при этом вводили в оборот малоизвестные китаеязычные источники, по-своему корректировали традиционную для их заморских «учителей» проблематику и привнесли в западную историографию новую «китайскую струю». В частности, они внесли заметный вклад в изучение роли и места Тайваня в политике Китая (управление аборигенами и пр.), в истории дипломатических связей Китая с Японией и западными державами.

При всей широте изучавшихся в 1950–1970-х гг. проблем этнологии Тайваня, общей чертой было рассмотрение их в контексте китайской истории как части истории Китая. Этому косвенно способствовала и «культурная революция» в КНР, надолго превратившая Тайвань в «полигон» китаеведных исследований для большинства западных учёных, включая экспертов по этнической истории и политике. Вместе с тем, под влиянием краха мировой колониальной системы, к началу 1970-х гг. вновь усилилась тенденция к изучению и переосмыслению проблем колониальной этнической политики и национально-освободительных движений в более широком сравнительно-историческом и региональном контексте.

Драматичное усиление международной изоляции Тайваня в 1970-х гг. также заметно повлияло на выбор

тематики западными учёными. Их внимание вновь обратилось к проблемам маргинального этнокультурного и этнополитического статуса Тайваня, его связей с материковым Китаем, субэтнических и клановых связей среди китайских переселенцев, а также к изучению австронезийских корней и миграций аборигенов. С небольшими вариациями эта тематика изучалась и в течение последующих 30 лет.

В 1980-х гг. совокупно накопленный ресурс источников и исследований на западных языках сделал возможным и необходимым их очередное библиографическое обобщение, а быстрый рост рядов учёных и их творческое сближение позволили перейти к изданиям коллективных работ, включающих обширный материал по этнической истории и политике Тайваня. Тенденция к изучению и освещению проблем этнической истории и политики Тайваня в международных коллективных сборниках и монографиях ещё более усилилась в 1990–2000-х гг. Приход на рубеже XXI в. эры Интернета и появление открытых сайтов (информационных платформ), где размещены полные тексты почти всех источников на европейских языках, создал базу для качественно новой, теперь уже тотальной ревизии западноязычной историографии.

Открытие КНР внешнему миру и возрождение с конца 1980-х гг. связей через Тайваньский пролив позволило западным учёным приступить к прямому сравнительному изучению аборигенов острова и отдельных нацменьшинств материкового Китая. Политические аспекты этнической истории наиболее интенсивно исследуются применительно к европейской колонизации XVII в., японской колонизации (1895–1945), этнической политике Гоминьдана и «аборигенному ренес-

сансу» (с 1980-х гг. по н.в.). В частности, благодаря новым архивным фондам, открытым после 2000 г. независимыми властями острова, появились и новые западные работы, анализирующие прежде малоизученную этническую политику на Тайване в годы послевоенного правления Гоминьдана (1945–2000). Под влиянием современных этнокультурных и политических процессов на Тайване, особую популярность среди западных учёных обрела «идентология», т.е. изучение так называемой «тайваньской идентичности» и её соотношения с «китайской идентичностью» (является ли Тайвань китайским).

В теоретическом плане после 2000 г. обрели известность новые концепции, в т.ч. ревизирующие традиционную идею нераздельного моноэтничного колониального господства, и заменяющие её идеями «воображаемых сообществ (*imagined communities*)» и «совместной (кооперативной) колонизации» острова на разных этапах его истории разными этническими группами в виде «гибридных (симбиозных) колоний».

Если говорить об эпохах регионального доминирования в рамках западной историографической традиции, то с XVII в. до конца XIX в. европейцы играли в ней однозначно лидирующую роль. Интернациональный состав миссионеров обусловил сильную размытость национальных границ в «паневропейской» историографии, а их исследования фокусировались в основном на изучении аборигенов и периода европейского правления на острове в XVII в. После Второй мировой войны, в связи с особой ролью, активностью и спецификой отношений США с властями Тайваня, американская наука стала преобладать над европейской, заметно превзойдя последнюю в плане масштабов (числа учёных,

проектов и публикаций), хронологического и тематического спектра исследований, методологии и методик, объёмов сбора и изучения новых письменных, архивных и полевых материалов.

Однако в условиях быстрой глобализации современной науки эти в прошлом глубокие региональные различия всё больше теряют былую чёткость и значимость. На смену им приходит быстрая интернационализация западной историографии, усиливающаяся за счёт подключения тайваньских, китайских, японских, российских и прочих авторов, активно публикующихся на западных языках. Эта интернационализация открывает перспективу дальнейшего расширения тематики и углубления исследований, плюрализации мнений и высвобождения науки из-под влияния политико-идеологической и прочей ненаучной конъюнктуры. При этом одним из всё ещё не восполненных объективных пробелов современной западной историографии остаётся её почти полная изолированность от русскоязычных исследований по теме этнической истории и политики на Тайване.

В России первые упоминания о Формозе относятся к 1675 г. (в связи с посольством Н.Г. Спафария), а первые русские мореплаватели ступили на землю острова в августе 1771 г. Их записи об этом визите (записки канцеляриста Ивана Рюмина) были сделаны ещё в 1773 г., но рассекречены и впервые опубликованы лишь через полвека, в 1820-х гг. Хотя истоки российских исследований по Тайваню лежат в целом в русле той же европейской традиции, начиная с 1870-х гг. они стали обретать свои особенности, автономность и уникальную научную ценность. Первое общее знакомство российской публики с Формозой и его обитателями происхо-

дило с конца XVIII в. при посредстве Запада, по мере появления в Европе печатных сочинений об острове (например, энциклопедии Дюгальда) и переводов этих сочинений на русский язык. Сведения западных миссионеров служили основой и для российских светских публикаций о Формозе.

Прямое и систематичное научное изучение Тайваня в России сильно затруднялось удалённостью острова, нехваткой сведений, научных сил и государственного интереса к острову. Оно заметно активизировалось лишь с открытием границ Китая после двух «опиумных войн» и подписания Китаем неравноправных договоров с западными державами. С рубежа 1870-х гг., вскоре после открытия в 1860 г. доступа на Тайвань для иностранцев, российские военные моряки, таможенники, путешественники и учёные оказались в числе немногих исследователей, лично побывавших на острове и ставших истинными пионерами его изучения.

В отличие от западной синологии, равно как и российского китаеведения XVIII–XIX вв., связанного с деятельностью православной духовной миссии в Пекине, изучение Тайваня россиянами изначально носило чисто светский характер и не имело официальной церковной, государственной или корпоративной поддержки. Полевые научные изыскания велись стихийно, эпизодически, силами лишь нескольких россиян (Ибис, Мольтрехт, Елисеев, Невский). Действуя в одиночку, на свой страх и риск, они собирали уникальный эмпирический материал и успешно изучали его с помощью передовых для своего времени научных теорий и методик. При этом, в отличие от западных и японских учёных, чаще всего открыто обслуживавших запросы колониальных властей и других политических заказчиков,

исследования россиян не зависели от прямых экономических, политических и военных интересов России в отношении острова. Даже собранные военными агентами и эмиссарами сведения, а также военно-аналитические материалы об острове обычно публиковались в открытой русскоязычной прессе. Отсутствие государственного интереса и вмешательства, с одной стороны, сдерживало эти изыскания, обрекая их на эпизодичность и делая их уделом энтузиастов-одиночек. С другой стороны, принципиально неконъюнктурный характер предпринимавшихся россиянами исследований предопределил их высокую достоверность и объективность, свободу от тенденциозных влияний, трактовок и предрассудков.

Высокий уровень этих исследований был обусловлен и тем, что россияне хорошо знали и использовали материалы западной историографии XVIII–XX вв. и японской историографии начала XX в. В ходе своих полевых изысканий они затрагивали важнейшие темы, проблематику и теории современной мировой науки, эффективно применяя для этого весь доступный комплекс источников и весь доступный арсенал научных методов и методик (сравнительный анализ письменных и устных источников, данных истории и современности, опросные методы сбора фактов, фольклора и лингвистических данных, антропометрия, письменная и визуальная фиксация личных полевых наблюдений, проверка теорий и гипотез при помощи эмпирических сведений и т.д.). Таким образом с последней четверти XIX в. (с 1874 г.) и до конца 1920-х гг. россияне играли важную роль в мировых исследованиях по Тайваню, а личный и совокупный вклад российских исследователей (В.А. Терентьев, П.И. Ибис, А.К. Мольтрехт,

С.Г. Елисеев, Н.А. Невский, Н.П. Мацокин и др.) в изучение этнической истории и политики, языков и культуры Тайваня поистине бесценен и требует дальнейшего изучения.

Более активное государственное участие в отечественных тайваньских исследованиях стало ощутимым лишь при СССР, к середине 1930-х гг. Но это участие было противоречиво и связано прежде всего с международной политической обстановкой, идеями экспорта коммунистической «мировой революции» и с ростом японской экспансии в Азии. К тому времени советские учёные уже не могли работать на самом острове, а их работы стали обретать либо чрезмерно идеологизированный вид, диктуемый нуждами классовой, революционной и антиколониальной борьбы, либо подчеркнута академичный вид оторванных от современности, аполитичных этнографических штудий. Следует признать, что даже сложная политическая обстановка и жёсткая «марксистская» риторика не помешали советским учёным публиковать в те годы ряд вполне солидных исследований, сохраняющих научную ценность и в наши дни. А недостающие сведения о японской колонии, в т.ч. о текущей этнополитической ситуации на острове, компенсировались за счёт переводов и публикации японских авторов.

К сожалению, заложенные к 1930-м гг. традиции были резко прерваны сначала самим государством, истребившим лучших востоковедов в ходе сталинских репрессий, а затем и Второй мировой войной. Одним из последствий этих негативных обстоятельств стало то, что работы упомянутых российских исследователей до сих пор слабо изучены, а их реальный вклад в изучение этнической истории острова был незаслу-

женно забыт или недооценен. Некоторые их рукописи (доклад С.Г. Елисеева о Тайване и др.) опубликованы в России лишь в последние годы, а некоторые (статья Н.В. Кюнера об аборигенах Формозы и др.) не изданы до сих пор. Между тем стоит повторить, что этот вклад по-прежнему бесценен для отечественного и мирового востоковедения. Он может послужить солидной основой для будущих научных исследований, возрождения и сбережения этнокультурных традиций в современном Тайване, а также для дальнейшего развития научных и общественных связей Тайваня и материкового Китая с Россией в XXI в.

В первые два послевоенных десятилетия издававшиеся в СССР научные работы по Тайваню и тайваньской этнической тематике были случайными и единичными. Лишь с середины 1960-х гг. эти исследования чуть оживились, отчасти под влиянием кризиса в отношениях с КНР и резко изменившегося с конца 1971 г. международного статуса КНР и Китайской республики на Тайване. Вплоть до начала 1990-х гг. более или менее последовательное специальное изучение истории Тайваня, в том числе проблем этнической истории, политики и культуры острова, вели только Ф.А. Тодер и М.Ф. Чигринский. При этом, в силу закрытости СССР, они пользовались преимущественно фондами советских архивов и библиотек, не имели свободного доступа к зарубежным материалам и были полностью изолированы от связей с учёными КНР, Тайваня и других стран.

Возрождение российско-тайваньских научных связей после 1991 г. открыло новую эру для тайваневедов России. После перерыва в 60 с лишним лет они вновь обрели возможность работать на Тайване, свободно

использовать весь круг иноязычных источников и литературы, общаться с тайваньскими и другими зарубежными коллегами. Это заметно повысило количество и качество постсоветских российских публикаций по этнологии и этнополитической истории острова, хотя общая изученность данной темы в России всё ещё невысока.

Начало XXI в. совпало с появлением (после очередного спада конца 1990-х гг.) ряда новых работ и имён востоковедов, заметно ожививших изучение этнической истории Тайваня в России. Их сильной стороной стало владение современными теориями, личное знание острова и доступ ко всему спектру источников и литературы, включая тайваньские, японские, китайские, российские и западные научные труды. Несмотря на относительно небольшое количество работ современных российских авторов, они охватывают довольно широкий круг тем, такие как пути древних миграций и заселения острова, связи древних культур с современными коренными этносами; политика управления туземцами при голландцах; обычаи и фольклор тайваньских аборигенов; языковая политика на острове в XVII–XXI вв.; этническая история и политика в годы правления японцев (1895–1945); политика «деяпонизации», «рекитаизации», «декитаизации» и «тайванизации» тайваньского общества на разных этапах его истории, формирование так называемой «тайваньской идентичности» и т. д.

Накопленный к настоящему времени материал подготовил почву для выхода обобщающих работ, авторы которых изучают этническую историю Тайваня в контексте этнонациональной политики и нациестроительства в «большом» Китае. Явлением нового порядка

стали и изданные в последние годы историографические работы по данной теме, обобщающие почти четырёхвековой мировой опыт и достижения западных, российских, китайских, тайваньских и японских учёных.

Слабостью отечественной историографии остается её относительная изолированность и неизвестность за рубежом, догоняющее по отношению к мировой науке развитие, ограниченность числа исследователей, изучаемых тем и проблематики, недостаточность теоретического осмысления фактических материалов. В то же время преимущество российских учёных состоит в обладании ценными русскоязычными материалами, при современном свободном доступе к мировым историографическим ресурсам. Очевидно, что в обозримой перспективе изучение этнической и этнополитической истории Тайваня будет оставаться одной из приоритетных научных задач для российских учёных. Их важнейшей миссией будет также превращение российских достижений в органичную часть и реально востребованное достояние всей мировой науки.

На самом Тайване этнология зародилась как наука лишь в годы японского колониального правления (1895–1945). Её ведущую роль определил Гото Симпэй (гражданский губернатор острова в 1898–1906 гг.), который считал, что курс всей политики, все планы управления нужно строить на основе этнологии. Под «этнологией», очевидно, подразумевался системный сбор массива этнографических и прочих данных о полиэтничном населении острова, необходимых для их скорого и эффективного «усмирения», «ояпонивания» и обращения в лояльных подданных.

Помимо прямого обслуживания колониальной политики, этнические исследования японцев на Тайване

явились и откликом на цивилизаторские призывы мировой антропологии к спасению исчезающих этнических культур.

Используя полевые материалы, китайские и отчасти западные письменные источники, японцы собрали богатейшие этнографические данные, разработали терминологию, схемы, модели и подходы, оказавшие громадное влияние не только на современную им политику и науку, но и на всё дальнейшее развитие тайваньских и мировых исследований. Но противоречивость позиций японских этнологов состояла в том, что, работая на колониальные власти в роли «интеллектуальных посредников», они не были авторами этнической политики, и при этом не были до конца свободны и последовательны в своих научных выводах. Выступая с передовыми научными теориями в защиту аборигенов, на деле они должны были искать ответы на вопросы, продиктованные интересами колониальных властей, поставлять «научные» доводы и оправдания для репрессий против части немирных, якобы неспособных цивилизоваться «дикарей».

Разрозненные исследования первых лет активизировались и обрели системный характер после 1905 г., когда колониальные власти упрочились на острове, а японские учёные занялись масштабным комплексным изучением не только текущего состояния, но и истории управления аборигенами и местными китайцами. После 1905 г., когда Тайвань досрочно достиг самокупаемости и независимости от финансовых вливаний из метрополии, японцы сочли возможным предьявить итоги своего правления на острове уже не только согражданам в метрополии, но и всей мировой общественности, скептически оценивавшей методы

и результаты колониальной политики Японии. В противовес этой критике японские власти стремились представить остров как «образцовую колонию» или наилучшую модель правления, успешно вобравшую достижения науки и лучший опыт других колониальных держав.

В историографическом плане исследования японских этнологов на Тайване делятся на три этапа: 1) первичное изучение силами Токийского антропологического общества (1895–1900); 2) широкие полевые исследования по эгидой «Временного комитета по обследованию старинных обычаев Тайваня» (1901–1928); 3) академические исследования с момента основания в 1928 г. Тайбэйского университета и до 1945 г.

Первые два этапа были связаны со сбором эмпирических материалов в интересах выработки эффективной колониальной политики. На третьем этапе японские исследования обрели менее прикладной и более академичный характер, а полевой сбор этнографических фактов дополнился применением кросскультурных подходов, компаративистских методик и, в итоге, более глубоким теоретическим осмыслением научных материалов.

В совокупности, за полвека работы на Тайване японцы подняли изучение аборигенов и местных китайцев на небывалый научный уровень, а их научные труды заложили мощнейшую источниковедческую и историографическую основу для продолжения этнических исследований на острове после 1945 г. и наметившегося примерно с середины 1980-х гг. «аборигенного ренессанса».

После 1945 г. японцы утратили прежние возможности и мотивы для ведения научной работы на

Тайване. Лишь немногие из них остались на острове, где продолжали преподавание и научную работу. Но в 1949 г., после принятия Закона о военном положении (1949–1987), им тоже пришлось покинуть Тайвань. В 1950-х гг. в Японии продолжали выходить отдельные работы по этнологии Тайваня. Но лишь с конца 1960-х гг. японские этнологи стали вновь посещать остров для ведения исследований. Используя фонды колониальных архивов, полевые материалы и работы тайваньских коллег, японцы фокусировались в основном на эпохе японского правления, а также на истории и этнографии отдельных аборигенных народностей острова.

В целом послевоенные работы японских этнологов по Тайваню носят довольно разрозненный, тематически неширокий, предметно-эмпирический, позитивистский характер, а этнополитическая тематика занимает в них достаточно скромное место. Лишь в последние годы, в свете наметившегося отхода от чисто негативной оценки японского правления на острове, появляются и внушительные обобщающие труды, где системно представлены все основные аспекты японского правления на Тайване, включая этническую историю и политику как слагаемое колониального успеха. При этом сегодня, в эпоху быстрой глобализации, японские научные исследования становятся всё более важной и органичной частью региональных и мировых исследований по этнологии и этнополитической истории Тайваня.

Историография японских этнологических исследований на Тайване в 1895–1945 гг. также издавна привлекала внимание мировой науки. Уже на заре XX в. их изучение вели россияне. После 1945 г., в первые послевоенные годы, на необходимость их изучения указывали американские учёные. В 1950–1980-х гг. эта тема

регулярно освещалась в историографических статьях тайваньских и японских учёных. В 1980–2000-х гг. её изучение вышло на ещё более широкий международный уровень и заметно оживилось, во многом под влиянием небывалых социально-политических перемен на Тайване, возродившегося интереса к истории и культуре острова, а также назревшей потребности в объективном переосмыслении японского научного наследия и колониального прошлого.

Исследования по этнической истории и политике Тайваня, которые велись на самом острове в послевоенное время, составляют особое историографическое направление. Его важнейшей особенностью является неразрывная связь с японской историографией. Одной из первых задач, вставших перед учёными Тайваня после 1945 г., было освоение японского наследия и продолжение научных исследований, прерванных с уходом японцев. С другой стороны, возврат Тайваня под власть Китая возродил интерес к острову у китайских учёных, хотя после 1949 г. тайваньская этнология вновь оторвалась от китайской науки на целые 40 лет.

Синтез японской и китайской научных школ, а позднее и западных теорий и методик открыл новые горизонты для развития этнологии на острове. По мере своего развития тайваньская научная школа постепенно обретала всё более мощную эмпирическую базу, использовала как традиционные, так и новейшие теоретические и методологические наработки.

В первые 20 послевоенных лет главным объектом изучения в островной этнологии оставались аборигены. Сохранялись и методы японского периода (любовь к комплексному сбору сведений специалистами разных профессий и пр.), позволившие накопить ещё больше

этнографических данных о коренных формозцах. Помимо переводов с японского и сбора полевых материалов, учёные острова вели кросскультурные исследования, сравнивая особенности аборигенных культур Тайваня и других стран АТР.

В 1950-х гг. изучение этнополитической истории фокусировалось в основном на китайском правлении минского клана Чжэн (1661–1683) и династии Цин (1683–1895). Изучение истории правления европейцев, как и японского периода, затруднялось политической закрытостью острова и архивов, труднодоступностью зарубежных источников и языковым барьером.

Примерно к 1965 г., под влиянием новых тенденций в развитии тайваньской этнологии, изучение аборигенов испытало сильный спад. Молодое поколение тайваньских этнологов, изучившее за границей западные антропологические теории и методы, стало осваивать новые сферы исследований и перенесло внимание на общины зарубежных китайцев (*хань жэнь, хуацяо*). Этнология перестала считаться лишь «наукой о туземцах» или нацменьшинствах, отошла от китаецентризма и впервые охватила самих китайцев как объект изучения и один из многих населяющих Тайвань этносов. Ранее почти не привлекавшее внимание местных учёных, это направление вступило в ключевой «этап взлёта и созревания ханьских исследований на Тайване», который, по мнению тайваньского академика Ли И-юаня (1931–2017), пришёлся на 1965–1989 гг.

Переход части учёных к изучению этнических китайцев повлиял не только на изменение проблематики и методологии, но и качественно изменил весь характер островной этнологии, вывел её на новый, более открытый, масштабный и современный уровень.

Этому способствовало и влияние западных учёных, которым после начала «культурной революции» пришлось перенести фокус китаеведных исследований из КНР на Тайвань.

Бум в изучении этнических китайцев вызвал спад в изучении аборигенов, но не его прекращение. Возрождение аборигенных исследований требовало переноса фокуса внимания с полевых изысканий на освоение теории, а также с материальной культуры на духовную, на идеологию и социальные отношения. Был нужен переход от изучения отдельных тем и народностей к широким сравнительным (кросскультурным, межэтническим, межрегиональным) исследованиям, внедрению комплексных подходов, расширению прикладных исследований, системному планированию научной работы и подготовке этнологов из числа самих аборигенов.

С рубежа 1980-х гг. на острове заметно усилилось внимание к изучению ассимилированных равнинных аборигенов *пинпу*. При японцах и в течение 40 послевоенных лет оно было периферийным по отношению к изучению горных аборигенов *гаошань*. Но пришедшее с середины 1980-х гг. в науку новое поколение островных учёных, опираясь на работы немногих предшественников, вновь оживило изучение *пинпу* (очень неоднородных по составу, как и *гаошань*) и их «этнических связей» с китайским населением.

Руководствуясь идеологией правящего Гоминьдана, нацеленной на антикоммунизм и объединение Китая, а также на форсированную китаизацию жителей Тайваня, вплоть до конца 1980-х гг. власти острова не поощряли научное изучение этносоциальных иерархий, неравенства и различий. Но отмена в 1987 г. «Закона о воен-

ном положении» и быстрая демократизация Тайваня привели к бурному всплеску «исследований этнических связей», включавших самые разные аспекты и уровни сравнения четырёх основных этнических групп на острове: потомков давних китайских мигрантов из субэтнических групп *хокло* и *хакка*, бежавших на остров после 1949 г. материковых китайцев *вай-шэн жэнь* (более 1 млн. чел. почти 60 национальностей) и аборигенов. При этом тайваньские этнологи уже стремились выйти за рамки изучения собственно острова и моноцентричных исследований, вели межэтническое и кросскультурное сравнение Тайваня с другими обществами, этносами и культурами в Восточной Азии, Америке и других регионах мира.

Ещё одной важнейшей, ключевой вехой в развитии тайваньской этнологии стало возрождение с конца 1980-х гг. двусторонних связей с учёными из КНР, вновь заметно усилившее внимание к роли Китая, китайцев и китайской культуры в истории Тайваня.

Рост публичного внимания к этнической истории острова побуждал местных учёных заново определить место Тайваня в китайской, региональной и мировой истории, ответить на вопросы о том, что представляет собой тайваньская история, как она соотносится с историей Китая, переосмыслить роль различных этнических групп и совокупную роль этнического фактора в истории и политике острова. По сути, рубеж 1980–1990-х гг. оказался связан с радикальным сдвигом общих подходов к этнической истории Тайваня и вступлением в новый этап научного развития, а именно: либерализации и активной, порой даже форсированной «тайванизации» островной этнологии, исторической науки и политологии. Экономический расцвет и демо-

кратизация острова, подъём аборигенного движения и пробуждение самосознания всех этнических групп превращали историю Тайваня во всё более насущный предмет общественного и академического внимания. В местной историографии появились «теория субъектности Тайваня» и другие теории, доказывающие, что остров был не просто пассивной периферией китайской истории, но активным автономным субъектом региональной и мировой истории. При этом этнополитические аспекты истории и современных общественных отношений заняли в научных работах последних десятилетий важнейшее, едва ли не центральное место.

Пожалуй, главной переменной стал отход от официально предписанного «единомыслия», плюрализация научных подходов и радикальный пересмотр ряда общих, в прошлом «незыблемых» этнологических концепций, служащих фундаментом научных и публичных представлений об этнокультурном, историческом и политическом развитии Тайваня. Все эти изменения происходят в рамках двойного процесса: ускоряющейся «тайванизации», роста внимания к австронезийским и японским элементам истории и культуры, с одной стороны, и постепенной «декитаизации» островной этнологии, с другой стороны. При этом резкий рост числа официально признанных аборигенных народностей (с 9 до 14 в 2001–2008 гг. и до 16 к 2014 г.) доказывает качественные, хоть и не всегда научно обоснованные сдвиги в подходах властей и учёных к выбору критериев и оснований для признания всё новых этнических меньшинств.

Вплоть до начала 1990-х гг. на Тайване официальный подход к этнологии и этнополитической истории острова определялся единой, полностью созвучной

историографии КНР установкой на то, что «Тайвань является неотъемлемой частью Китая». Но уже в первой половине 1990-х гг. факт возвращения Тайваня после 1945 г. в «большую семью Китая» и даже его принадлежности к этой семье был подвергнут сомнению не только пронеэависимыми политиками, но и Ли Дэнь-хуэем, в те годы президентом Китайской республики и председателем Гоминьдана. Двусмысленные «пронеэависимые» заявления Ли дали сильный внешний толчок к научной переоценке характера всей этнической истории и политики Тайваня, облегчив появление новых «тайванецентричных» теорий, создаваемых рядом местных учёных. Эти теории были активно поддержаны пронеэависимым правительством Тайваня в 2000–2008 гг., но не получили реального признания из-за слишком тесной связи с политикой, а также отсутствия должной проработанности и научной основы.

Разумеется, ведущиеся в последние 20–25 лет этнополитологические исследования на Тайване вовсе не сводятся к сочинению скороспелых конъюнктурных теорий. Развитию солидных научных исследований в 1990–2000-х гг. способствовали приход как минимум двух новых поколений учёных и серьёзные структурные перемены, в т.ч. официальное создание в 2004 г. НИИ истории Тайваня при академии Синика.

Высокое внимание к жанру историографии, связанное с ростом числа публикаций и появлением новых авторов, расширением тематики и плюрализацией подходов, также является важной чертой современных этноисторических и этнополитических исследований на Тайване. Ещё одной заметной тенденцией стал выход в 2000-х гг. новых исторических серий («История аборигенов Тайваня» в 17 тт. и др.) и ряда специальных

работ, анализирующих не только историю отдельных народностей, но и многие аспекты межэтнических связей на Тайване в свете концепций мультикультурализма, теории конфликтов и прочих современных теорий.

Особенностью островной историографии стало также издание в последние годы серии новых или обновлённых версий учебников по истории Тайваня, где этническая история и политика служат чётким индикатором личных позиций их авторов. Особое место занимают и специальные работы, обобщающие закономерности в развитии этнических связей и процессов на Тайване и в мире, а также этапы этнической истории и политики острова, эволюцию «тайваньской идентичности» и пр. Многие из этих работ имеют не столько академический, сколько прикладной, научно-популярный характер, нацеленный на запросы современной островной и международной политики.

Таким образом период с конца 1980-х гг. до наших дней связан с бурным расцветом «истории Тайваня» как особой сферы научных исследований на острове, всё менее подчинённой и периферийной в отношении истории Китая. Пик этой тенденции пришёлся на 2000–2008 гг., когда прорезавшиеся власти острова официально поддерживали противопоставление истории Китая и Тайваня, причисление первой к курсу «всеобщей истории», а последней – к «отечественной истории». Правда, подобный подход разделяли далеко не все тайваньские учёные, а после возвращения Гоминьдана к власти в 2008–2016 гг. он снова лишился официальной поддержки.

В целом для современных тайваньских исследований типично признание факта сосуществования альтернативных подходов к истории, уже не сводимых

к построениям «единственно верных» официальных моделей «однолинейного» или однополярного исторического развития при безраздельном доминировании отдельных привилегированных этносов. Вместо этого современные тайваньские учёные фокусируются на изучении неоднозначных, многомерных и динамичных явлений – на развитии маргинальных этносоциальных групп, регионов, социальных связей и горизонтов, в прошлом недооценивавшихся или вовсе игнорировавшихся официальной историографией. Все эти тенденции отражают уникальный подвижный дуализм «объединительного» (Тайвань – часть Китая) и «пронезависимого» (Тайвань – не Китай, а особый субъект истории) научных подходов, возникший в новую эру «тайванизации» истории острова. Как признают сами островные учёные, соперничество, диалог и взаимное обогащение двух названных подходов составляют один из самых важных аспектов интеллектуального ландшафта в современной тайваньской историографии, от которого во многом зависит и её будущее развитие.

Рост внимания тайваньских учёных к этнополитической истории как ключевому аспекту местной истории связан не только с внутренним развитием острова, но также с переменами в связях двух сторон Тайваньского пролива и в геополитике всей Восточной Азии и АТР. Конкуренция порождённых старыми и новыми реалиями различий во взглядах учёных из разных стран способствует повышению уровня этноисторических и этнополитологических исследований на самом острове. Реализация последней задачи происходит за счёт растущей интернационализации, активного синтеза научных дисциплин («историзация этнологии» и «этнологизация истории», синтез истории / социоло-

гии / политологии и пр.), а также всё более осознанного, объективного поиска новых теоретических и практических научных подходов, уравнивающих былые крайности «колониальных» и «постколониальных», «китаизаторских» и «декитаизаторских» трактовок тайваньской истории.

Изучение этнической истории Тайваня учёными КНР, формально берущее отсчёт с 1949 г., имеет свои особенности, принципы и традиции, главное ядро которых состоит в неизменном рассмотрении истории острова как «неотъемлемой важной составной части истории Китая». Хотя в материковом Китае нет научных учреждений, специализирующихся на этнической истории Тайваня, её активное изучение ведётся во всех ведущих центрах тайваньских исследований и многих других научных центрах, составляя важнейшую часть китайского «тайваневедения».

Согласно предложенной мною новой периодизации, исследования в КНР по этнической истории Тайваня прошли 4 этапа: 1) 1949–1966; 2) 1976–1989/90; 3) 1989/90–2000; 4) 2000–2008 и до н.в. Первый этап (1949–1966) – *зарождение и становление «марксистских» исследований по данной теме*, отражал новую политику и борьбу властей КНР против бежавшего на остров правительства Гоминьдана. Научные труды тех лет содержали общие сведения по этнической истории Тайваня. Их отличал акцент на национально-освободительную борьбу формозцев против западных и японских колонизаторов, а также на изучение миграций аборигенов и китайцев, доказывающих, что Тайвань – древняя «неотъемлемая» часть Китая. Второй этап (1976–1989/90) – *возрождение исследований*, на целое десятилетие прерванных «культурной революцией».

Возврат науки в нормальное русло и расцвет изучения этнической истории Тайваня в КНР ускорила начавшаяся с конца 1980-х гг. «оттепель» в двусторонних научных связях через Тайваньский пролив. Третий этап (1990–2000) – период «тайванизации китайского тайваневедения». Исследования этого периода велись в материковом Китае под мощным влиянием открывшейся островной базы источников и достижений тайваньской науки. Примерно к концу 1990-х гг. в КНР выявился спад исследований, вызванный тем, что почти все доступные после 1958 г. материалы были использованы за 40 лет много раз, а учёные КНР не могли регулярно работать на острове и не имели широкого доступа к голландским и японским материалам. Эти же годы совпали с уходом из науки ряда ведущих учёных, а молодёжи понадобилась пауза для усвоения данных, которые стали поступать с острова быстро нарастающим потоком. Этот этап завершился одновременно с приходом в 2000–2008 гг. к власти на Тайване адептов независимости, мечтавших официально отбросить общие для Гоминьдана и КПК установки на историческое и этнокультурное единство двух сторон Тайваньского пролива. Власти острова (ДПП) начали ревизию основ местной этнологии. *Деконтаизация* и *тайванизация* истории острова, связанные с попытками выявить некую *островную идентичность*, питаемую некитайскими (австронезийскими) культурно-генетическими корнями, вынудили учёных КНР перейти в контрнаступление: от прилежного изучения опыта островных коллег к пересмотру старых и критике их новых политизированных подходов. Тем самым наступил четвёртый этап изучения этнической истории острова в КНР (2000–2008 гг. и до н.в.) – этап «кон-

тртайванизации» или всекитайской мобилизации на борьбу с «деконтазацией» этнологии Тайваня. Именно установки официального Тайбэя стали тем главным внешним фактором, который вынудил китайскую науку мобилизоваться, перестроиться и поднять весь арсенал аргументов с уровня частных споров до уровня мощной, системной госпрограммы комплексного изучения истории острова.

Эти перемены признают и сами китайские учёные, отмечающие крупную перестройку научных структур, рост внимания к фундаментальным исследованиям, создание баз данных по истории острова и активизацию связей с учёными на Тайване. Новыми веяниями стали активное изучение иноязычных материалов, а также сравнительное изучение матриц и версий «Истории Тайваня», издаваемых на двух берегах Пролива. Структурные перемены позволили осуществить ряд общенациональных проектов, включавших сбор, переиздание и реформатирование всех имеющихся архивных и исследовательских материалов в виде печатных работ и электронных баз данных («Банк документов по изучению нацменьшинств Тайваня» и пр.). Все эти проекты хорошо спланированы и велики по размаху и ресурсам, а их лейтмотив выражен известными формулами «Китайский материк, Тайвань – общие корни, общие истоки» 大陆、台湾同根同源 и «Два берега Пролива – кость и плоть общих предков и общих обычаев» 两岸骨肉同祖同俗.

Критикуя тайваньцев за ангажированность, учёные КНР и сами испытывают влияние политических ветров на Тайване уже хотя бы потому, что вынуждены чутко следить за метаморфозами островных исследований и полемизировать с ними. Доступ к данным о текущей

ситуации на Тайване, вкупе с новым курсом властей острова на активную помощь аборигенам, повлияли на *модернизацию* интересов учёных КНР. Их внимание всё больше смещается от истории к современности, к изучению возникшего в 1980-х *аборигенного движения*, движения за *самоуправление* аборигенов и т.д.

Из-за возникшего за время изоляции и «культурной революции» разрыва в подходах и уровне исследований по двум берегам Тайваньского пролива исследования в КНР идут с существенным отставанием. Например, если на Тайване изучение равнинных аборигенов *пинпу* началось ещё в 1980-х гг., то в КНР эта тема и сегодня остаётся белым пятном, а публикации носят *догоняющий* характер, освещая в основном историографию: состояние, методы и перспективы изучения *пинпу* в других странах. Показательным признаком подобного разрыва служит и то, что в КНР в отношении тайваньских аборигенов всё ещё применяют термин *гаошань* (горцы), тогда как на Тайване термины *гаошань* и *шаньбао* (горные соотечественники) давно отброшены как некорректные, дискриминирующие экзотонимы и с 1994 г. официально заменены термином *юаньчжуминь* (коренные народы).

Если учёные Тайваня уже в 1970-х гг. стали изучать этнических китайцев в роли объекта этнической политики, а не просто правящего и изучающего субъекта, то учёные КНР до сих пор склонны приравнивать этническую политику к управлению нацменьшинствами. Вместе с тем следует отметить быстрый прогресс науки КНР в последние годы. Яркий пример – работы Чэнь Цзянь-юэ, известного эксперта по теории этносов и этнической истории Тайваня. Изданная им в 2009 г. монография «Аборигены Тайваня: исследование исто-

рии и политики» написана на широком круге китайских и зарубежных материалов, с учётом достижений современной мировой науки.

В целом особенность четвёртого этапа изучения этнической истории и этнической политики Тайваня в КНР состоит в резком расширении географии и масштабов исследований, достигших всекитайского уровня. Мощная поддержка государства обеспечила большие структурные, количественные и качественные перемены. В плане методологии 4-й этап отличает отход от норм китайского историописания, сугубо марксистских подходов и позитивизма. Вместо сбора и пересказов эмпирики учёные КНР выбирают системный анализ. Критикуя островные «сепаратистские» теории, они внимательно изучают конкретные доводы своих оппонентов, выстраивают многоуровневую систему контраргументов, подкрепляя выводы ссылками на ведущих мировых этнологов, историков и политологов. Наконец, смена тем и проблематики исследований в КНР проявляется в том, что, наряду с прежним акцентом на «национальную борьбу» и на японский колониализм, новым лейтмотивом становится упор на историю мирного сосуществования и сотрудничества различных этносов, на анализ текущей этнической политики и критику деконтазаторских теорий, рождённых в годы правления на острове пронебезависимой ДПП (2000–2008).

Все эти особенности отражают растущую открытость и активную глобализацию современной китайской науки, её тесную связь с политической ситуацией в Тайваньском проливе. Этим же обусловлен и быстрый качественный прогресс в изучении этнической истории и политики Тайваня учёными КНР, наблюдаемый в первом десятилетии XXI в.

Изучение этнической истории, культуры и политики Тайваня быстро развивается после 2000 г. как одно из главных направлений «тайваневедения» в КНР. Как и на Тайване, оно не лишено рудиментов политических влияний, изжить которые китайские и тайваньские учёные смогут лишь сообща, по мере дальнейшего сближения и деидеологизации научных и прочих связей между двумя сторонами Тайваньского пролива.

Что касается перспектив, то сегодня учёные двух сторон Тайваньского пролива чётко осознают сходства и различия, преимущества и недостатки, возможности и ограничения работы друг с другом. Несмотря на сохранение принципиальных различий в научных подходах, постепенное сужение разрыва в исследованиях по обе стороны Пролива позволяет говорить о необратимости их дальнейшего сближения и сулит наступление 5-го этапа – этапа плодотворного *синтеза китайских и тайваньских этнических исследований*, который произойдёт на фоне эффективной консолидации всех основных сегментов мировой историографии. Следствием этого глобального сближения и синтеза будет максимальное расширение источниковедческой и историографической базы, увеличение спектра, глубины и объективности исследований, появление новых возможностей для совместных сравнительных исследований силами учёных всех стран, совершенствование методологии и повышение теоретического уровня всей мировой науки, связанной с изучением этнополитической истории Тайваня. Очевидно, немалую и всё более возрастающую роль в развитии этих исследований предстоит сыграть и российским учёным.

Список историографических источников

На русском языке

Азаренко 2008 – Азаренко Ю.А. Этнолингвистические процессы на Тайване в освещении историографии КНР. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7. № 4: Востоковедение. С. 45-51.

Азаренко 2006 – Азаренко Ю.А. Освоение Тайваня австронезийцами (по археологическим материалам). // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. № 4: Востоковедение. С. 9-19 .

Азаренко 2005 – Азаренко Ю.А. Миграция ханьцев на Тайвань до 1895 г. и их отношения с аборигенами // Общество и государство в Китае. XXXV н.к. М., 2005. С. 151-158.

Азаренко 2004 – Азаренко Ю.А. Этнологическое и историческое изучение Тайваня в Китайской Республике и в России. // Сб. докладов: Секция «Востоковедение и Африканистика». Междун. конф. студ. и мол. уч. ИСАА при МГУ. М., 2004. <http://www.studunion.msu.ru/lomonosov/Pdf/Afr.pdf>

Азаренко 2003 – Азаренко Ю.А. Проблема заселения австронезийцами Тайваня и южного побережья Китая. // Студент и научно-технический прогресс: Материалы XLI междун. науч. студ. конф. НГУ. Вып.: Востоковедение. Новосибирск, 2003. С. 3-5.

Азаренко 2008 – Азаренко Ю.А. Преодоление японского наследия на Тайване во второй половине 1940-х гг. // Студент

и научно-технический прогресс: Материалы XXXIX междуна. науч. студ. конф. НГУ. Вып.: Востоковедение. Новосибирск, 2001. С. 3-4.

Азаренко, Комиссаров 2007 – Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. Изучение этнографии Тайваня российскими исследователями. // VII конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 2007.

Азаренко, Комиссаров 2005 – Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. Мифология тайваньских аборигенов: По страницам монографии чл.-кор. РАН Б. Л. Рифтина. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. № 3: Востоковедение. С. 227-235.

Азаренко, Комиссаров 2003 – Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. Ритуальная охота за головами тайваньских аборигенов в этнографических и археологических свидетельствах. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Омск, 2003. С. 201-203.

Азаренко, Комиссаров 2002 – Азаренко Ю.А. Основные направления деятельности гоминьдановского правительства в языковой политике в 1949–1980-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2002. Т. 1. Вып. 2. С. 90-98.

Азаренко, Комиссаров 2001 – Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. Языковой аспект событий 28 февраля 1947 года на Тайване. // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI в.: Тезисы докладов XII м.н.к. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». ИДВ РАН. М., 2001. Ч. 3. С. 21-24.

Александров 1934 – Александров Б. Формоза в тисках японского империализма. // Современная Япония. Сб. 2. М., 1934. С. 74-95.

Антияпонские 1938 – Антияпонские выступления на Формозе. // Тихий океан. 1938. № 3. С. 114-115.

Асагири 1929 – Асагири (Лукьянова М.И.). Рабочее и национально-освободительное движение на Формозе. // Международное рабочее движение. 1929. № 34. С. 6-9.

Белогурова 2000 – Белогурова А.Э. Политика японской администрации на Тайване (1895–1945). // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 96-102.

Белогурова 1999 – Белогурова А.Э. Программа японской администрации по ассимиляции населения Тайваня и её реализация (1937–1945). // Общество и государство в Китае. ХХІХ н.к. М., 1999. С. 124-128 .

Берх 1821 – Берх Г. Побег графа Бенъевского из Камчатки во Францию. Отрывок из Истории географических открытий России, сочиняемой Г. Бером. // Сын Отечества. Ч. 71. 1821. № ХVІІ. С. 3-23; № ХVІІІ. С. 49-79.

Вавилов 1987 – Вавилов Н.И. Путешествие на Тайвань. // Пять континентов. Л., 1987. С. 99-101.

Вавилов Н.И. Акад. Наука в Японии. (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.). // Природа. 1930. № 4. С. 355-378.

Вогак 1895 – Донесения полковника Вогака о действиях японского правительства по усилению вооружённых сил Китая и присоединении острова Тайваня (Формозы) к Японии, о численности и вооружении китайских войск, участвовавших в параде в Пекине, об усилении английского влияния... 18 (30) сентября 1895 г. // Сведения о Китае и Японии за 1895–1898 гг. Военно-учёный архив Главного штаба. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Л. 6-11.

Головачёв 2015 – Головачёв В.Ц. Роль этнической политики в ранних японских планах «усмирения» Тайваня (по статье из официальной газеты «Ничи-Ничи» от 4 и 5 сентября 1895). // Общество и государство в Китае. XLV н. к. М., 2015. Ч. 1. С. 105-116.

Головачёв 2014 – Головачёв В.Ц. «Живописное обозрение» и исследования Тайваня в дореволюционной России

(XIX – начало XX в.). // Общество и государство в Китае. XLIV н.к. М., 2014. Ч. 1. С. 458-466.

Головачёв 2014 – Головачёв В.Ц. Изучение этнической истории Тайваня в КНР: этапы развития и современное состояние (1949–2009). // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собрание трудов. Учёные записки отдела Китая. Вып. 12. М., 2014. С. 608-612.

Головачёв 2013 I – Головачёв В.Ц. Изучение аборигенной истории и этнической политики в трудах тайваньских учёных (середина 1980-х – 2010 г.). // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. СПб., 2013. С. 152-165.

Головачёв 2013 II – Головачёв В.Ц. Полвека изучения этнической истории Тайваня в историографии КНР (1949–2000). // Общество и государство в Китае. XLIII н. к. М., 2013. Ч. 2. С. 139-151.

Головачёв 2012 I – Головачёв В.Ц. Изучение этнической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв. // Восток (Oriens). 2012. № 6. С. 162-170.

Головачёв 2012 II – Головачёв В.Ц. Этническая история Тайваня в трудах российских путешественников и учёных (конец XVIII – первая треть XX в.). // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 165-174.

Головачёв 2012 III – Головачёв В.Ц. Этническая история и политика Тайваня в трудах тайваньских учёных (эволюция историографических подходов в 1980-2010 гг.). // Общество и государство в Китае. XLII н. к. М., 2012. Ч. 2. С. 292-299.

Головачёв, 2011 I – Головачёв В.Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских учёных колониального и послевоенного периода. // Япония: ежегодник. 2011. М., 2011. С. 270-283.

Головачёв 2011 II – Головачёв В.Ц. Этнические исследования на Тайване в период с 1945 г. до конца 1980-х гг.:

историографический обзор. // В поисках «китайского чуда». Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.В. Чудодеева. М., 2011. С. 175-186.

Головачёв 2011 III – Головачёв В.Ц. Этническая история и политика Тайваня в западной историографии. // Общество и государство в Китае. XLI н. к. М., 2011. С. 276-287.

Головачёв 2011 IV – Головачёв В.Ц. Вклад востоковедов России в изучение этнической истории Тайваня (тезисы). // Модернизация и Традиции. XXVI м. н. к. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». СПб., 20–22.04.2011, С. 159-160.

Головачёв 2010 I – Головачёв В.Ц. Политика покорения аборигенов в ранний период голландской колонизации Тайваня (1624–1636). // Восток (Oriens). М., 2010. № 5. С. 24-34.

Головачёв 2010 II – Головачёв В.Ц. Кризис глобальной идентичности и «духовная деколонизация» Тайваня. // Азия и Африка сегодня. 2010. № 1. С. 38-40.

Головачёв 2009 – Головачёв В.Ц. Образование, как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945). // Общество и государство в Китае. XXXIX н.к. М., 2009. С. 212-220.

Головачёв 2008 I – Головачёв В.Ц. Визит гражданского губернатора Формозы [Гото Симпэй] в Фучжоу в 1900 г. и доктрина «единодушия» японцев и китайцев. // Общество и государство в Китае. XXXVIII н. к. М., 2008. С. 80-86.

Головачёв 2008 II – Головачёв В.Ц. Симоносекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895). // Восток (Oriens). М., 2008. № 5. С. 20-30.

Головачёв 2007 I – Головачёв В.Ц. Предание об утерянных письменах тайваньских аборигенов и европейское правление на Формозе. // Общество и государство в Китае. XXXVII н. к. М., 2007. С. 200-204.

Головачёв 2007 II – Головачёв В.Ц. Этапы и вехи языковой политики Тайваня. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2007. № 5. С. 164-173.

Головачёв 2007 III – Головачёв В.Ц. Тайвань на заре XXI века – смена символов, ритуалов и предрассудков. // В сб. «Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности». М., 2007. С. 329-351.

Головачёв 2006 – Головачёв В.Ц. «Государство народного правления Тайвань» – первая республика в Азии. // Общество и государство в Китае. XXXVI н. к. М., 2006. С.100-107.

Головачёв 2004 – Головачёв В.Ц. Формоза – век борьбы с эпидемиями. // В сб. Симпозиум «Профилактика инфекционных болезней – роль международного сообщества». М., 2004. С. 36-41, 96-101.

Головачёв, Молодяков 2014 – Головачёв В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 120 с.

Головачёв, Перминова 2014 I – Головачёв В.Ц., Перминова В.А. Доклад С.Г. Елисеева о Формозе в Общество Востоковедения в Санкт-Петербурге (1915 г.) как историко-биографический источник. // Восток (Oriens), 2014. № 6. С. 129-141.

Головачёв, Перминова 2014 II – Головачёв В.Ц., Перминова В.А. Журналист И.С. Левитов об опиумной политике на Тайване. // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 80-89.

Громковская, Кычанов 1978 – Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

Дюгальд 1775 – Дюгальд И.Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи. СПб, 1775. Ч. 1.

Елисеев 1915 – Елисеев С.Г. Доклад о Формозе в Обществу Востоковедения 14 декабря 1915 г. Рукопись. // ИВР РАН: Ф. 16. Оп. 1. Д. 242. 31 с.

Ибис 1875 I – Ибис П. Айны. // Живописное Обозрение. 1875. № 5. С. 74-76.

Ибис 1875 II – Ибис П. Заметки об острове Иезо. // Живописное Обозрение. 1875. № 6. С. 90.

Ибис 1875 III – Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией (Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки). // Живописное Обозрение. 1875. № 8. С. 120-124.

Ибис 1876 I – Ибис, Павел. Экскурсия на Формозу. // Морской сборник 152-I (1876): неофициальный отдел. СПб. С. 111-149.

Ибис 1876 II – Ибис, Павел. Экскурсия на Формозу. // Морской сборник 152-II (1876): неофициальный отдел. СПб. С. 111-141.

Иванов 1994 – Иванов П.М. Очерк истории Тайваня. // Современный Тайвань. М., 1994. С. 27-86.

Иванько 1955 – Иванько С. Тайвань – исконно китайская земля. М., 1955.

Итс 1972 I – Итс Р.Ф. Архаические формы социально-производственных объединений тайваньских горцев. // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

Итс 1972 II – Итс Р.Ф. Этническая история Юго-Восточной Азии. Л., 1972.

Ишутина 2006 – Ишутина Ю.А. Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев. // Автореф. дисс. канд. Культурологии. Владивосток, 2006.

Каимова 2013 – Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность». // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39.

Как надлежит 1895 – Как надлежит усмирять остров Тай-вань (Формозу). Перевод статьи японской официальной газеты «Ничи-ничи» от 4 и 5 сент. 1895 г. Донесения полковника Вогака о действиях японского правительства по усилению вооружённых сил Китая и присоединении острова Тайваня (Формозы) к Японии. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 447. Оп. 1. Л. 6-11.

Калашников 1999 – Калашников Н.И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики. // Восток (Oriens). 1999. № 6. С. 16-30.

Карликов 1903 – Карликов В. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей (Раздел II. Формоза). СПб., 1903. С. 41-51.

Коваленко 1979 – Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979.

Кузнецов 2010 – Кузнецов А.М. Проблема Тайваня в этнополитическом контексте. // В кн.: Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010. Гл. 4. С. 111-130.

Кучера 1998 – Кучера С. Археологическое изучение островов Пэнху. // Общество и государство в Китае XXVIII н.к. М., 1998, Т. 1. С. 8-43.

Кучера 1996 – Кучера С. Палеолит Тайваня. // Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996. Гл. 2. С. 256-264.

Кучера 2000 – Кучера С. Рецензия на кн.: Ли Фуцин (В. Ríftín). Цун шэньхуа дао гуйхуа. Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю (From Myths to Ghost Stories. Comparative Studies on Taiwan Aboriginal Tales). Тайчжунши: Чэнь-син чубаньшэ, 1998, 362 с. (Тайвань юаньчжуминь силе; № 26). // Восток (Oriens). М., 2000. № 1. С. 195-201.

Кюнер I – Кюнер Н.В. Народы острова Формозы (Тайвань). // Архив ЛОИЭ, Ф. 8, Оп. 1, Ед. хр. 90.

Кюнер II – Кюнер Н.В. Горные племена Формозы [Вторая редакция]. // Архив ИВАН. Ф. 91. Оп. 2.

Кюнер 1937 – Кюнер Н.В. Коллективные охоты у формозских племён (у племени агайал). // Советская этнография. 1937. № 2-3. С.101-110.

Левитов 1906 I – Левитов И.С. О контрабандном ввозе опиума на Дальний Восток. СПб., 1906.

Левитов 1906 II – Левитов И.С. Формоза и японцы. // Новый край (Владивосток), 12.10.1906. № 205.

Лещенко 1998 – Лещенко Н.Ф. Дочь опального профессора (В.Д. Плотникова). // Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998. С. 117-124.

Лукьянова 1931 I – Лукьянова М. Восстание на Формозе. // Международное рабочее движение. 1931. № 1. С. 16-18.

Лукьянова 1931 II – Лукьянова М. Восстание на Формозе. // Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение. 1931. № 1. С. 20-21.

Лукьянова 1929 – Лукьянова М.И. Японское владычество и борьба с ним на острове Формоза. // Красный интернационал профсоюзов. Москва, 1929. № 6. С. 445-449.

Мацокин 1916 – Мацокин Н.П. Символы власти у племени Цалисен на о. Формоза. // Вестник Азии. 1916. № 33/39. С. 77-81.

Мацокин 1914 – Мацокин Н.П. К этнографии о. Формоза: Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвращение к близнецам. Аборигены и обезьяны. // Вестник Азии. 1914. № 31/32. С. 50-56.

Молодяков 2014 – Молодяков В.Э. Колониальный Тайвань в советской аналитике 1920-1930-х годов. // Восток. 2014. № 3. С. 28-38.

Молодяков 2005 – Молодяков В.Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая: Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. 2004-2005. Ежегодник. М., 2005. С. 272-287.

Мольтрехт 1916 – Мольтрехт А.К. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы (с 1 таблицей). // Известия Императорского Русского географического общества. Петроград, 1916. Т. 52. Вып. 1. С. 51-70.

Москалёв 2005 – Москалёв А.А. Нации и национализм в Китае. М., 2005.

Народы Восточной Азии 1965 – Народы Восточной Азии. // Под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратановича. М.-Л., 1965.

Нарочницкий, 1956 – Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956.

Невский 1993 – Невский Н.А. Словарь языка тайваньской народности Цоу (пер. на кит. яз.). Тайбэй, 1993. 聂甫斯基(俄国人). «台湾邹族语典» – 台原艺术文化基金会. 台北.

Невский 1981 – Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цоу. Словарь диалекта северных Цоу. М., 1981.

Невский 1935 – Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л., 1935 (Труды Института востоковедения. XI).

Никкель 1929 – Никкель. Современная Формоза. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. № 2. С. 82-89.

Новиков 1966 – Новиков Б.М. Восстание 1787–1788 гг. на Тайване. // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 197-218.

Остров Формоза 1876 – Остров Формоза. // Всемирный путешественник. 1876. № 2. С. 277-279.

Первые японские посольства 2005 – Первые японские посольства в России в газетных публикациях 1862–1874 гг. СПб., 2005.

Петровский 1930 – Петровский В. Восстание «дикарей» на Формозе. // Прожектор. 1930. № 34. С. 22-24.

Плошу 1875 I – Плошу Эд. Еще о Формозе и японской экспедиции. // Живописное обозрение. 1875, № 13. С. 200-205. <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view#page=198>

Плошу 1875 II – Плошу Эд. Еще о Формозе и японской экспедиции (Окончание). // Живописное обозрение. 1875, № 14. С. 218-221. <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view#page=216>

Позднеева 1929 – Позднеева В.Д. Остров Формоза или Тайван. // Известия Государственного русского географического общества. Л., 1929. Т. XLI. Вып. 2. С. 229-360.

Полынов 1913 – Полынов К. Задачи японской колонизации и Формоза. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 7. С. 301-303.

Приём корейских 1938 – Приём корейских и формозских «добровольцев» в японскую армию. // Тихий океан. 1938. № 3. С. 112-113.

Решетов 1993 – Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф. // Этнографическое обозрение. 1993. № 6 (о Тайване: С. 119-120).

Ржевуский 1896 – Ржевуский И.В. Японско-китайская война 1894–1895. СПб., 1896.

Рифтин 1998 – Рифтин Б.Л. Предания о злых духах в фольклоре аборигенов Тайваня. // Восточная демонология: От народных верований к литературе. М., 1998. С. 44-60.

Рифтин 1992 – Рифтин Б.Л. У народа цоу: Через 64 года после Н.А. Невского. // Восток (Oriens). 1992. № 5. С. 107-116.

Рифтин 1998, 2001 – Рифтин Б.Л. Цун шэньхуа дао гуйхуа: Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю (От мифов до сказаний о злых духах: сравнительное исследование мифов и сказаний аборигенов Тайваня). Тайчжун, 1998. Дополненное издание под названием «Шэньхуа юй гуйхуа». Пекин, 2001.

Розен 1935 – Розен А. Кровавое сорокалетие (Формоза 1895–1935 гг.). // Тихий океан. М., 1935. № 3 (5). С. 105-122; Окончание: № 4(6). С. 86-97.

Русско-китайские отношения в XVII – Русско-китайские отношения в XVII в. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. Т. 1. 614 с.

Рюмин 1822 – Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским (Сообщены ... В.Н. Берхом.). // Северный архив. № 6. С. 455-462. http://starieknigi.info/Zhurnaly/SA/SA_1822_01_nom_06.pdf; и отд. изд. В. Берх, СПб., Тип. Греча, 1822, в 8 д. 54 с.

Скажутин 1915 – Скажутин П.С. К 20-летию японского владычества на Формозе. // Китай и Япония. 1915. № 230. С. 135-139.

Скляров 1934 – Скляров Д. Предисловие. // Яутихара (Янайхара) Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.

Слюнин 1895 – Слюнин Н. Остров Формоза. // Всемирная иллюстрация. 1895. № 1371. С. 365-366.

Сорокин 1993 – Сорокин В.Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 129-137.

Спафарий-Милеску 1960 – Спафарий-Милеску Н.Г. Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями // Сибирь и Китай. Кишинев: Государственное издательство «Картя Молдовеняскэ», 1960. 516 с.

Стратанович 1962 – Стратанович Г.Г. К вопросу о путях переселения племён «гаошань» на о. Тайвань. // Советская Этнография. 1962. № 4. С. 176-178.

Стратанович 1958 – Стратанович Г.Г. Некоторые данные по этнографии амэй («гаошань»). // Советская этнография. 1958. № 5. С. 117-122.

Тертицкий, Белогурова 2005 – Тертицкий К.М., Белогурова А.Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы. М., 2005.

Тодер 1993 – Тодер Ф. История изучения Тайваня в России. // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 45-56.

Тодер 1978 – Тодер Ф.А. Тайвань и его история. XIX в. М., 1978.

Тодер 1972 – Тодер Ф.А. Трансформация китайских традиций на Тайване. // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 309-334.

Тринковский 1895 – Тринковский И. Формоза. // Природа и люди. 1895. № 43. С. 690-692.

УЧжуан-да 1959 – УЧжуан-да. Тайвань. Географический очерк. (Пекин, 1957). Перевод с кит. яз. А.В. Котова и А.Ф. Котовой. М., 1959.

Фишер 1904 – Фишер А. Формоза (японская колония). // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1904. № 9. С. 187-194; № 10. С. 34-41.

Фомина 1974 – Фомина Н.И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.

Формоза 1928 – Формоза. Движение в пользу объединения рабочих союзов. // Международное рабочее движение. 1928. № 18-19. С. 22.

Формоза 1927 – Формоза. Рабочее движение. // Международное рабочее движение. 1927. № 47. С. 12-14.

Формоза 1926 – Формоза. Сахарные плантации обогрены кровью крестьян. // Международное рабочее движение. 1926. № 5. С. 13-14.

Хохлов 1997 – Хохлов А.Н. Аборигены Тайваня на рубеже XIX–XX вв. глазами российского журналиста. // Маклаевские чтения, 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 221-226. Библиография в примечаниях: С. 225-226.

Хохлов 1993 – Хохлов А.Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.). // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем. М., 1993. С.123-138.

Цукамото 2003 – Цукамото Дзэнъя. Н.А. Невский и Гао Ий Шень. // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. Рыбинск, 2003. С. 94-102.

Чечин 1914 – Чечин П. Десять лет среди дикарей-людоедов. // Вокруг света. 1914. № 25. С. 398-399.

Чечин 1910 – Чечин П. Остров Формоза. Обо всём и отовсюду. // Вокруг света. 1910. № 14. С. 249.

Чигринский 1972 – Чигринский М.Ф. Из исторической географии и этнографии Тайваня. // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М., 1972. С. 199-206.

Чигринский 1973 – Чигринский М.Ф. Об общественном строе аборигенов Тайваня. // Общество и государство в Китае. IV н. к. М., 1973. Ч. 1. С. 107-113.

Чигринский 1975 – Чигринский М.Ф. Из предыстории голландской колонизации Тайваня. // Общество и государство в Китае. VII н. к. М., 1975. Ч. 1. С. 160-167.

Чигринский 1976 – Чигринский М.Ф. Восстание Го Хуай-и на Тайване в 1652 г. // Общество и государство в Китае. VII н. к. М., 1976. Ч. 1. С. 188-196.

Чигринский 1977 – Чигринский М.Ф. Китай – Тайвань – Тихий океан (по поводу одной геополитической концеп-

ции). // Общество и государство в Китае. VIII н. к. М., 1977. Т. 1. С. 181-190.

Чигринский 1983 – Чигринский М.Ф. Воспитанник Тартуского университета врач А.К. Мольтрехт – исследователь Дальнего Востока. // О развитии медицины и физкультуры в Тартуском университете. Вопросы истории Тартуского университета. Вып. 15. (Материалы комиссии истории ТГУ и музея истории ТГУ.) На русском и эстонском языках. Тарту, 1983. С. 143-152.

Чигринский 1982 – Чигринский М.Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань. // Советская этнография. М., 1982. № 2. С. 60-64.

Чигринский 1984 – Чигринский М.Ф. Российский офицер П.И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. М., 1984, Вып. XXIV. С. 56-64.

Чигринский 1992 I – Чигринский М.Ф. Тайвань в политике держав. (Об одной несостоявшейся акции периода русско-японской войны). // Общество и государство в Китае. XXIII н. к. Т. II. М., 1992. С. 57-60.

Чигринский 1992 II – Чигринский М.Ф. Путешествие С.Г. Елисеева на Тайвань. // Маклаевские чтения. Краткое содержание докладов. СПб., 1992. С. 28-31.

Чигринский 1993 – Чигринский М.Ф. Аборигены Тайваня: очерк этнической истории и традиционной культуры. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1993. 27 с.

Чигринский 1994 – Чигринский М.Ф. Об австронезийской миграции на Тайване. // Маклаевские чтения, 1993–1994. СПб., 1994. С. 98-102.

Чигринский 1995 – Чигринский М.Ф. Дин Шаои о национальной политике цинских властей на Тайване. // Кюнеровские чтения, 1993–1994: Крат. сод. докл. / Отв.

ред. А.М. Решетов; РАН, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 7-9.

Чигринский 1997 – Чигринский М.Ф. «Линьхайшуй тучжи» – китайский источник по этнографии Тайваня. // Маклаевские чтения, 1995–1997. СПб., 1997. С.217-220.

Чигринский 1998 – Чигринский М.Ф. Об этнической политике Цин на Тайване. // Кюнеровские чтения, 1995–1997: Крат. сод. докл. СПб., 1998. С. 35-37.

Янайхара 1934 –Яутихара (Янайхара) Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.

Япония. На острове 1896 – Япония. На острове Формоза вспыхнуло восстание. // Живописное обозрение. 1896. № 6. С. 138.

Японцы. Строительство 1908 – Японцы. Строительство железных дорог на Формозе. // Мир. 1908. № 5. С. 27.

На европейских языках

Allen 1877 – Allen, Herbert J. Notes of a journey through Formosa from Tamsui to Taiwanfu. // Proceedings of the Royal Geographical Society of London 21 (1877): 258-266.

Andrade 2005 – Andrade, Tonio. Pirates, Pelts, and Promises: The Sino-Dutch Colony of Seventeenth-Century Taiwan and the Aboriginal Village of Favorolang. // Journal of Asian Studies, 64. № 2 (2005): 295-320.

Andrade 2006 – Andrade, Tonio. The Rise and Fall of Dutch Taiwan, 1624-1662: Cooperative Colonization and the Statist Model of European Expansion. // Journal of World History. Vol. 17. № 4 (December 2006): 429-450.

Andrade 2008 – Andrade, Tonio. How Taiwan Became Chinese: Dutch, Spanish, and Han Colonization in the Seventeenth Century. NY. 2008.

Anon 1842 – Anon. Formosa. // The encyclopaedia Britannica: or, a dictionary of arts, sciences, and miscellaneous literature. 7th edition – Edinburgh, 1842. Vol. 9: 750.

Anon 1854 – Anon. Formosa. // The encyclopaedia Britannica: or, a dictionary of arts, sciences, and miscellaneous literature. 8th edition – Edinburgh, 1854, Vol. 9: 787.

Anon 1867 – Anon. Expedition auf der Insel Formosa (Экспедиция на остров Формоза). // Globus № 12 (1867): 365-367.

Anon 1870 – Anon. Zur Colonisation Formosas (О колонизации Формозы). // Globus 17, № 14 (May 1870): 217-220.

Anon 1874 – Anon. Bei den Wilden auf Formosa (Дикари на Формозе). // Globus 26. № 16 (1874): 253-255.

Arnold 1908 – Arnold, Julean H. Education in Formosa. Washington, DC, US Bureau of Education, 1908.

Atsushi Sugano 2016 – Atsushi Sugano. Taiwan Studies in Japan: A Brief Introduction. // The Newsletter of the European association of Taiwan Studies. London. 2016, № 7. С. 1-3. Online publication: <http://eats-taiwan.eu/newsletters/issue-7/taiwan-studies-in-japan>

Barclay 1954 – Barclay, George W. Colonial Development and population in Taiwan – Princeton, Princeton Univ. Press, 1954.

Barclay 1972 – Barclay, George W. Colonial Development and Population in Taiwan. NY–London, 1972.

Barclay 2001 – Barclay, Paul D. An Historian Among the Anthropologists: The Inō Kanori Revival and the Legacy of Japanese Colonial Ethnography in Taiwan. // Japanese Studies 21.2 (September 2001): 117-136 (Published on behalf of the Japanese Studies Association of Australia).

Barclay 2005 – Barclay, Paul D. Cultural Brokerage and Interethnic Marriage in Colonial Taiwan: Japanese Subalterns

and Their Aborigine Wives, 1895-1930. // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 64. Issue 2. May 2005: 323-360.

Barclay 2007 – Barclay Paul D. Contending Centres of Calculation in Colonial Taiwan. The Rhetorics of Vindicationism and Privation in Japan's «Aboriginal Policy». // *Humanities Research* Vol. XIV. № 1. 2007: 67-84.

Beazelev 1885 – Beazelev, Michael. Notes of an overland journey through the southern part of Formosa, from Takaw to the South Cape, in 1875, with an introductory sketch of the island. // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. New Series, 7. 1885: 1-19.

Belknap 1867-68 – Belknap, George E. Report of expedition to Taiwan in 1867 to deal with Rover ship wreck. // *Messages of the President of the United States, 1867-1868 (Serial Set 1317)*: 62-65.

Bellwood 1998 – Bellwood, Peter. Taiwan and the Prehistory of the Austronesians-speaking Peoples. // *The Review of Archaeology*. 1998: 39-48.

Benyowsky 1835 – Benyowsky, Count. Memoirs of Count Benyowsky. // *Chinese Repository* 3 (March 1835): 496-504.

Biernatzki 1859 – Biernatzki, [K. L.] Die Insel Formosa (Остров Формоза). // *Zeitschrift für allgemeine Erdkunde* n. f. 7 (1859): 376-395.

Bigelow 1923 – Bigelow, Poultney. Japan and Her Colonies. London, Edward Arnold, 1923.

Blundell 2000 – Blundell, David, ed. Austronesian Taiwan: Linguistics, History, Ethnology and Prehistory. Berkley, CA, 2000.

Borao 2001-2002 – Borao Mateo, Jose Eugenio. Spaniards in Taiwan. Vol.1 (1582-1641), Vol.2 (1642-1682). Taipei, 2001-2002.

Bridge 1876 – Bridge, Cyprian A. G. An excursion in Formosa. // *Fortnightly Review* n. s. 20 [Vol. 26 old series] (1876): 214-222.

Brown 1996 – Brown, Melissa J. On Becoming Chinese. // In Melissa J. Brown (Ed.) «Negotiating Ethnicities in China and Taiwan». Berkeley, CA, 1996.

Brown 2004 – Brown, Melissa J. Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities. Berkeley: Univ. of California press, 2004.

Bullock 1873 – Bullock, T.L. Report of a journey into the interior of Formosa made by Acting Assistant Bullock, in company with Rev. W. Campbell, of the English Presbyterian Mission, and Mr. J. B. Steere, Collector in Natural History for the State Museum of Michigan, United States, October and November, 1873. 26. Enclosure to «Report on foreign trade at the port of Tamsuy and Kelung for the year 1875». // Reprinted as p. 171-177 in British Parliamentary Papers. China. Vol. 11, Embassy and Consular Commercial Reports, 1874-77. China, № 6 (1874). Shannon: Irish Univ. Press, 1971.

Bullock 1877 – Bullock, T.L. A trip into the interior of Formosa. // Proceedings of the Royal Geographical Society of London 21, № 4 (1877): 266-272.

Campbell 1874 – Campbell, W. Aboriginal savages of Formosa. // Ocean Highways: The Geographical Review. n.s. 1 (1874): 410-412.

Campbell 1896 – Campbell, W. The island of Formosa: Its past and future. // The Scottish Geographical Magazine 12 (1896): 385-399.

Campbell 1903 I – Campbell, W. Formosa under the Dutch: described from contemporary records with explanatory notes and a bibliography of the island. London: Kegan Paul. 1903.

Campbell 1903 II – Campbell, W. The island of Formosa: Its past and future. // The Scottish Geographical Magazine 12 (1896): 385-399.

Chang Lung-chih 2008 I – Chang Lung-chih. Re-imagining Community from Different Shores: Nationalism, Post-colonialism and Colonial Modernity in Taiwanese

Historiography (Чжан Лун-чжи. Переоценка представлений об общности с разных берегов: национализм, постколониализм и колониальная современность в тайваньской историографии). // In Steffi Richter ed.: *Contested Views of a Common Past: Revisions of History in Contemporary East Asia*. NY, 2008: 139-155.

Chang Lung-chih 2008 II – Chang Lung-chih. From Quarantine to Colonization: Qing Debates on Territorialization of Aboriginal Taiwan in the Nineteenth Century. // Тайвань ши яньцзю. 2008, Т. 15. № 4. С. 1-30.

Chen Chi-lu 1972 – Chen Chi-lu. History of Chinese immigration into Taiwan. // 中央研究院民族學研究所集刊. 1972. № 33. С. 51-39.

Chen Ching-chi, 1967 – Chen Ching-chi. The Police and the *Hokō* Systems in Taiwan under Japanese Administration (1895–1945). // In Albert Creig ed. *Papers on Japan*, 4. Cambridge, Mass., Harvard East Asian Research Center, 1967.

Chen Ching-chi 1975 – Chen, Ching-chi. The Japanese Adaptation of the *Pao-jia* System in Taiwan. // *Journal of Asian Studies* 34.2 (1975): 391-416.

Chen Edward 1970 – Chen, Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control. // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 30 (1970): 126-158.

Chen Edward 1972 – Chen, Edward I-te. Formosan Political Movements under Japanese Colonial Rule, 1914–1937. // *Journal of Asian Studies* 31.3 (1972): 477-498.

Chen Shao-hsing 1956 (1979) – Chen Shao-hsing. *Social Change in Taiwan* // *Studia Taiwanica*. Taipei, 1956 (1979). № 1.

Chen Shao-hsing 1966 – Chen Shao-hsing. Taiwan as a laboratory for the study of Chinese society and culture. // 中央研究院民族學研究所集刊, 1966. № 22. С. 1-14.

China's Island 1964 – China's Island Frontier. Studies in the Historical Geography of Taiwan. Ed. Ronald E. Knapp. Honolulu: Univ. of Hawaii, 1980. 296 с.

Chiu Hsin-hui 2008 – Chiu Hsin-hui. The Colonial “Civilizing process” in Dutch Formosa, 1624-1662. Leiden, Boston, 2008. 346 с.

Chu Samuel 1964 – Chu, Samuel C. Liu Ming-ch'uan and Modernization of Taiwan. // *Journal of Asian Studies* 23.1 (Nov. 1964): 37-53.

Chun Kyong-soo 2016 – Chun Kyong-soo. A Trial of the History of Anthropology in Taiwan during the Japanese Occupation: Focusing on Inou Kanori, Utsurikawa Nenzo, and Kanaseki Takeo. // *South Pacific Studies*. 2016. Vol. 36. № 2.

Collingwood 1868 – Collingwood, Cuthbert. Visit to the Kibalan village of Sano Bay, north-east coast of Formosa. Including a vocabulary of the dialect. // *Transactions of the Ethnological Society of London* n.s. 6 (1868): 135-143, 362-363.

Colquhoun 1885 – Colquhoun A. R., and J. H. Stewart-Lockhart. A sketch of Formosa. // *The China Review* 13 (1885): 161-207.

Colquhoun 1902 – Colquhoun, Archibald R. Formosa: Japanese as colonists. // In *The «Mastery of the Pacific»*. London, 1902. Ch. XV: 358-378.

Cordier 1893 – Cordier, Henri. Bibliographie des ouvrages relatifs à l'Île Formose (Библиография работ, касающихся острова Формозы). // In Imbault-Huart, C. *L'île Formose, histoire et description* (Остров Формоза, история и описание). Paris: Ernest Leroux, 1893: 19-73.

Corner 1878 – Corner, Arthur. A tour through Formosa, from south to north. // *Proceedings of the Royal Geographical Society* 22 (1878): 53-63.

Croizier 1972 – Croizier, Ralph C. Cheng Ch'eng-kung's Conquest of Taiwan: Intent, Event, and Legacy. Ms. 1972.

Croizier 1977 – Croizier, Ralph C. *Koxinga and Chinese Nationalism: History, Myth, and the Hero*. Cambridge, East Asian Research Center, Harvard Univ., 1977.

Crossley 1999 – Crossley, Pamela Kyle. *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley, 1999.

Davidson 1903 I – Davidson, James W. *The island of Formosa past and present. History, people, resources, and commercial prospects. Tea, camphor, sugar, gold, coal, sulphur, economical plants, and other productions*. London and NY, Yokohama, 1903.

Davidson, 1903 II – Davidson J. W. *The Island of Formosa. Historical View from 1430 to 1900*. NY–L, 1903.

Doak 2001 – Doak, Kevin M. *Building National Identity Through Ethnicity: Ethnology in War-time Japan and After*. // *Journal of Japanese Studies* 27.1 (winter 2001): 1–40.

Dodd 1882 – Dodd, John. *A few ideas on the probable origin of the hill tribes of Formosa*. // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society* 9 (June 1882): 69-77; 10 (Dec. 1882): 195-203.

Dominic Yang, Mau-Kuei Chang 2003 – Dominic Meng-Hsuan Yang and Mau-Kuei Chang. *Understanding the Nuances of Waishengren. History and agency*. // *China Perspectives*. 2010. № 3: 70-84. См.: <http://chinaperspectives.revues.org/5310>

Douglas 1970 – Douglas, Mendel. *The Politics of Formosan Nationalism* – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970.

Du Halde 1735 – Du Halde Jean-Baptiste (1674–1743). *Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise* (Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и китайской Татарии). Paris: P. G. Le Mercier, 1735. 4 vols.

Dudbridge 2006 – Dudbridge. British Perceptions of the Formosan Aborigines in the late Nineteenth Century. // *History, Culture and Ethnicity: selected Papers from the International Conference on the Formosan Indigenous People*. Taipei: 55-70.

Eda 2001 – Eda, A. A Study on Inou Kanori. // *Introductory View of Research for the Taiwanese Indigenous Peoples: Japanese Perspectives* (Ed. Japanese Society for the Research of the Taiwanese Indigenous Peoples), 19-21. Fukuyosha, Tokyo, Japan.

Electricity 1910 – Electricity in War. Japanese Use Novel Expedient in Subduing Savage Tribes. // *L'Abelle de la Nouvelle-Orleans*. 08.09.1910: 6.

Faure 2001 – Faure, David. The Mountain Tribes before the Japanese Occupation. // In «In Search of the Hunters and Their Tribes» – Taipei: Shung Ye Museum of Formosan Aborigines, 2001.

Ferguson 1909 – Ferguson, D. Formosan Chinese. // *The Chinese Recorder* (Sept. 1909): 494-502.

Fischer 1900 I – Fischer, Adolf. Streifzüge durch Formosa: Mit einer Karte und über hundert Abbildungen nach Naturaufnahmen des Verfassers (Поездки по Формозе: с картой и свыше сотни рисунков по картинкам автора). Berlin, 1900.

Fischer 1900 II – Fischer, Adolf. Formose. // *Bulletin de la Societe d'etudes coloniales* 7, XI (1900): 757-778.

Foght 1928 – Foght, Harold & Alice. Unfathomed Japan; A Travel Tale in the Highways and Byways of Japan and Formosa. NY, 1928.

Foley 1968 – Foley, Frederic J. The Great Formosan Impostor – Jesuit Historical Institute, 1968.

Formosa Reed 1999 – Formosa. 19th-Century European & North American Encounters with Taiwan. The digital Library. Compiled by Douglas Fix, John Shufelt. The Reed Institute,

1999: http://academic.reed.edu/formosa/formosa_index_page/Formosa_index.html

Franck 1924 – Franck, Harry A. Glimpses of Japan and Formosa. NY & London, 1924.

Guérin, Bernard 1868 – Guérin, M., and M. Bernard. Les Aborigènes de l'île de Formose. // *Bulletin de la Société de Géographie de Paris* 5th series, 15 (1868): 542-568.

Goddard 1966 – Goddard W. G. Formosa. A Study in Chinese History. London-Toronto, 1966.

Goto 1902 – Goto, Shimpei, Dr. Formosa (Tai-wan): Its present financial and economic position. London, 1902. 19 c.

Government Report 1911 – Government of Formosa. Report on the Control of Aborigines in Formosa. Taihoku, 1911.

Grajdanzev 1941 – Grajdanzev, A. J., Transl. Cultural Policy in Taiwan and the Problem of «Kominka». // *Pacific Affairs*. Vol. 14. № 3 (Sep., 1941): 358-360.

Grajdanzev 1942 – Grajdanzev, A. J. Formosa (Taiwan) Under Japanese Rule. // *Pacific Affairs*. Vol. 15. № 3 (Sep. 1942): 311-324.

Grajdanzev 1943 – Grajdanzev, A. J. Japan's Co-Prosperity Sphere. // *Pacific Affairs*. Vol. 16. № 3 (Sep. 1943): 311-328.

Gravius 1939 – Gravius D. Formulary of Christianity in the Siraya language of the Formosa. // *Memoirs of the Faculty of Literature and Politics Taihoku Imperial University*. Taihoku, 1939.

Gutzlaff 1838 – Gutzlaff, Charles. Notices of Formosa. Gleaned from the works of Francois Valentyn. // *Chinese Repository*. Vol. 6 (1838): 583-589.

Harrison 2001 I – Harrison, Henrietta, ed. Natives of Formosa: British Reports of the Taiwan Indigenous People, 1650–1950. Taipei, Shung Ye Museum of Formosan Aborigines. 2001.

Harrison 2001 II – Harrison, Henrietta. Changing Nationalities, Changing Ethnicities: Taiwan Indigenous

Villages in the Years after 1946. // In David Faure (Ed.) In Search of the Hunters and Their Tribes: Studies in the History and Culture of the Taiwan Indigenous People. Taipei, 2001.

Hauptman 1977 – Hauptman, Lawrence M., and Ronald G. Knapp. Dutch-Aboriginal Interaction in New Netherland and Formosa: An Historical Geography of Empire. // Proceedings of the American Philosophical Society 121 (Apr. 1977): 166-182.

Hayden 1924 – Hayden, J. Ralyston. Japan's New Policy in Korea and Formosa. // Foreign Affairs 2.3 (March 1924): 474-487.

Henderson 2006 – Henderson, Robert. Authors find unique local culture (Commentary). // Taiwan Journal. September 15, 2006. <http://www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=23271&CtNode=426>

Hishida 1907 – Hishida Seiji. Formosa: Japan's First Colony. // Political Science Quarterly 22.2 (June 1907): 267-281.

History, Culture, Ethnicity 2006 – History, Culture and Ethnicity: Selected Papers from the International Conference on the Formosan Indigenous Peoples – Taipei, SMC Publishing, 2006. 452 с.

Hobson 1876 – Hobson, H. E., Esq. Fort Zelandia, and the Dutch occupation of Formosa. // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society (1876): 33-40.

Hong 2000 – Hong Chien-chao. A history of Taiwan. Rimini, 2000.

Hsiu-chuan Shih, Iok-sin Loa 2008 – Hsiu-chuan Shih, Iok-sin Loa. Sediq recognized as 14th tribe (Сю-цзюань Ши, Йок-синь Ло. Сайдэк признаны 14-й народностью). // Тайбэй шибао, 24.04.2008: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2008/04/24/2003410107>

Hsueh-Chi Hsu 2008 – Hsueh-Chi Hsu. Taiwan Historical Research: Retrospect and Prospect (Сюй Сюэ-цзи. Исторические исследования на Тайване: ретроспективы

перспективы). // Taiwan Historical Research. 2008. Vol. 15. № 4, с. 149-177: http://www.ith.sinica.edu.tw/pdf/full-text_15_4_5.pdf, http://academic.reed.edu/formosa/formosa_index_page/Formosa_index.html, <http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877Ger.html> <http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877.html>

Huang 1999 – Huang, C.H. Trends of the Japanese Research on Taiwanese Indigenous Religions: Formations and Conflict between Government and University during the Colonial Era. // Development of Anthropological Research in Taiwan: Retrospect and Prospect.

Huang Fu-san 2005 – Huang Fu-san. A Brief History of Taiwan – A Sparrow Transformed into a Phoenix (Хуан Фу-сань. Краткая история Тайваня – Воробей, ставший Фениксом). Taipei: Gov. Information Office, 2005. Online edition: <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/history/tw01.html>

Huber 1990 – Huber Johannes, Chinese settlers against the Dutch East India Company: The rebellion led by Kuo Huai-I on Taiwan in 1652. // In «Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries», ed. E. B. Vermeer. Leiden, 1990.

Hughes 1872 – Hughes, T. F. A visit to Tok-etok, Chief of the Eighteen Tribes of Southern Formosa. // Proceeding of the Royal Geographical Society of London, Vol. 16, No. 3. 1872: 265-271.

Ibis, 1876 – Ibis, Pavel. «Ekskursiia na Formozu» [Excursion to Formosa]. Morskoi sbornik 152, i (1876): neoffitsial'nyi otdel, 111-149; 152, ii (1876): neoffitsial'nyi otdel, pp. 111-141. Translated by Kirill Shklovsky. Edited by Douglas Fix. // Internet link: 19th-Century European & North American Encounters with Taiwan: A Bibliography of Texts Input. – The Reed Institute, 1999: <http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1876.html>

Ibis 1877 – Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen (На Формозе: этнографическое путешествие). // *Globus* 31 (1877): 149-152, 167-171, 181-187, 196-200, 214-219, 230-235.

Imbault-Huart 1890 – Imbault-Huart, M., translator. Histoire de la conquête de Formose par les Chinois en 1683. Translated from the Chinese and annotated (История завоевания Формозы китайцами в 1683 г. // *Bulletin de géographie historique et descriptive* 5 (1890): 123-156.

Inkster 2011 – Inkster, Ian. Anthropologies of Enthusiasm: Charlotte Salwey, Shinji Ishii, and Japanese Colonialism in Formosa circa 1913–1917. // *Taiwan Journal of Anthropology*. June 2011. Vol. 9. № 1. С. 67-97.

Ino 1899 – Ino, Kakyō. Die wilden Stämme von Formosa, ihre Einteilung und ihr ulturzustand (Дикие племена Формозы: их классификация и их культурное состояние). // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin* 34 (1899): 63-74.

Inou K 1894 – Inou, K. Necessity of the Scientific Ethnography and its Relation with the public Education. // *Journal of Anthropology*, 102 (1894): 498-503.

Inou K 1901 – Inou, K. Application of the Ethnographical Study to Custon Research. // *Records of the Taiwanese Customs*, 6 (1901): 17-24.

Island of Formosa 1916 – The island of Formosa and its Primitive Inhabitants, read Caxton Hall, February 1916. The China Society. 153rd meeting, XIV: 1-24.

Jacobs 1984 – Jacobs, J. Bruce, Jean Hagger, & Anne Sedgley, comp. Taiwan: A Comprehensive Bibliography of English-language Publications. Bundoora, Victory, 1984.

Katz 2005 – Katz, Paul R. Governmentality and Its Consequences in Colonial Taiwan: A Case Study of the Ta-pa-ni Incident of 1915. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 64. Issue 2. May 2005: 387-424.

Klaproth 1822 – Klaproth J. Sur la Langue des indigènes de l'île de Formose (О языках туземцев острова Формоза). // *Journal Asiatique* 1 (1822): 193-202.

Klaproth 1823 – Klaproth J. Description de Formose (Описание Формозы). // *Nouvelles annales des voyages, de la geographie et de l'histoire* 20 (1823): 195-224.

Klaproth 1826 – Klaproth J. Description de l'île de Formose, extraite de livres Chinois (Описания острова Формоза, извлечённые из китайских книг). // *Mémoires relatifs à l'Asie*. Paris. 1826. Vol. 1: 321-374.

Kleinwächter 1884 – Kleinwächter, George. The history of Formosa under the Chinese government. // *The China Review, or Notes and Queries on the Far East* 12 (1884): 345-352.

Kruger 1895 – Kruger, F. H. Missions in Formosa, Missions Evangeliques. Paris. 1895: 317-327.

Kuldip 2005 – Kuldip R. Rampal, Review: Huang Fu-san. A Brief History of Taiwan – A Sparrow Transformed into a Phoenix. (Кулдип Р. Рэмпэл. Рецензия: Хуан Фу-сань. Краткая история Тайваня – Воробей, ставший Фениксом. Taipei, 2005). Текст рецензии см.: <http://lass.calumet.purdue.edu/csa/gmj/fa05/issuebookreview/rampal2.htm>

Kutsuna, Matuyama, 1939 – Kutsuna M. and Matuyama M. On the blood groups of the Taiwan aboriginal tribes // *Journal of Taiwan Medical Association*. 1939, Vol. 38: 1153-1178.

Labadie-Lagrave 1900 – Labadie-Lagrave, G. Les Japonais à Formose (Японцы на Формозе). // *A travers le monde aux pays inconnus* 6 (1900): 334-335, 342-343.

Lacouperie 1887 – Lacouperie, Terrien de. Formosa notes on mss., races and languages. // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* n. s. 19 (1887): 413-494.

Lamely 1968 – Lamely H. J. The 1895 Taiwan Republic. A Significant Episode in Modern Chinese History. // *The Journal of Asian Studies*, 27.4 (Aug. 1968): 739-362.

Lamely 1970–1971 – Lamely, Harry J. Assimilation Efforts in Colonial Taiwan: The Fate of the 1914 Movement. // *Monumenta Serica* 29 (1970–1971): 496-520.

Lamely 1981 – Lamely Harry. Subethnic Rivalry in the Ch'ing Period. // *The Anthropology of Taiwanese Society*. Ed. Emily M. Ahern and Hill Gates. Stanford, 1981: 282-318.

Le Gendre 1871 – Le Gendre, C.W. Reports on Amoy and the island of Formosa. Washington: Government Printing Office, 1871.

Le Gendre 1874 – Le Gendre, Charles William. Is aboriginal Formosa a part of the Chinese empire? Shanghai: Lane, Crawford. 1874.

Leo 2001 – Leo T. S. Ching. Becoming «Japanese»: Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2001.

Leonard Blusse 1999 – Leonard Blusse, Natalie Everts and Evelien Frech eds., *The Formosan Encounter – Notes on Formosa's Aboriginal Society: A Selection of Documents From Dutch Archival Sources*. Taipei: Shung Ye Museum of Formosan Aborigines, 1999.

Li Yih-yuan 1989 – Li Yih-yuan. Four Hundred Years of Ethnic Relations in Taiwan. // *Ethnicity and Ethnic Groups in China – New Asia Academic Bulletin*. Chiao and Tapp, eds. Vol. 8. 1989: 103-116. Hong Kong <http://www.ioe.sinica.edu.tw/chinese/staff/c9101/etliy-0017.pdf>

Life Mountain People 1917 – *The Life of the Mountain People in Formosa*. *Folklore*, 28. No. 2: 115-132.

Macabe 2003 – Macabe Keliher. *Out of China or Yu Yonghe's tale of Formosa. A history of 17th century Taiwan*. Taipei, 2003.

Mackay 1896 – Mackay, George Leslie. *From far Formosa: The island, its people and missions*. Ed. by J.A. MacDonald. NY, 1896.

Mackay 1897 – Mackay, G.L. Unter den Aboriginalstämmen Formosas (Среди аборигенных племен Формозы). // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft (für Thuringen) zu Jena. 15 (1897): 1-21.

Matsuda 2003 – Matsuda Kyōko. Inō Kanori's «History» of Taiwan: colonial ethnology, the civilizing mission and struggles for survival in East Asia. // History and Anthropology. Routledge. Vol. 14. Issue 2. June 2003: 179–196.

McGovern, Montgomery 1922 – McGovern, Janet B. Montgomery. Among the head-hunters of Formosa. London: T.F. Unwin, 1922.

Meskill 1979 – Meskill, Johanna Menzel. A Chinese Pioneer Family: The Lins of Wu-Feng, Taiwan 1729–1895. Princeton, NJ, 1979.

Moody 1907 – Moody, Campbell N. The Heathen Heart: An Account of the Reception of the Gospel among the Chinese of Formosa. Edinburg, Oliphant, Anderson, Ferrier, 1907.

Müller 1910 – Müller, W. Über die Wildenstämmе der Insel Formosa (О диких племенах на острове Формоза). // Zeitschrift für Ethnologie (Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie; Ethnologie und Urgeschichte) 42, II (1910): 228-241.

Murakami 1933 – Murakami Naojiro. Sinckan manuscripts. Taihoku: Taihoku Imperial University, 1933.

Myers 1885 – Myers, W. Wykeham. Notes on the Aborigines of South Formosa. // China: Imperial Maritime Customs, II. Special Series No. 2: Medical reports for the half-year ended 30th September 1884. Issue 28, Shanghai. 1885: 39-46.

Myers 1971 – Myers, Ramon H. Taiwan under Ch'ing Imperial Rule, 1684-1895: The Traditional Order. // Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hongkong 4.2 (1971): 495-520.

Naito 1938 – Naito, Hideo. Taiwan: a unique colonial record. Tokyo: Kokusai Nippon Kyokai, 1938.

Okada 1955 – Okada, Yuzuru. Race Relations in Formosa under the Japan. // In Andrew W. Lind, ed. Race Relations in World Perspective. Honolulu: Univ. of Hawaii Press. 1955: 371-387.

Passin 1947 – Passin, H. A note on Japanese Research in Formosa. // American Anthropologist. № 49: 514-518.

Peattie 1984 – Peattie, Mark, and Ramon H. Myers, eds. The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1984.

Phillips 2003 – Phillips, Steven E. Between Assimilation and Independence: The Taiwanese Encounter With Nationalist China 1945–1950. CA, Stanford Univ. Press. 2003.

Plauchut 1874 – Plauchut, Edmond. Formose et l'expédition japonaise. // Revue des Deux Mondes. T.6, 1874: 447-466.

Psalmanaazaar 1704 – Psalmanaazaar, G. An Historical and Geographical Description of Formosa, as Island subject to the Emperor of Japan. Giving an Account of Religion, Customs, Manners, etc., of the Inhabitants, et. London, 1704.

Psalmanaazaar 1705 – Psalmanaazaar, G. Description de l'île de Formose en Asie: du government, des loix, des moeurs et de la religion des habitants (Описание острова Формоза в Азии: правление, законы, нравы и религия обитателей). Amsterdam, 1705.

Psalmanaazaar 1764 – Psalmanazar, G. Memoirs. London, 1764.

Psalmanaazaar 1765 – Psalmanaazaar, G. Memoirs of ****, Commonly Known by the Name of George Psalmamaazaar, a Reputed Native of Formosa. By himself. With Portrait. 8vo. 1765.

Rialle 1885 – Rialle, Girard de. Formose et ses habitants. (Формоза и ее обитатели). // Revue d'Anthropologie 14 (1885): 58-78, 247-281.

Riess 1897 – Riess, Dr. D. Geschichte der Insel Formosa (История острова Формоза). Mitt. Deutschen Gell. Tokyo, 1897: 407-447.

Riggs 1952 – Riggs, Fred W. *Formosa under Chinese Nationalist Rule*. NY: Macmillan, 1952.

Ritchie 1875 – Ritchie, Hugh. Notes of a journey in east Formosa. // *The Chinese Recorder and Missionary Journal* 6 (1875): 206-211.

Roy 2003 – Roy, Denny. *Taiwan. A Political History*. Ithaca and London, 2003.

Rubinstein 1999 – Rubinstein, Murray, ed. *Taiwan: A New History*. Armonk: M. E. Sharpe, 1999.

Rubinshtein 2007 – Rubinshtein, Murray, ed. *Taiwan: A New History (Expanded Edition)*. M.E. Sharpe, Armonk. NY, 2007. 560 с.

Rutter 1923 – Rutter, Owen. *Through Formosa: An Account of Japan's Island Colony*. London, 1923.

Rutter 1948 – Rutter, Owen. *Through Formosa: An Account of Japan's Island Colony*. NY. Institute of Pacific Relations, 1948.

Saint-Martin 1868 – Saint-Martin, Vivien de. *Aperçu général de l'île Formose (Общий обзор острова Формоза)*. // *Bulletin de la Société de géographie* 15 (1868): 525-541.

Sakadzawa 1928 – Sakadzawa, T. A biography of Inou Kanori. // *Cultural Repository of Taiwan (Ed. Inou K.)*, 1-18. KanaeShoin, Tokyo, Japan.

Salwey 1913 – Salwey, C.M. *The Island Dependencies of Japan: an Account of the islands that have passed under Japanese control since the Restoration 1867–1912*. London. 1913.

Seubert 1876 – Seubert. *Aus Formosa (На Формозе)*. // *Die Natur* 12 (18 March 1876): 107-109; 13 (25 March 1876): 119-121; 14 (1876): 136-138.

Shocks 1907 – Shocks for Head Hunters. *Japanese String Wires in Formosa and Kill Savages by Electricity*. // *The NY Times*. 08.12.1907.

Silent War 1913 – The Silent War in Formosa. // *The Asiatic Quarterly Review*. New Series 2. July-October. 77-92.

Simon 2003 – Simon, Scott. Contesting Formosa: Tragic Remembrance, Urban Space, and National Identity in Taipak. // *Identities: Global Studies in Culture and Power* 10 (1). 2003: 109-131.

Stainton 1999 – Stainton, Michael. The Politics of Taiwan Aboriginal origins. // In Rubinstein, Murray A, ed. *Taiwan: A New History*. NY, 1999: 27-44.

Steere 1873/4 – Steere, J.B. Letters from Formosa, published in the *Ann Arbor Courier*: LXXI Amoy China 21.09.1873 (publ. 10.04.1874); LXXII Takao Formosa 10.10.1873 (publ. 10.04.1874); LXXIII Tamsui Formosa 1.12.1873 (publ. 24.04.1874); LXXIV Tamsui Formosa (publ. 1.05.1874); LXXIV [sic] Tamsui Formosa 1 Dec 1873 (publ. 05.1874); LXXV Tamsui Formosa 1.12.1873 (publ. 22.05.1874); LXXVII Taiwanfu 10.01.1874 (publ. 5.06.1874) LXXVIII Taiwanfu 1.02.1874 (publ. 12.06.1874); LXXIX Canton China 10 Apr (publ. 3.07.1874).

Steere 1874 – Steere, J.B. Formosa. // *Journal of the American Geographical Society of New York* 6 (1874): 302-334.

Steere 1874/5 – Steere, J.B. Formosa. // *China Review* 3: 181-185.

Steere 2002 – Steere, Joseph Beal. Formosa and Its Inhabitants. / Paul Jen-kuei Li, Editor. Taipei, 2002. 218 p.

Suenari 2006 – Suenari Michio. A Century of Japanese Anthropological Studies on Taiwan Aborigines. // *History, Culture and Ethnicity: Selected Papers from the International Conference on the Formosan Indigenous Peoples*. Taipei, 2006.

Swiderski 1991 – Swiderski, Richard M. The False Formosan: George Psalmanazar and the Eighteenth-Century Experiment of Identity. San Francisco, 1991.

Swinhoe 1855 – Swinhoe, R. Notes on the Aborigines of Formosa. // Brit. Assoc. Report, 1855.

Swinhoe 1860 – Swinhoe, Robert. Ein Besuch der Insel Formosa (Визит на остров Формоза). // Zeitschrift für allgemeine Erdkunde VIII (1860): 207-223.

Swinhoe 1863 – Swinhoe, Robert. Notes on the ethnology of Formosa. Extracted from a paper read before the Ethnological Society, with additional remarks. Read before the British Association [for the Advancement of Science], August, 1863. London: Frederic Bell, 1863.

Swinhoe 1866 – Swinhoe, Robert. Additional notes on Formosa. // Proceedings of the Royal Geographical Society of London 10 (1866): 122-128.

Taiwan Under 2006 – Taiwan Under Japanese Colonial Rule, 1895–1945: History, Culture, Memory. Liao Ping-hui and David Der-wei Wang, eds. NY, 2006.

Takekoshi 1907 – Takekoshi Yosaburō. Japanese Rule in Formosa. London, 1907.

Takekoshi 1915 – Takekoshi Yosaburō. Japan's Colonial Policy. // In «Japan to America», ed. Naoichi Masaoka. NY, 1915: 95-99.

Takeshi 2001 – Takeshi Komagone. Japanese Colonial Rule and Modernity: Successive Layers of Violence. // Traces. 2 (2001).

Tang Mei-chun. Han and Non-Han in Taiwan: A Case of Acculturation. // Zhōngyāng yán jiù yuàn mínzú xué yánjiū suǒ jíkān. 1970. № 30: 99-109.

Tavares 2005 – Tavares, Antonio C. The Japanese Colonial State and the Dissolution of the Late Imperial Frontier Economy in Taiwan, 1886–1909. The Journal of Asian Studies. Vol. 64. Issue 2. May 2005: 361-385.

Taylor 1886 – Taylor, G. Aborigines of Formosa. // The China Review, or Notes and Queries on the Far East 14 (1886): 121-126; 194-198; 285-290.

Taylor 1887 – Taylor, G. Folk-lore of aboriginal Formosa. // *Folklore Journal* 5 (1887): 139-153.

The progress 1904 – The progress of Taiwan for ten years: 1895–1904. Published by the Formosan Government.

Thomson 1873 – Thomson, J. Notes of a journey in southern Formosa. // *Journal of the Royal Geographical Society* 43 (1873): 97-107.

Thompson 1964 – Thompson, Laurence G. The Earliest Eyewitness Accounts of the Formosan Aborigines. // *Monumenta Serica* 23 (1964): 163-204.

Thompson 1968 – Thompson L. G. The Junk Passage Across Taiwan Strait, Two Early Chinese Account. // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1968. Vol. 28.

Torii 1910 – Torii R. Etudes anthropologiques: Les aborigenes de Formose (2e fascicule) (Антропологические штудии: аборигены Формозы, 2-й буклет). // *Journal for College of Science. Tokyo Imperial Univ. Tokyo*, 1910. Vol. 32: 1-75.

Torii 1922 – Torii R. Etudes anthropologiques: Les aborigenes de Formose (2e fascicule). 1. Caracteres Physiques: Une tribu Yami – *Tokyo Imperial Univ. Tokyo*, 1922.

Utsurikawa 1930 – Utsurikawa, N. Ethnography and Ethnology in Taiwan. // *Geographical Encyclopedia of Japan (Taiwan volume)*: 1-16. Kaijoshu, Tokyo, Japan.

Valentijn, Francois 1726 – Valentijn, Francois. Oud en Nieuw Oost Indien (Старая и Новая Ост-Индия). Dordrecht en Amsterdam, Joannes van Braam и Gerard onder de Linden, 1724-1726.

Vertente Christine 1991 – Vertente Christine, Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha. The authentic story of Taiwan. Taipei-Belgium, 1991.

Wang Yi-shou 1980 – Wang Yi-shou. Cultural Contact and the Migration of Taiwan's Aborigines: A Historical Perspective.

// In «China's Island Frontier: Studies in the Historical Geography of Taiwan», ed. Ronald E. Knapp. Honolulu, 1980.

Webster 1889 – Webster, H. A. Formosa. // The Encyclopaedia Britannica. Ninth edition. NY. 1889. Vol. 20: 415-418.

White 1870 – [White, Francis.] A visit to the interior of south Formosa. // The Cycle: A Political and Literary Review 17 (27 August 1870): 197-199.

Wirth 1898 – Wirth, Albrecht. Geschichte Formosas bis Anfang 1898 (История Формозы вплоть до начала 1898 г.). Bonn, 1898.

Yang, Chang 2010 – Dominic Meng-Hsuan Yang and Mau-Kuei Chang. Understanding the Nuances of Waishengren. History and agency. // China Perspectives, № 2010/3: 70-84. С. 73-75 Plauchut <http://www.ioe.sinica.edu.tw/chinese/staff/c9101/etb040-001.pdf>

Yanaihara 1963 – Yanaihara Tadao. Militaristic and Assimilationistic: On the Comparison between Japanese and French Colonial Policies (1930). // In Yanaihara Tadao zenshu. Tokyo: Iwanami shoten, 1963: 276-306.

Yen 1965 – Yen, Sophia Su-Fei. Taiwan in China's Foreign Relations, 1836–1874. Hamden, Conn. 1965.

На китайском языке

Валис Югань 1993 – Валис Югань. Всетайваньское движение аборигенов. // В сб. «Построение гражданского государства на Тайване». У Ми-ча и др. Тайбэй, 1993. 瓦歷斯尤幹. 泛台灣原住民運動. 收於吳密察等人《建立台灣的國民國家》. 台北: 前衛.

Ван Вэнь-гуан 2004 – Ван Вэнь-гуан. История национального развития Китая. 2004. 王文光. 中国民族发展史: 民族出版社.

Ван Жуй-лянь 2006 – Ван Жуй-лянь. Общее описание исследований по тайваньской народности Тароко. // Гуанси миньцзу дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2006. № 1. 王瑞莲. 台湾太鲁阁族研究综述. // 广西民族大学学报 (哲学社会科学版).

Ван Мин-хуэй 2003 – Ван Мин-хуэй. Ретроспективы и перспективы движения аборигенных народностей на Тайване. // В сб. «Анализ социальных движений по обеим сторонам Тайваньского пролива». Чжан Мао-куй, Чжэн Юн-нянь, гл. ред. Тайбэй, 2003. 汪明輝. 台灣原住民族運動的回顧與展望. // 收於張茂桂, 鄭永年主編, 兩岸社會運動分析, 台北: 新自然主義公司.

Ван Синь-тянь, У Чунь-мин 2007 – Ван Синь-тянь, У Чунь-мин. О нескольких проблемах изучения аборигенов Тайваня. // Гуанси миньцзу яньцзю. 2007. № 1. 王新天, 吳春明. 關於臺灣原住民研究的幾個問題. // 廣西民族研究.

Ван Сун-син 1973 – Ван Сун-син. Этнологические исследования в бассейнах Чжо и Да. // Чжуньян яньцзю юань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань. 1973. № 36. С. 1-10: <http://ianthro.tw/c/ios/%3Apub%3A1758> 王崧興. 濁大流域的民族學研究. // 中央研究院民族學研究所集刊.

Ван Сун-син 1991 – Ван Сун-син. Обзор и обсуждение антропологических исследований по обществу ханьцев на Тайване. // Тайвань фэнью. 1991. Т. 41. № 3. С. 133-146. 王崧興. 台灣漢人社會的人類學研究之檢討. // 台灣風物.

Ван Тянь-цянь 1942 – Ван Тянь-цянь. Семья и род нецивилизованных обществ». Б. м., 1942. 王田謙. 未開化社會的家族.

Ван Цзянь. Состояние исследований по истории Тайваня в материковом Китае. // Ханьсюэ яньцзю тунсюнь. Тайбэй, 2009. № 28: 1 (109). С. 8-20. 王鍵. 中國大陸的台灣史研究狀況. // 漢學研究通訊.

Ван Чжи-пин, У Минь-ся 2005 – Ван Чжи-пин, У Минь-ся. Обследование религий и религиозная политика Японии на Тайване в начальный период японского правления – исследование с фокусом на обследование буддизма). // Тайвань яньцзю цзикань. 2005. № 3. 王志平, 吴敏霞. 日据初期日本在台湾的宗教调查及其宗教政策 – 以佛教调查为中心的考察. // 台湾研究集刊.

Ван Чжи-пин, У Минь-ся 2006 – Ван Чжи-пин, У Минь-ся. Общество в горных землях и политика «освоения гор и усмирения диких» на Тайване в конце XIX в. // Тайвань яньцзю цзикань. 2006. № 1. 王志平, 吴敏霞. 19世纪后期台湾的山地社会与«开山抚番». // 台湾研究集刊.

Ван Юй-цзе. Исследование отношений народностей *пинпу* и ханьцев при передаче земель в период Цин. // Магистерская диссертация. Институт изучения этнологии и зарубежных китайцев, Университет китайской культуры – Тайбэй, 1987. 王育杰. 清代平埔族与汉人土地转移关系之研究. // 中国文化大学民族与华侨研究所硕士论文 (未刊稿).

Ван Юнь-шэн 1955 – Ван Юнь-шэн. Беседы об истории Тайваня. Пекин, 1955. 王芸生. 台湾史话北京: 中国青年出版社.

Ван Я-пин 2006 – Ван Я-пин. Ретроспектива исследований по истории аборигенных народностей Тайваня. // Институт этнологии. Тайваньский государственный университет. 2006: <http://www.docin.com/p-8432932.html> 王雅萍. 台湾原主民族史的研究回顾. // 国立政治大学民族学系.

Вань Кэ-цзя 1958 – Вань Кэ-цзя. Краткая история борьбы тайваньцев. Наньчан, 1958. 萬克家. 臺灣人鬥爭史略. 南昌: 江西人民出版社.

Вэй Хуэй линь био – Вэй Хуэй-линь. Биография: http://210.240.41.130/citing/citing_content.asp?id=1830&keyword=衛惠林

Вэн Ду-цзянь 1990, 2001 – Вэн Ду-цзянь, гл. ред. Очерки истории национальных отношений в Китае. 1990, 2001. 翁独健 主编. 中国民族关系史纲要. 中国社会科学出版社.

Вэн Цзя-инь 1984 – Вэн Цзя-инь. Общее рассмотрение истории синизации народностей *пинпу*. // Тайвань фэнью. 1984, 34 (1). С. 1-27. 翁佳音. 平埔族汉化史考略 // 台灣風物.

Вэн Цзя-инь 1986 – Вэн Цзя-инь. Исследования по истории вооружённого антияпонского сопротивления ханьцев на Тайване (1895-1902). // Государственный тайваньский университет. Серия «Литература и история». Тайбэй, 1986, № 74, 235 с. 翁佳音. 臺灣漢人武裝抗日史研究 (1895-1902). // 國立臺灣大學文史叢刊. 國立臺灣大學出版委員會.

Вэн Цзя-инь 1988 – Вэн Цзя-инь. История опросов и исследований народностей *пинпу* в эпоху японского правления. // В сб. «Сводный каталог исследований по тайваньским *пинпу*». Чжан Ин-чжан, гл. ред. Тайбэй, 1988, С. 52-55. 翁佳音. 日治时代平埔族的调查研究史. // 庄英章 主编. 台湾平埔族研究书目汇编. 台北: 中央研究院民族学研究所.

Вэн Цзя-инь 1989 – Вэн Цзя-инь. Несколько проблем исследований социальной истории ханьцев на Тайване в период Цин. // Сб. статей н. к.: Исследования отечественной истории со времён Китайской Республики: ретроспективы и перспективы. Тайбэй, 1989. С. 1499-1510. 翁佳音. 清代臺灣漢人社會史研究的若干問題. // 民國以來國史研究的回顧與展望研討會論文集. 國立臺灣大學編. 臺北.

Вэн Цзя-инь 1990 – Вэн Цзя-инь. Анализ эволюции представлений тайваньских ханьцев в эпоху Цин. // Тайвань фэнью. 1990. Т. 40. № 1. С. 1-24. 翁仕傑. 清代臺灣漢人民變的理念分析. // 台灣風物.

Вэн Цзя-инь 1992 – Вэн Цзя-инь. Забытая история аборигенов – первичное исследование Quata (правителя дикарей

в Дадун). // Тайвань фэнъю. Т. 42, № 4, 1992. С. 145-188. 翁佳音. 被遺忘的原住民史 – Quata (大肚番王)初考. // 臺灣風.

Гао Вэй 2009 – Гао Вэй. Малые народности Тайваня. Рукай. Б.м., 2009.11. 187 с. 高伟 著. 台湾少数民族. 鲁凯. 台海出版社.

Гао Вэнь-чуань 2005 – Гао Вэнь-чуань. Специалисты по истории Тайваня обсуждают изучение истории Тайваня). // Сюэшу цзе. Пекин, 2005. № 5 (114). С. 290-292. 臧文川. 台湾史专家谈台湾史研究. // 学术界(双月刊). 总第114期.

Го Ли-цзюань 2010 – Го Ли-цзюань. География как точка отсчёта. Мировой взгляд на Тайвань – историк Цао Юн-хэ. // Тайвань гуанхуа цзачжи. 2010. Т. 35. № 5. С. 48-56. 郭麗娟. 以地理為基點, 從世界看台灣 – 歷史學家曹永和. // 臺灣光華雜誌. 35卷5期. 2010.

Го Тин-и 1983 – Го Тин-и. Очерки истории Тайваня. Тайбэй, 1983. 郭廷以. 台湾史事概说.

Го Чжи-чао, У Чунь-мин 2002 – Го Чжи-чао, У Чунь-мин. Анализ теории «южного пришествия» тайваньских аборигенов – попутно об истоках происхождения «народностей австронезийской языковой семьи». // Сямынь дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2002. № 2. 郭志超, 吴春明. 台湾原住民«南来论»辨析 – 兼论“南岛语”起源. // 厦门大学报 (哲学社会科学版).

Гун Фан 1996 – Гун Фан. Метаморфозы образовательной политики на Тайване в период японского правления. // Тайвань яньцзю цзикань. 1996. № 3. 龔放. 日據時期臺灣教育政策的演變. // 臺灣研究集刊.

Гун Фан 1998 – Гун Фан. Анализ и оценка высшего образования на Тайване в период японского правления. // Тайвань яньцзю цзикань. 1998. № 2. 龔放. 日據時期臺灣高等教育評析. // 臺灣研究集刊.

Дай Го-хуэй 1985 – Дай Го-хуэй. Исследования по истории Тайваня. Тайбэй, 1985. 戴國輝. 台灣史研究. 台北: 遠流.

Е Жун-чжун 1971 – Е Жун-чжун, и др. История национальных движений на Тайване. Тайбэй, 1971. 葉榮忠. 台灣民族運動史. 台北: 自立晚報社.

Е Цзянь-ин 1981 – Е Цзянь-ин. О возвращении Тайваня в лоно родины и мирном объединении. // Текст интервью председателя ПК ВСНП Е Цзянь-ина от 30 сентября 1981 г. http://russian.china.org.cn/china/archive/taiwan/txt/2002-06/07/content_2032102.htm

Ино 1957 – Ино Канори. Тайван бансэй кокородзаси (Описание правлений дикарями на Тайване). Ред. и перев. на кит. яз. Вэнь Ци. Тайбэй, 1957. 伊能嘉矩著. 溫吉編譯 «台灣番政志». 台灣省文獻會.

Инь Чжан-и 1989 – Инь Чжан-и. Исследования по истории освоения Тайваня. Тайбэй, 1989. 尹章義. 台灣開發史研究. 台北.

Инь Чжан-и 1991 – Инь Чжан-и. Несколько проблем, связанных с *хакка* и историей освоения Тайваня мигрантами. // Сб. статей н. к. по истории Тайваня. Комиссия по надзору за изучением истории Тайваня, под ред. 1991. Т. 3. С. 211-234. 尹章義. 台灣移民開發史上與客家人相關的幾個問題. // 見台灣史研究會 主編. 台灣史學述研討會論文集. 台北.

Ицзян Болуэр 1994 – Ицзян Болуэр. Первичное обсуждение путей развития аборигенного движения на Тайване. // Шань хай вэньхуа. 1994. № 4. С. 22-38. 夷將拔路兒. 台灣原住民運動發展路線之初步探討. // 山海文化.

Ицзян Болуэр 2005 – Ицзян Болуэр. Ретроспективный взгляд на историю движения за «исправление имён» тайваньских аборигенов. // Конференция по «исправлению имён» аборигенных народностей. Тайбэй, 2005. С. 1-9. Icyang Parod. 夷將 撥路兒. 台灣援助民族正名運動的歷史回顧. // 原住民族正名研討會. 行政院原住民委員會 主辦. 台北市. 2005.

Кан Пэй-дэ 2010 I – Кан Пэй-дэ. Консолидация племён тайваньских аборигенов под властью голландской Ост-

индской компании. // Тайвань ши яньцзю. 2010. Т. 17. № 1. С. 1-25. 康培德. 荷蘭東印度公司治下的臺灣原住民部落整併. // 臺灣史研究.

Кан Пэй-дэ 2010 II – Кан Пэй-дэ. Тайваньско-европейские межэтнические браки под властью голландской Ост-индской компании: на примере аборигенов в окрестностях Тайнани. // В сб. «История Наньина, Общество и культура», Дай Вэнь-фэн, гл. ред. Тайнань, 2010. Т. 2. С. 55-76. 荷蘭東印度公司治下的臺歐跨族群婚姻: 臺南一帶的原住民案例. // 收錄於戴文鋒編, «南瀛歷史, 社會與文化 (II)». 臺南: 臺南縣政府.

Краткая история гаошань 1963 – Краткая история и краткое описание народностей *гаошань* под общей редакцией (первичный черновик). Составители: Группа изучения социальной истории нацменьшинств в Фуцзяни. НИИ этнологии КАОН. 1963. 72 с. 高山族簡史簡志合編 (初稿). 福建少数民族社会历史调查组编. 中国科学院民族研究所.

Краткая история гаошань 1982 – Краткая история народностей *гаошань*. Фуцзянь, 1982. 高山族簡史. 福建: 福建人民出版社.

Крупный инцидент 2003 – Крупный инцидент в истории аборигенной народности: исследование инцидента Ли Дуншаня. // Спецвыпуск. Тайбэй: Правительственный совет по делам аборигенов., 2003. 133 с. 原住民部落重大歷史事件: 李棟山事件研究. // 行政院原住民族委員會編印. 台北.

Курихара 2000 – Курихара Цзюн. Граждане Тайваня и проблема японского гражданства. (пер. на кит. яз. Чжун Шу-минь). // Сб. статей науч. конф. по упорядочению и изучению документов и материалов по истории Тайваня. Наньтоу, 2000. С. 424-450. 栗原純著. 臺灣籍民與國籍問題. 鍾淑敏譯. // 臺灣文獻史料整理研究學術研討會論文集. 南投: 臺灣省文獻委員會.

Курихара 2006 – Курихара Цзюн. Ассимиляционная политика на Тайване под господством Японии – изучение

процесса установления закона о смешанных браках (перевод на кит. яз. Чжун Шу-минь). // Сб. статей 4-й н. к. по архивам генерал-губернаторства Тайваня. Наньтоу, 2006. С. 187-243. 栗原純著. 日本統治下台灣的同化政策—共婚法成立過程之研究. 鍾淑敏譯. // 第四屆臺灣總督府檔案學術研討會論文集. 南投: 台灣文獻館.

Кэ Чжи-мин 2001 – Кэ Чжи-мин. Домохозяин «фань»: этническая политика и земельные права «окультуренных дикарей» на Тайване в эпоху Цин. Тайбэй, 2001. 柯志明. 番頭家: 清代台灣族群政治與熟番地權. 台北: 中央院社會學研究所.

Ли Го-мин 1985 – Ли Го-мин. Очередное обсуждение классификации этнических групп *пинпу* в Пиндуне. // Сб. статей по исследованию *пинпу*. Тайбэй, 1985. 李國銘. 屏東平埔族群分類再議. // 平埔研究論文集. 台北: 中央研究院台灣史研究所籌備處.

Ли Дэн-хуэй 2005 – Ли Дэн-хуэй. Народ, утративший корни. Введение. В кн.: Сюэ Хуа-юань, Дай Бао-цунь, Чжоу Мэй-ли. Ли Дэн-хуэй (издатель). Тайвань не является китайским – национальная история Тайваня. Тайбэй, 2005. 薛花園, 戴寶村, 周美裏. 李登輝 (發行人). 台灣不是中國的 – 台灣國民的歷史.

Ли Жу-пинь. Анализ этнических связей в тайваньском регионе с позиций теории конфликтов. // Чжэнчжисюэ сюэбао. № 1. 2003. С. 1-26. 李如蘋. 從衝突理論分析台灣地區的族群關係. // 政治學學報, 創刊號.

Ли Жэнь-гуй 1991 – Ли Жэнь-гуй. Классификация *пинпу* северного Тайваня и её языковые основания. 李壬癸. 臺灣北部平埔族的分類及其語言根據. // Тайвань фэнью. 1991. Т. 41. № 4. С. 197-214.

Ли Жэнь-гуй 1995 – Ли Жэнь-гуй. Классификация, связи и взаимодействие народностей *пинпу* в северной части Тайваня. // Сборник исследований по *пинпу*. Тайбэй, 1995. 李壬癸. 臺灣北部平埔族的種類及其互動關係. // 平

埔研究論文集—台北：中央研究院台灣史研究所籌備處，民國84年。

Ли Жэнь-гуй 1997 – Ли Жэнь-гуй. Этнические общности и миграции австронезийских народностей Тайваня. Тайбэй, 1997. 李任癸. 台灣南島民族的族群與遷徙.

Ли И-юань 1955 I – Ли И-юань. Жертвоприношения духам предков у тайваньских *пинпу*. // Чжунго миньцзю сюэбао. 1955. № 1. С. 125-137.

Ли И-юань 1955 II – Ли И-юань. Взгляд на тайваньских *пинпу* исходя из документальных материалов. // Далу цзачжи. 1955. № 10(9). С. 19-29. 李亦園. 從文獻資料看台灣平埔族. // 大陸雜誌.

Ли И-юань 1955 III – Ли И-юань. Особенности древних культур ЮВА у тайваньских *пинпу*. // Чжуи юй го цэ. 1955. № 44. С. 23-28. 李亦園. 臺灣平埔族所具之東南亞古文化特質. // 主義與國策.

Ли И-юань 1975 – Ли И-юань. Семинар по ретроспективам и перспективам изучения народностей гаошань: вступительная речь. // Чжунъян яньцзю юань миньцзусюэ яньцзюсю цзикань, 1975. № 40. С. 1-3. 李亦園. 高山族研究回顧與前瞻座談會：導言. // 中央研究院民族學研究所集刊: <http://www.ioe.sinica.edu.tw/chinese/staff/c9101/etb040-001.pdf>

Ли И-юань и др. 1983 – Ли И-юань и др. Оценка и исследование административной политики в горных районах Тайваня. Тайбэй: Институт этнологии, Академия Синика, 1983. 李亦園等. 山地行政政策之研究與評估報告書. 台北：中央研究院民族學研究所.

Ли И-юань 1993 – Ли И-юань. Этнология и антропология: антропологические исследования на Тайване и несколько тенденций развития. // Цинхуа сюэбао. 1993. № 4. С. 341-360. 李亦園. 民族志學與社會人類學：台灣人類學研究與發展的若幹趨勢. // 清華學報.

Ли И-юань 1994 – Ли И-юань. Сорок лет этнологических исследований на Тайване: современное состояние

и пути развития. // Мяолин фэнъяо. 14: 1-8. Гуйчжоу, 1994. 李亦園. 臺灣四十年民族學研究現狀及走向. // 苗嶺風謠. 貴州. <http://www.ioe.sinica.edu.tw/chinese/staff/c9101/etliy-0030j.pdf>

Ли И-юань 1998 I – Ли И-юань. Этнология господина Ли Чунь-шэна. // Юбилейное издание в честь 70-летия НИИ истории и филологии. Тайбэй, 1998. 李亦園. 凌純聲先生的民族學. // 史語所七十週年紀念刊.

Ли И-юань 1998 II – Ли И-юань. Ретроспективы и перспективы изучения этнических ханьцев на Тайване. // Гуанси дасюэ сюэбао. Гуанси, Наньнин. 1998. № 6. 李亦園. 臺灣漢民族研究的回顧與前瞻. // 廣西大學學報. 廣西, 南寧.

Ли Цзу-ци 2009 – Ли Цзу-ци. Ретроспективы, мысли и чувства к 30-летию исследований по истории Тайваня в материковом Китае. // Тайвань яньцзю. 2009. № 1. С. 60-64. 李祖基. 大陸臺灣史研究三十年的回顧與感想. // 台灣研究.

Ли Цяо 1994 – Ли Цяо. Политические позиции тайваньских хакка. // В сб. статей н.к. «Культура хакка». Сюй Чжэн-гуан и др., ред. Тайбэй, 1994. 李喬. 台灣客家人的政治態度. // 收於徐正光等編 «客家文化研討會論文集». 台北.

Ли Чжи-фу 1955 – Ли Чжи-фу. Краткая история революционной борьбы тайваньского народа. Гуанчжоу, 1955. 李稚甫. 台灣人民革命鬥爭簡史. 廣州: 華南人民出版社.

Линь Жэнь-чуань 2004 – Линь Жэнь-чуань. Текущее состояние и перспективы изучения Тайваня в материковом Китае в последние годы. // Сб. статей м. н. к. по тайваньским исследованиям. 2004.07. 林仁川. 近年來大陸研究臺灣史之現狀與展望. // 臺灣研究國際學術研討會論文集.

Линь Мэй-жун 1990 – Линь Мэй-жун. Этнические связи и культурная дискретность. 林美容. 族群關係與文化分立. // 中央研究院民族學研究所集刊. 1990. № 69. С. 93-106.

Линь Хуэй-сян 2000 – Линь Хуэй-сян. Линь Хуэй-сян – этнолог, первый замдиректора НИИ Южных океанов. Университет Сямынь. Центр изучения ЮВА. Дата публикации 11.12.2000. Дата обращения 27.07.2017: <http://ny.xmu.edu.cn/Article/ShowArticle.asp?ArticleID=727> 林惠祥. 民族学家南洋研究所首任副所长林惠祥. 厦门大学. 东南亚研究中心.

Линь Хуэй-сян 1930 – Линь Хуэй-сян. Первобытная культура аборигенных народностей Тайваня. // Спецвыпуск. № 3. Государственная академия наук. 1930. 林惠祥. 台湾番族之原始文化. // 专刊第3号. 国立中央研究院.

Линь Хуэй-сян 1954 – Линь Хуэй-сян. Тайвань издревле является территорией Китая. Б.м., 1954. 林惠祥. 台湾自古是中国的领土.

Линь Хуэй-сян 1936 – Линь Хуэй-сян. Этническая история Китая. Шанхай. 1936. Т. 1, 2. 林惠祥. 中国民族史. 上海: 商务印书馆.

Линь Чунь-шэн 1979 – Линь Чунь-шэн. Пограничные народности Китая и пантихоокеанская культура: собрание сочинений господина Ли Чунь-шэна. Тайбэй, 1979. 凌純聲. 中國邊疆民族與環太平洋文化: 凌純聲先生論文集. 台北: 聯經.

Лю Сян-линь 1992 I – Лю Сян-линь. Введение в исследования *хакка*. Тайбэй. 1992 (репринт издания 1933 г.). 羅香林. 客家研究導論. 臺北. 1992.

Лю Сян-линь 1992 II – Лю Сян-линь. 羅香林. 客家史料彙編 臺北. 1992 (репринт издания 1965 г.).

Лю Би-дэ 2010 – Лю Би-дэ. Борьба аборигенов из Даньшуй против испанских колонизаторов в 1636 г. // Тайвань яньцзю цзикань. 2010. № 110. С. 67-76. 劉彼德. 1636年淡水原住民反抗西班牙殖民者的斗争. // 臺灣研究集刊.

Лю Бинь-сюн 1986 – Лю Бинь-сюн. Изучение народностей «гаошань» японскими учёными. // Сборник иссле-

дований по аборигенной культуре Тайваня. По ред. Хуан Ин-гуй. Тайбэй, 1986: 69–87. С. 69. 劉斌雄. 日本學人之高山族研究. // 臺灣土著文化研究論文集/黃應貴主編. Статья впервые издана в «Бюллетене института этнологии» академии Синика. 中央研究院 «民族學研究所集刊». № 40. 1976.06: 5–16.

Лю Да-нянь 1956 – Лю Да-нянь и др. Очерки истории Тайваня. Пекин, 1956. 劉大年与丁名楠, 余绳武 合著. 台灣歷史概述. 北京: 三聯書店.

Лю Жу-чжун, Мяо Сюэ-мэн 1992 – Лю Жу-чжун, Мяо Сюэ-мэн. Общественная жизнь тайваньских *гаошань* в период Цин. Фуцзянь, 1992. 劉如仲, 苗学孟. 清代台湾高山族社会生活. 福建人民出版社.

Лю Хуань-юэ и др. 2000 – Лю Хуань-юэ и др. Сборник материалов по этнической истории хакка на Тайване (3). Том документов по местным хроникам. Тайбэй, 2000. 劉還月等. 台灣客家族群史料彙編 (3) 方志文獻卷.

Лю Цзэ-минь, и др. 2001 – Лю Цзэ-минь, Чэнь Вэнь-тянь, Янь И-фан, ред. и перев. Сборник относящихся к *пинну* документов из архивов генерал-губернаторства Тайваня. Наньтоу, 2001. 劉澤民, 陳文添, 顏義芳編譯. 台灣總督府檔案平埔族關係文獻選輯. 南投市: 台灣省文獻委員會.

Лю Чжэн-ган 2006 – Лю Чжэн-ган. Освоение границ переселенцами и связи с этническими меньшинствами в эпоху Цин – на примере Тайваня). // Тайвань шаошу миньцзу яньцзю луныцун. 2006.12. Т. 1. 刘正刚. 清代移民开发边疆与少数民族关系 – 以台湾为例. // 台湾少数民族研究论丛(第1卷). 民族出版社.

Лян Жун-мао 1993 – Лян Жун-мао. Кризис и связующие звенья культуры хакка. // В сб. «Новые концепции по тайваньским хакка». Тайбэй, 1993. 梁榮茂. 客家文化的危機與轉機. // 收於 台灣客家公共事務協會 編 «台灣客家人新論». 台北.

Мао Цзя-ци, Ху Хуа-цзюнь 1995 – Мао Цзя-ци, Ху Хуа-цзюнь. О противодействии жителей Тайваня японскому движению *коминка* в 1937–1945. // Дуннань вэньхуа. 1995. № 3. 茅家琦, 胡華軍. 論1937–1945年台灣人民對日本“皇民化”運動的抵制. // 東南文化.

Метаформозы 2010 – Метаформозы правительственной политики и социального развития аборигенов на Тайване. // Хуан Шу-минь, Чжан Ин-хуа, гл. ред. Тайбэй: Институт этнологии, Академия Синика, 2010. 台灣原住民政策變遷與社會發展/黃樹民. 章英華主編. 台北市: 中央研究院民族學研究所.

Накамура 1992 – Накамура Такаси. Деревня Куатаон на западе центрального Тайваня под господством Голландии. // Тайвань фэнью. 1992. Т. 43. № 43 (4). С. 238-306 (кит. яз.) 中村孝志. 荷蘭統治下位於台灣中西部的Quataong 村落. // 台灣風物.

Пань Ин-хай 1987 I – Пань Ин-хай. О материалах по исследованию *пинпу* на западных языках. // Тайвань фэнью. 1987. Т. 37. № 2. С. 39-54. 潘英海. 有关平埔族研究的西文资料. // 台湾风物.

Пань Ин-хай 1987 II – Пань Ин-хай. Трудности и значение исследований *пинпу*. // Тайвань фэнью. 1987. Т. 37. № 2. С. 157-165. 潘英海. 平埔族研究的困惑與意義. // 臺灣風物.

Пань Ин-хай 1988 – Пань Ин-хай. Документальные материалы на западных языках, касающиеся изучения *пинпу*. // В сб. «Сводный каталог исследований по тайваньской этнической группе *пинпу*». Тайбэй, 1988. С. 94-144. 潘英海. 有關平埔族研究的西文資料. 台灣平埔族研究書目彙編.

Пань Ин-хай 1994 – Пань Ин-хай. Новое осмысление и новый старт исследований *пинпу*. Записи о н. к. «Исследование народностей *пинпу*». // Тайвань ши яньцзю. 1994. Т. 1. № 1. 潘英海. 平埔研究的再思考與再出發: 記“平埔族群研究”學術研討會. // 台灣史研究.

Пань Ин-хай 1995 – Пань Ин-хай. Выяснение роли жертвенных сосудов – от «деревень жертвенных сосудов» до «общей роли сосудов в вероисповедании» // Справочная сеть по культуре пинпу. Тайбэй, 1995. С. 445-473. 潘英海. 祀壺釋疑: 從«祀壺之村»到«壺的信仰叢結». // 平埔研究論文集.

Пань, Чжань 1995 – Пань Ин-хай, Чжань Су-цзюань. Сборник статей по исследованиям пинпу. Тайбэй, 1995. 498 с. 潘英海, 詹素娟編 合編. 平埔研究論文. 集臺北. 1995 <http://ianthro.tw/p/91>

Пэн Жуй-цзинь 1993 – Пэн Жуй-цзинь. Когда *хакка* уже больше не *хакка*. // В сб. «Новые концепции по тайваньским *хакка*». Тайбэй, 1993. 彭瑞金. 當客家不再客家. // 收於 台灣客家公共事務協會編 «台灣客家人新論». 台北.

Ретроспективы 1994 – Ретроспективы и перспективы исследований по истории Тайваня (от редакторов). // Тайвань ши яньцзю. 1994: 6. Т. 1. № 1. 台灣史研究: 回顧與展望. // 臺灣史研究.

Ретроспективы и перспективы 1989 – Ретроспективы и перспективы исследований отечественной истории за период Китайской республики. Сб. статей конференции. Тайбэй, 1989. 民國以來國史研究的回顧與展望研討會論文集. 國立臺灣大學編. 臺北.

Сборник первой встречи 1990 – Сборник статей первого научного обмена двух берегов Тайваньского пролива по истории Тайваня. // Сямынь, 1990. 219 с. 海峽兩岸首次台灣史學術交流文集. 廈門大學出版社.

Сборники нацменьшинств 2006–2007 – Сборники статей по исследованию нацменьшинств Тайваня). 2006.12–2007. 12. Т. 1–7. 台灣少數民族研究論叢(第1–7卷). 民族出版社. <http://www.china-pub.com/281535>

Свод истории нацменьшинств 2003–2007 – Свод книг по краткой истории нацменьшинств Китая. Пекин: Миньцзучубаньшэ, 2003–2007. 55 т. 中國少數民族簡史叢書.

Се Цзи-чан 1979 – Се Цзи-чан. Китаизация народности *пинпу*: исследование по равнине Пули на Тайване. // Чжунъян яньцзю юань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань. 1979. № 47. С. 49-72. Аннотация: <http://ianthro.tw/c/10e%3Apub%3A1911> 謝繼昌. 平埔族之漢化: 臺灣埔里平原之研究. // 中央研究院民族學研究所集刊.

Се Ши-чжун 2004 – Се Ши-чжун. Макро-взгляд на изучение антропологии этнических групп: сборник статей по аборигенам Тайваня. Тайбэй, 2004. С. 3-74. 謝世忠. 族群人類學的宏觀探索: 台灣原住民論集. 台北: 台灣大學出版中心.

Семинар гаошань 1975 – Семинар по ретроспективам и перспективам изучения гаошань: стенограмма общего обсуждения. // Чжунъян яньцзю юань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань. 1975. № 40. С. 107-117. 高山族研究回顧與前瞻座談會: 綜合討論紀錄. // 中央研究院民族學研究所集刊.

Слово Вэнь ши чжиши 1990 – Слово редакторов. // Вэнь ши чжиши. Спецвыпуск о Тайване (Т. 1). 1990. № 4 (106). С. 3. 編者的話. // 文史知識. 台灣專號(上編).

Сун Гуан-юй 2007 – Сун Гуан-юй. История Тайваня. Пекин. 2007.08. 宋光宇. 台灣史. 北京.

Сунь Хун-е 2010 – Сунь Хун-е. Государственная идентичность 2-го поколения «*вайшэн жэнь*». // Государство и идентичность: воззрения некоторых вайшэн жэнь. Тайбэй, 2010. С. 37-39. 孫鴻業. «外省人»第二代的國家認同. // 國家與認同: 一些外省人的觀點. 臺北.

Сюй Вэй-цинъ 2002 – Сюй Вэй-цинъ. Ущерб тайваньскому обществу от японской политики ассимиляции – на примере клана Линь из селения Уфэн в Тайчжуне). // Тайвань яньцзю цзикань. 2002. № 4. 许维勤. 日本同化政策对台湾社会的戕伤 – 以台中雾峰林氏家族为例. // 台湾研究集刊.

Сюй Лян-го 2006 – Сюй Лян-го. Сборник исследований по народностям Тайваня). Пекин, 2006. 许良国. 台湾民族研究文集. 中央民族大学出版社.

Сюй, Чжань 1990 – Сюй Му-чжу, Чжань Ци-фэнь. Романтичные открыватели диких пустошей? – Этнологические исследования на Тайване. // Вэнь ши чжиши. Спец. выпуск по Тайваню. 1990. № 4 (106). Т. 1. С. 113-117. 许木柱, 詹琪芬. 浪漫的蛮荒探险者? – 台湾的民族学研究. // 文史知识. 台湾专号 (上编).

Сюй Чжэн-гуан 1995 – Сюй Чжэн-гуан. Этнические связи на Тайване. // В сб. История Тайваня и источники по истории Тайваня (2), сост. Чжан Янь-сянь и др. 1995. 徐正光. 台灣的族群關係. // 收於張炎憲等編. 台灣史與台灣史料 (二). 台北: 吳三連台灣史料基金會.

Сюй Чжэн-гуан 2007 – Сюй Чжэн-гуан, авт., ред. Очерки по исследованиям хакка на Тайване. Тайбэй, 2007. 徐正光編著. 臺灣客家研究概論. 臺北.

Сюй Юй-цунь 2003 – Сюй Юй-цунь. Общее описание исследований по аборигенам Тайваня в период японского правления. // Электронный журнал музея первобытной истории. 2003.03.01. № 7. 徐雨村. 日治時期的台灣原住民研究概況 // 史前館電子報: <http://www.nmp.gov.tw/enews/no7/5.htm>

Сюэ Хуа-юань 1999–2006 – Сюэ Хуа-юань, сост. История освоения Тайваня. Тайбэй, 2006. Издание 4-е переработанное (1999, 2002, 2005, 2006). 薛化元編著. 台灣開發史.

Сяо Синь-хуан, Сюй Чжэн-гуан 1995 – Сяо Синь-хуан, Сюй Чжэн-гуан. «Языковая проблема» народности хакка – анализ исследований в районе Тайбэй. // Сб. материалов НИИ этнологии. Тайбэй, 1995. № 10. С. 1-40. 蕭新煌, 徐正光. 客家族群的「語言問題」—台北地區的調查分析. // 民族學研究所資料彙編.

Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин 1998 – Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин. План отбора и написания политических глав для издания «Этническая история хакка на Тайване». // Бюллетень исследований по культуре хакка. Тайбэй, 1998. № 1. С. 68-77. 蕭新煌, 黃世明. «台灣客家族群史»政治篇研究撰述綱要. // 客家文化研究通訊.

Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин 2001 – Сяо Синь-хуан, Хуан Ши-мин. Местные общества и политические силы *хакка* на Тайване: типы, развитие и ограничения этнических группировок *хакка*. // История и политэкономия: сб. статей 4-й м. н. к. по изучению *хакка*. Тайбэй, 2001. С. 143-178. 蕭新煌, 黃世明. 台灣地方社會與客家政治力: 客家族群派系的類型, 發展及限制. // 歷史與社會經濟: 第四屆國際客家學研討會論文集. 台北市: 民族學研究所.

Сяо Синь-хуан 2002 – Сяо Синь-хуан. Изменения этнического сознания в ходе демократического преобразования Тайваня. // Сянган шэхуэй сюэбао. 2002. № 3. С. 19-50. 蕭新煌. 台灣民主轉型中的族群意識變化. // 香港社會學報.

Сяо Цзюнь-хэ 2001 – Сяо Цзюнь-хэ. История китайской нации. Хэйлуңцзян, 2001. 蕭君和. 中華民族史: 黑龍江教育出版社.

Тайвань лиши цыдянь 2003 – Тайвань лиши цыдянь (Тайваньский исторический словарь). Тайбэй. 2003. 1872 с. 台灣歷史詞典: <http://nrch.cca.gov.tw/ccahome/website/site20/PDFFiles/0308.pdf>

Тайвань фэнью (Обычаи и материальная культура Тайваня) 台灣風物. Научный журнал. Сайт: <http://www.twcenter.org.tw/e01/other01/main.htm>

Тянь Хэ-нянь, Ли Юн-мин и др., сост. и авт. Исторические перепутья Тайваньского моря. Пекин, 2007. 420 с. 田鶴年, 李永銘等編著. 台海歷史縱橫. 北京: 華文出版社.

Тории Рюдзо 2016 (1902) – Торие Рюдзо, авт. Отчёт об обследовании туземных обычаев Острова красноголовых. Пер. на кит. Линь Ци Тайбэй: Таншань, 2016. 鳥居龍藏. 紅頭嶼土俗調查報告. 繁體中文. 譯者: 林琦書. 新北市. 唐山出版社.

Тории Рюдзо 2017 (1902) – Торие Рюдзо, авт. Первая книга исследования по «острову красноголовых». Пер. на кит. яз. и комментарии: Сямань Ланьбоань, Ли Вэнь-жу, Сюй Пэй-лин, Ян Чжи-цин. Синьбэй, 2017. 180 с. 鳥居龍

藏著. 紅頭嶼研究第一本文獻. 夏曼·藍波安總主持, 李文茹徐佩伶, 楊智景譯註. 新北市.

У Вэнь-син 2005 – У Вэнь-син. Политика оставления на службе японцев на Тайване в первые послевоенные годы. // Тайвань шифань дасюэ сюэ бао. 2005. № 33. С. 269-285. 吳文星. 戰後初年在台日本人留用政策初探. // 臺灣師大歷史學報 第 33 期.

У Най-дэ 1993 – У Най-дэ. Сознание провинциальной принадлежности, политическая поддержка и государственная идентичность. // В сб. «Этнические отношения и государственная идентичность», Чжан Мао-куй, ред. Тайбэй, 1993. С. 27-51. 吳乃德. 省籍意識, 政治支持和國家認同. // 收於張茂桂主編《族群關係與國家認同》. 台北: 業強出版社.

У Чунь-мин 2004 – У Чунь-мин, гл. ред. Аборигены Тайваня и исследования истоков происхождения австронезийской языковой семьи. Проект КАОН № 20040165. Б. м., 2004. 吳春明主編. 台灣原住民與南島語族起源研究 – 國家社科基金結題成果, 第20040165号.

У Чунь-мин, Чэнь Вэнь 2003 – У Чунь-мин, Чэнь Вэнь. Обсуждение «миньнань-тайваньской гипотезы» в исследованиях истоков происхождения «австронезийской языковой семьи». // Миньцзу яньцзю. 2003. № 4. 吳春明, 陳文. «南島語族»起源研究中《閩台說》商榷. // 民族研究.

Фан Хао 1951 – Фан Хао. Малая история национального движения на Тайване. Тайбэй, 1951. 方豪. 台灣民族運動小史. 台北: 正中書局.

Фаньцзу гуаньси дяоча 1996 – Фаньцзу гуаньси дяоча баогаошу. Тайвань цзундуфу линьши Тайвань цзюгуань дяочахуэй. (Отчёты по обследованию обычаев диких народностей. Временный комитет по обследованию старинных обычаев при генерал-губернаторстве Тайваня). Тайбэй, 1996. 番族慣習調查報告書. 臺灣總督府臨時臺灣舊慣調查會.

Фудзии 1989 – Фудзии Шицзуэ. Политика генерал-губернаторства по покорению аборигенов в период японского правления на Тайване (1895–1915). Тайбэй, 1989. 藤井志津枝. 日據時期臺灣總督府の理蕃政策.

Фуцзиэ 2003 – Фуцзиэ Шицзуэ. Покорение аборигенов – планы Японии по упорядочению правления на Тайване. Тайбэй, 2003. С. 151-276. 藤井志津枝. 理蕃 – 日本治理台灣的計策. 台北: 文英堂出版社.

Хайшуэр Бацылафэй 2010 – Хайшуэр Бацылафэй. Исследование участия аборигенов в выборах депутатов Законодательного юаня (1972–2004). Тайбэй, 2010. 海樹兒友刺拉菲. 原住民參選立法委員之研究 (1972–2004 年). 臺北: 國史館.

Хао Ши-юань 2008 – Хао Ши-юань. Исследования местных, региональных и этнических историй Китая. // 30 лет исторической науки Китая (1978–2008). Пекин. 2008. Т. 1. 郝时远: 中国地方史, 区域史, 民族史研究 (上). // 中国历史学30年 (1978–2008).

Хуан Жун-ло 1991 – Хуан Жун-ло. История хакка на Тайване. Тайбэй, 1991. 黃榮洛. 客家人的台灣史. // 收於 徐正光 編 «徘徊於族群與現實之間». 台北: 正中.

Хуан Ин-гуй 1992 – Хуан Ин-гуй. Социальная жизнь бунунцев в Дунпушэ. Тайбэй, 1992. 黃應貴. 東埔社布農人的社會生活. 台北: 中研院民族所.

Хуан Ин-гуй 2002 – Хуан Ин-гуй. Слияние истории и антропологии – антропологическая точка зрения. // Жэньлэй сюэды пинлунь. Тайбэй, 2002. С. 296-325. 黃應貴. 歷史學與人類學的會合 – 一個人類學的觀點. // 人類學的評論. 台北.

Хуан Ин-гуй 2003 – Хуан Ин-гуй. Постановка проблемы: историзация антропологических исследований. // Тай да вэнь ши чжэ сюэ бао. Тайбэй, 2003. № 59. С. 1-10. 黃應貴. 專題導論: 人類學研究的歷史化. // 台大文史哲學報.

Хуан Цзинь-ли 1952 – Хуан Цзинь-ли. Тайваньские народности *гаошань*. // Дили чжиши. 1952. № 1. 黃金麗. 台灣的高山族. // 地理知識.

Хуан Шу-минь, Чжан Ин-хуа 2010 – Хуан Шу-минь, Чжан Ин-хуа, гл. ред. Сб. статей «Аборигены Тайваня: метаморфозы политики и социальное развитие». Тайбэй, 2010. 678 с. 台灣原住民政策變遷與社會發展. 黃樹民, 章英華主編, 臺北: 中央研究院民族學研究所.

Хуан Юэ-чжун 2002 – Хуан Юэ-чжун. Политика этнической дискриминации в период японского колониального господства на Тайване. // Тайвань яньцзю. 2002. № 2. 黃躍榮. 日本殖民統治臺灣時期的民族歧視政策. // 臺灣研究.

Хун Ли-вань 2009 – Хун Ли-вань, гл. ред. Государство и аборигены. Исследования по этнической истории АТР (Сборник статей). Тайбэй, 2009. 洪麗完主編. 國家與原住民 – 亞太地區族群歷史研究. 臺北: 中央研究院, 台灣歷史研究所.

Хун Ли-вань 1996 – Хун Ли-вань. Возникновение и метаморфозы поселения Даду. // Тайвань ши яньцзю. 1996. Т. 3. № 1. С. 31-96. 洪麗完. 大社聚落的形成與變遷 (1715–1945): 兼論外來文化對岸裡大社的影響. // 臺灣史研究.

Хун Ли-вань 1997 – Хун Ли-вань. Народности *пинпу* центрального Тайваня: исследование селения Шалу и большого селения Али. Тайбэй, 1997. 512 с. 洪麗完. 臺灣中部平埔族: 沙轆社與岸裡大社之研究. 臺北: 稻鄉出版社.

Цай Ин-вэнь 2016 – Президент Цай [Ин-вэнь] принесла извинения аборигенным народностям. Полный текст выступления. // China Times. CNA. 2016.08.01. 蔡總統向原住民族道歉致詞全文. <http://www.chinatimes.com/realtimenews/20160801003168-260407>

Цай Цзя-жуй 2001 – Цай Цзя-жуй. Этническое сознание и национальная идентичность соотечественников на Тайване в период японского правления (1895–1945). // Тяньцзинь дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2001.

№ 3 (4). 才家瑞. 日据时期 (1895–1945) 台湾同胞的民族意识与国家认同. // 天津大学学报 (社会科学版).

Хун Ли-вань 2002 – Хун Ли-вань. Изучение и прочтение древних документов по народностям *пинпу* в центральной части Тайваня: 8 селений Даокас в Бэншань и 4 селения Пайпула. Тайчжун, 2002. 洪麗完. 台灣中部平埔族群古文書研究與導讀: 道卡斯族崩山八社與拍瀑拉族4社 (3册). 台中縣豐原市: 台中縣立文化中心.

Цао Юн-хэ 1978 – Цао Юн-хэ. Ретроспективы и перспективы изучения Тайваня в эпоху правления голландцев. // Тайвань фэнью. 28:1, 1978. 曹永和. 臺灣荷據時代研究的回顧與展望. // 臺灣風物. 28: 1, 1978.

Цао Юн-хэ 1990 – Цао Юн-хэ. Ещё один путь изучения истории Тайваня – концепция «истории острова Тайвань». // Чжунъян яньцзю юань. Тайвань ши тянье яньцзю тунсюнь (Newsletter of Taiwan History Field Research). 1990.06. № 15. С. 7-9. 曹永和. 臺灣島史研究的另一途徑 – “臺灣島史” 概念. // 中央研究院臺灣史田野研究通訊. 1990-06.

Цао Юн-хэ 1998 – Цао Юн-хэ. Полиэтническая история острова Тайвань. // Лиши юэкань (Historical Monthly). 1998. № 129. С. 93-95. 曹永和. 多族群的臺灣島史. // 歷史月刊. 1998-10.

Цзэн Сы-ци 2005 – Цзэн Сы-ци, гл. ред. Очерки культуры народностей австронезийских языков на Тайване. 2005. 曾思奇主编. 台湾南岛语民族文化概论. 民族出版社.

Цзян Бин-чжао 2007 – Цзян Бин-чжао, гл. ред. История этнических связей в Юго-Восточном Китае. Сямынь, 2007. 蒋炳钊 主编. 中国东南民族关系史. 厦门大学出版社.

Цзянь Бо-цзань 1947 – Цзянь Бо-цзань. Изучение варварских народностей Тайваня. Шанхай. Под глав. ред. Каймин шудянь, 1947. 翦伯赞. 台湾番族考上海. 开明书店主编.

Цзянь Вэнь-минь 2010 – Цзянь Вэнь-минь, гл. ред. Сборник статей конференции по возрождению культуры

народностей *пинну* в южном Тайване. Тайбэй, 2010. 重建南臺平埔族群文化學術研討會論文集. 簡文敏 主編. 臺北: 國立臺灣博物館.

Цзянь Цзюнь-жэнь 2010 – Цзянь Цзюнь-жэнь. Исследования аборигенных народностей *пинну* в районе Гаосюн. Гаосюн, 2010. 簡炯仁. 高雄地區平埔族原住民之研究. 高雄: 高雄縣政府.

Цянь Цзюнь-хуа, Ян Сы-шэнь 1956 – Цянь Цзюнь-хуа, Ян Сы-шэнь. Краткая история народной борьбы на Тайване. Тяньцзинь, 1956. 錢君擘, 楊思慎. 台灣人民鬥爭簡史. 天津.

Чжан Вэй-ань, Сюй Чжэн-гуан 2008 – Чжан Вэй-ань, Сюй Чжэн-гуан. Многополярность этнических групп и хакка – 20 лет движения хакка на Тайване. Тайбэй, 2008. 張維安, 徐正光. 多元族群與客家 – 台灣客家運動20年. 臺北.

Чжан Ин-хай и др. 1988 – Чжан Ин-хай, гл. ред., Пань Ин-хай, Вэн Цзя-инь, Чжань Су-цзюань, ред. Сводный каталог исследований по тайваньской этнической группе *пинну*. Тайбэй, 1988. 莊英章主編, 潘英海, 翁佳音, 詹素娟編輯. 台灣平埔族群研究書目彙編. 臺北: 中研院民族學研究所.

Чжан Лун-чжи 1997 – Чжан Лун-чжи. По следам утерянных формозских племён: переосмысление исследований по истории тайваньских народностей *пинну*. // В сб. «100 лет исследований по истории Тайваня: ретроспективы и перспективы». Тайбэй, 1997. С. 257-272. 張隆志. 追尋失落的福爾摩挲部落 – 台灣平埔族群史研究的反思. // 台灣史研究一百年: 回顧與展望. 臺北.

Чжан Сю-мэй 2003 – Чжан Сю-мэй. Первичное обсуждение отношений *миньнань* и *аомынь* (*хакка*) в местности Чжужянь (Синьчжу) в середине династии Цин. 張秀美. 清朝中葉竹塹地方的閩粵(客)關係初探. // 竹塹文獻雜誌. 2003. № 23. С. 33-47.

Чжан Чун-гэнь 1987 – Чжан Чун-гэнь. Изучение народностей *гаошань* и политика, проводимая властями на Тайване. // Миньцзу яньцзю. 1987. № 5. С. 27-32. 张崇根. 台湾的高山族研究与当局推行的政策. // 民族研究.

Чжан Чун-гэнь 2002 – Чжан Чун-гэнь. Исследования коренных нацменьшинств Тайваня. 2002. 张崇根. 台湾世居少数民族研究. 民族出版社.

Чжан Чун-гэнь 2005 – Чжан Чун-гэнь. История Тайваня до последних 400 лет. 2005. 422 с. 张崇根. 台湾四百年前史. 九州出版社.

Чжан Чун-гэнь 2007 – Чжан Чун-гэнь. Противоречия и слияние между народностями *хань* и *пинпу* в эпоху Цин). // Тайвань шаошу миньцзу яньцзю луьньцун. 2007.12. Т. 7. 张崇根. 清代汉族与平埔诸族之间的矛盾和融合. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Чжан Чун-гэнь, Лю Юань-жу 2007 – Чжан Чун-гэнь, Лю Юань-жу, гл. ред. Сборник статей по исследованию нацменьшинств на Тайване. 2007.12. Т. 7. 张崇根, 刘元如主编. 台湾少数民族研究论丛 (第7卷). 民族出版社.

Чжан Янь-сянь и др. 1993 – Чжан Янь-сянь, Ван Ши-цин, Ли Цзи-хуа, ред. Сб. документальных материалов по тайваньским народностям *пинпу*. 张炎宪, 王世庆, 李季樺編. 臺灣平埔族文獻資料選集. Тайбэй, 1993, Т. 1-2.

Чжан Яо-ци 2003 – Чжан Яо-ци. Исследование названий поселений тайваньских *пинпу*. Тайбэй, 2003. 137 с. 張耀錡. 臺灣平埔族社名研究. 台北: 南天書局.

Чжань Су-цзюань 1986 – Чжань Су-цзюань. Изучение отношений народностей *пинпу* и ханьцев в период Цин. // Сб. статей н. к. «История регионов Китая в новое время». Тайбэй, 1986. С. 195-223. 詹素娟. 清代臺灣平埔族與漢人關係之探討. // 近代中國區域史研討會論文集. 臺北: 中央研究院近代史研究所.

Чжань Су-цзюань 1987 – Чжань Су-цзюань. Обсуждение исследований *пинпу* с учётом документальных материалов

на китайском языке. // Сб. статей н. к. по исследованиям истории Тайваня и выявлению исторических материалов. Гаосюн, 1987. С. 243-284. 詹素娟. 從中文文獻資料談平埔族研究. // 臺灣史研究暨史料發掘研討會論文集. 高雄: 臺灣史蹟研究中心.

Чжань Су-цзюань 2004 – Чжань Су-цзюань. Политика генерал-губернаторства в отношении *шу фань* в эпоху японского правления – на примере народностей *пинну* в уезде Илань. // Тайвань ши яньцзю. 11.1. 2004. С. 43-48. 詹素娟. 日治初期臺灣總督府的「熟蕃」政策--以宜蘭平埔族為例. // 臺灣史研究.

Чжань Су-цзюань 2005 – Чжань Су-цзюань. Определение идентичности и метаморфозы тайваньских *пинну* (1895–1960) – фокус на «расу/этнос» в системе подворных переписей и обследований положения в стране. // Тайвань яньцзю. 2005. Т. 12. № 2. С. 121-166. 詹素娟. 台灣平埔族的身分認定與變遷 (1895–1960) – 以戶口制度與國勢調查的“種族”分類為中心. // 台灣史研究.

Чжань Су-цзюань 2011 – Чжань Су-цзюань. Ретроспективы и перспективы исследований по «истории аборигенов» в 2010 г. // Н. к. «Ретроспективы и перспективы исследований по истории Тайваня» в 2010 г. Тайбэй, 2011. 詹素娟. 2010年“原住民史”研究的回顧與評析. // 2010年臺灣史研究的回顧與展望學術研討會 <http://thrrp.ith.sinica.edu.tw/conpar.php?Y=2011>

Чжань Су-цзюань, Пань Ин-хай 2001 – Чжань Су-цзюань, Пань Ин-хай, ред. Сб. статей по народностям *пинну*, истории и культуре Тайваня. Тайбэй, 2001. 317 с. 詹素娟, 潘英海 編. 平埔族群與臺灣歷史文化論文集.

Чжань Су-цзюань, Чжан Су-фэнь 2001 – Чжань Су-цзюань, Чжан Су-фэнь. История аборигенов Тайваня – История народностей *пинну* (север). Т. 10, Наньтоу, 2001. 288 с. 詹素娟, 張素玢. 臺灣原住民史--平埔族史篇(北).

Чжао Те-со 1998 – Чжао Те-со. Коротко о колониальном правлении Японии на Тайване. // Нанькай сюэбао. 1998. № 2. 趙鐵鎖. 日本對臺灣的殖民統治簡論. // 南開學報.

Чжо Шу-цзюань. Исследование отношений между китайцами *ханьцами* и аборигенами *фань* в центральном Тайване в период Цин. // Магистерская диссертация. Институт истории университета Дунхай, 1988. 卓淑娟. 清代台灣中部漢番關係之研究. // 东海大学历史所硕士论文 (未刊稿).

Чжоу Вань-яо 1944 – Чжоу Вань-яо. Сравнительный взгляд на движение *коминка* на Тайване и в Корею (1937–1945). // Синь шисюэ. 5.2 (Июнь 1944). 周婉窈. 從比較的觀點看台灣與韓國的皇民化運動 (1937–1945). // 新史學.

Чжоу Вэй-сюань 2004 – Чжоу Вэй-сюань. Анализ исходных причин и будущего движения тайваньских аборигенов с позиций этнических связей между ханьцами и аборигенами. // Чжэнчжисюэ сюэбао. 2004. № 2. С. 1-21. 周維萱. 從漢人, 原住民族之族群關係析論臺灣原住民族運動的成因與未來. // 政治學學報.

Чжоу Дянь-энь 2008 – Чжоу Дянь-энь. Определение классификации тайваньских аборигенов. // Куньмин лигун дасюэ сюэбао. 2008. № 4. 周典恩. 台湾原住民分类之界说. // 昆明理工大学学报.

Чжоу Дянь-энь 2009 – Чжоу Дянь-энь. От «научного пустяка» до «нового научного фавора»: ретроспективный обзор и анализ исследований по тайваньским народностям *тинпу*. // Синань миньцзу дасюэ сюэбао. 2009.7. 周典恩. 从“学术鸡肋”到“学术新宠”: 台湾平埔族研究的回顾与反思. // 西南民族大学学报.

Чжоу Дянь-энь 2010 – Чжоу Дянь-энь. От «научного пустяка» до «нового научного фавора»: ретроспективный обзор и анализ исследований по тайваньским народностям *тинпу*. // Центр публикаций Наньао. 周典恩. 从“学术鸡肋”到“学术新宠”: 台湾平埔族研究的回顾与反

思. 07.03.2010. // 南粵论文中心, http://www.nylw.net/Art/wenxuelunwen/20100307/nylw_377_2.html

Чжоу Сян-хэ 2003 – Чжоу Сян-хэ. Образование в местном обществе и ассимиляционная политика колониальных властей на Тайване (1895–1937). // Тайвань яньцзю цзи-кань. 2003. № 3. 周翔鶴. 1895–1937 臺灣地方社會的教育和殖民當局同化政策. // 臺灣研究集刊.

Чжоу Сян-хэ 2003 – Чжоу Сян-хэ. Образование в местном обществе и ассимиляционная политика колониальных властей на Тайване (1895–1937). // Тайвань яньцзю цзи-кань. 2003. № 3. 周翔鶴. 1895–1937 臺灣地方社會的教育和殖民當局同化政策. // 臺灣研究集刊.

Чжун Ань-си 1993 – Чжун Ань-си. О петиционном движении за создание Национальной ассамблеи Тайваня. // Цзиньдай ши яньцзю. 1993. № 2. 鐘安西. 論臺灣議會設置請願運動. // 近代史研究.

Чжун Ань-си 1994 – Чжун Ань-си. Оценка системы образования на Тайване в период японского правления. // Цзиньдай ши яньцзю. 1994. № 6. 鐘安西. 日據時期臺灣教育制度述評. // 近代史研究.

Чжун Чжао-чжэн 1991 – Чжун Чжао-чжэн. Новые хакка. // Сб. статей «новые хакка». Тайбэй, 1991. 鍾肇政. 新的客家人. // 收於台灣客家公共事務協會編“新的客家人”. 台北.

Чжун Шу-минь 1999 – Чжун Шу-минь. Исследования политики генерал-губернаторства Тайваня по «продвижению в южные моря» – с фокусом на систему разведки. // Сб. статей «История освоения китайских морей». № 7. Тайбэй, 1999. С. 695-733. 鍾淑敏. 臺灣總督府「南支南洋」政策之研究 – 以情報體系為中心. // 中國海洋發展史論文集, 第七輯. 臺北: 中央研究院社科所.

Чжун Шу-минь 2000 – Чжун Шу-минь. Политика генерал-губернаторства Тайваня в отношении другого берега Пролива и опиумный вопрос. // В сб. статей конференции по упорядочению и изучению исторических материалов

и документов на Тайване. Наньтоу, 2000. С. 223-254. 鍾淑敏. 臺灣總督府的對岸政策與鴉片問題. // 臺灣文獻史料整理研究學術研討會論文集. 南投: 臺灣省文獻委員會.

Чэнь Би-шэн 1983 – Чэнь Би-шэн. Китайские народности на Тайване. // Сборник статей конференции «Будущее Тайваня». Пекин, 1983. С. 1-17. 陳碧笙. 中華民族在臺灣. // “臺灣之將來”學術討論會論文集. 北京.

Чэнь Вэнь-дэ 1985 – Чэнь Вэнь-дэ. Исследование народности Амэй японскими учёными после «гуанфу». // Сы юй янь. 1985.07. Т. 23. № 2. С. 42-64. 陳文德. 光復後日本學者對阿美族的研究. // 思与言.

Чэнь Го-цян 2006 I – Чэнь Го-цян. Выявление истоков происхождения народностей *гаошань*. // Тайвань шаошу миньцзу яньцзю луньцун. 2006.12. Т. 1. 陈国强. 高山族来源的探讨. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Чэнь Го-цян 2006 II – Чэнь Го-цян. Обсуждение истоков происхождения народностей *гаошань* по археологическим находкам на Тайване). // Тайвань шаошу миньцзу яньцзю луньцун. Миньцзу чубаньшэ. 2006.12. Т. 1. 陈国强. 从台湾考古发现探讨高山族来源. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Чэнь Го-цян III – Чэнь Го-цян. Древние дружественные связи тайваньских народностей *гаошань* и ханьцев. // Тайвань шаошу миньцзу яньцзю луньцун. 2006.12. Т. 1. 陈国强. 台湾高山族和汉族古代的友好关系. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Чэнь Го-цян 1961 – Чэнь Го-цян. Выявление истоков происхождения народностей *гаошань*. // Сямынь дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1961. № 2. 陈国强. 高山族来源的探讨. // 厦门大学学报 (哲学社会科学版).

Чэнь Го-цян 1982 I – Чэнь Го-цян. Соотечественники по кости и плоти – сказания тайваньских народностей *гаошань*. Фучжоу, 1982. 陳國強著. 骨肉同胞 – 台湾高山族故事. 福州.

Чэнь Го-цян 1982 II – Чэнь Го-цян. Чжэн Чэн-гун и народности *гаошань*. Цзянси, 1982. 陈国强. 郑成功与高山族. 江西.

Чэнь Го-цян 1988 – Чэнь Го-цян. Исследования Тайваньских народностей *гаошань*. Шанхай, 1988. 陳國強著. 台湾高山族研究. 上海.

Чэнь Го-цян, Го Чжи-чао 1991 – Чэнь Го-цян, Го Чжи-чао. Краткое описание исследований по китайским народностям *гаошань* начиная с 1949 года). // Миньцзу яньцзю дунтай. 1991. № 1. 陈国强, 郭志超. 1949年以来我国高山族研究简述. // 民族研究动态.

Чэнь Го-цян 1980 – Чэнь Го-цян, ред. Мифы и предания *гаошань*. Фучжоу, 1980. 陈国强 編. 高山族神话传说. 福州.

Чэнь И-шэнь 2005 – Чэнь И-шэнь. Ложное и реальное в так называемой «декитаизации». // Тайвань жибао. 2005.10.19. 陳儀深. 所謂「去中國化」的虛與實. // 台灣日報. https://www.hi-on.org.tw/bulletins.jsp?b_ID=59034

Чэнь Кун-ли 1990 – Чэнь Кун-ли. Исследование общества мигрантов Тайваня в эпоху Цин. Сямынь, 1990. 293 с. 陈孔立. 清代台湾移民社会研究. 厦门.

Чэнь Кун-ли 1994 – Чэнь Кун-ли. Исследования тайваньских учёных по истории Тайваня. // Тайвань яньцзю. Лиши. 1994. № 1. С. 68-70, 32. 陈孔立. 台湾学者对台湾历史的研究. // 台湾研究. 历史.

Чэнь Кун-ли 1996 – Чэнь Кун-ли, гл. ред. Очерки истории Тайваня. Цзючжоу тушу чубаньшэ, 1996. 陈孔立. 台湾历史纲要. 九州图书出版社.

Чэнь Кун-ли и др. 1999 – Чэнь Кун-ли и др. Рецензия на учебник «Знакомство с Тайванем». Цзючжоу тушу чубаньшэ, 1999. 172 с. 陈孔立等. “认识台湾”教科书评析. 九州图书出版社.

Чэнь Ли-тянь 1960 – Чэнь Ли-тянь. Краткая история революционной борьбы народов *гаошань* против японских

бандитов. // Миньцзу яньцзю. 1960. № 3. 陳李田. 高山族人民反對日寇的革命鬥爭的史略. // 民族研究.

Чэнь Му-шань 1997 – Чэнь Му-шань. Размышления и обобщения о написании «Истории Тайваня» двумя берегами Тайваньского пролива. Тайбэй, 1997. 陳木衫. 海峽兩岸編寫“臺灣史”的反思與整合. 台北: 臺灣學生書局.

Чэнь Сяо-чун 1992 – Чэнь Сяо-чун. Ассимиляционная политика Японии на Тайване и её провал. // Тайвань яньцзю цзикань. Тайбэй, 1992. № 3. 陳小沖. 日本在臺同化政策及其失敗. // 臺灣研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 1993 I – Чэнь Сяо-чун. Движение за возрождение китайской культуры в период японского правления на Тайване. // Тайвань яньцзю. 1993. № 1. 陳小沖. 日據時期臺灣的中華文化復興運動. // 臺灣研究.

Чэнь Сяо-чун 1993 II – Чэнь Сяо-чун. Анализ некоторых проблем национального движения на Тайване в период японского правления. // Тайвань яньцзю цзикань. 1993. № 2. 陳小沖. 日據時期臺灣民族運動若干問題的分析. // 臺灣研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 1995 – Чэнь Сяо-чун. Обзор развития образования на Тайване в период японского правления. // Тайвань яньцзю цзикань. 1995. № 3-4. 陳小沖. 日據時期臺灣教育發展述論. // 臺灣研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 2002 I – Чэнь Сяо-чун. Первичное рассмотрение проблемы «возвращения к покорности» в ходе антияпонской вооружённой борьбы народа Тайваня в начальный период японского правления). // Тайвань яньцзю цзикань. 2002. № 4. 陳小沖. 日据初期台湾人民抗日武装斗争中»归顺»问题初探. // 台湾研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 2002 II – Чэнь Сяо-чун. О движении за тайваньские языки и письменность в период японского правления. // Тайвань яньцзю цзикань. 2002. № 2. 陳小沖. 日據時期臺灣話文運動述論. // 臺灣研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 2005 – Чэнь Сяо-чун. История 50 лет японского колониального господства на Тайване. Пекин, 2005. 陳小沖. 日本殖民統治台灣五十年史. 北京.

Чэнь Сяо-чун 2007 – Чэнь Сяо-чун. Снова о движении *коминка* на Тайване (1937–1945) – с фокусом на материалы «отдела донесений» при временном разведотделе генерал-губернаторства). // Тайвань яньцзю цзикань. 2007. № 4. 陳小沖. 1937–1945年臺灣皇民化運動再論 – 以總督府臨時情報部“報部”資料為中心. // 臺灣研究集刊.

Чэнь Сяо-чун 2008 – Чэнь Сяо-чун. Тайвань 1937: движение *коминка* и Линь Сянь-тан – с фокусом на материалы «Дневников господина Гуаньюань»). // Тайвань яньцзю цзикань. 2008. № 4. 陳小沖. 台灣1937: 皇民化運動與林獻堂 – 以《灌園先生日記》資料為中心. // 台灣研究集刊.

Чэнь Сяо-янъ 2008 – Чэнь Сяо-янъ, гл. ред. Малые народности Тайваня. Рукай. Тайхай чубаньшэ. 2008.11. 陳小艷, 主編. 台灣少數民族, 魯凱. 台海出版社.

Чэнь Хун-ту 2007 – Чэнь Хун-ту, сост. История Тайваня. Изд. 2-е переработанное. Тайбэй, 2007. 陳鴻圖 編著. 台灣史.

Чэнь Цзянь-юэ 2006 – Чэнь Цзянь-юэ. История и современное состояние исследований тайваньских аборигенов двумя берегами Пролива. // Чжунго шэхуэй кэсюэюань юань бао. 28.09.2006. 陳建樾. 海峽兩岸的台灣原住民研究的历史与现状. // 中国社会科学院院报.

Чэнь Цзянь-юэ 2009 – Чэнь Цзянь-юэ. «Аборигены» Тайваня: исследование истории и политики. Пекин, 2009.11. 289 с. 陳建樾. 台灣“原住民”历史与政策. 北京.

Чэнь Ци-лу 1955 – Чэнь Ци-лу. Ретроспективы и перспективы этнологических исследований на Тайване. // «Измы» (учения) и государственная политика. 1955. № 44. С. 18-23. 陳奇祿. 台灣民族學研究的回顧和前瞻. // 主義與國策 http://ianthro.tw/c/set:ioe:pub+pupsourcex_pub_72/single

Чэнь Ци-лу 1974 – Чэнь Ци-лу. Исследования Тайваня и народностей гаошань во «Временном комитете по обследованию старинных обычаев» // Тайвань фэнью. 1974. № 4. С. 7-34. 陈奇禄. “臨時臺灣旧慣調查會”臺灣與高山族研究. // 台湾风物.

Чэнь Чжи-мин 1990 – Чэнь Чжи-мин. Изучение потомков этнических китайцев и межэтнических связей: первичное обсуждение нескольких экономических теорий межэтнических связей. // Чжунъян яньцзю юань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань. 1990. № 69/ С. 1-26. 陳志明. 華裔和族群關係的研究: 從若干族群關係的經濟理論談起. // 中央研究院民族學研究所集刊. Аннотация: <http://ianthro.tw/cioe/%3Apub%3A8628>

Чэнь Юнь-дун 1989 – Чэнь Юнь-дун. Тайваньские хакка. Тайбэй, 1989. 陳運棟. 台灣的客家人. 台北: 台原.

Ши Лянь-чжу 2006 I – Ши Лянь-чжу. Взгляд на исторически дружественные связи народностей *гаошань* и ханьцев с позиции экономических и культурных обменов. // Тайвань шаошу миньцзю яньцзю луньцун. 2006.12. Т. 1. 施联珠. 从经济文化交流看历史上高山族和汉族的友好关系. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Ши Лянь-чжу 2006 II – Ши Лянь-чжу. Общие суждения об этнических истоках народностей *гаошань*. // Тайвань шаошу миньцзю яньцзю луньцун. 2006.12. Т. 1. 施联珠. 高山族族源考略. // 台湾少数民族研究论丛 (第1卷). 民族出版社.

Ши Лянь-чжу, Сюй Лян-го 1987 – Ши Лянь-чжу, Сюй Лян-го. Национальная история и культура Тайваня. Центральный НИИ этнологии. 1987. 施联珠, 许良国. 台湾民族历史和文化. 中央民族学院出版社.

Ши Мин 1980 – Ши Мин. 400 лет истории тайваньцев. San Jose, Paradise Culture Association, 1980. 史明. 台湾人四百年史.

Ши Тянь-фу 1998 – Ши Тянь-фу. Взгляд на исследования хакка в свете опыта исследований истории и географии Тайваня. // Кэцзя вэньхуа яньцзю (Исследования культуры

хакка). 1998/ № 1. С. 12-16. 施添福. 從台灣歷史地理的研究經驗看客家研究. // “客家文化研究” 通訊. 1998. 創刊號.

Ши Чжэн-фэн 1995 – Ши Чжэн-фэн. Национальная идентичность и независимость Тайваня. Тайбэй, 1995. 施正鋒. 民族認同與台灣獨立. 台北.

Ши Чжэн-фэн 1997 – Ши Чжэн-фэн. Этническое управление и политика. Тайбэй, 1997. 施正鋒. 族群政治與政策. 台北: 前衛出版社.

Ши Чжэн-фэн 2002 – Ши Чжэн-фэн. Этническое управление и политика на Тайване. // Н. к. «Разработка этнической политики и юридической системы нашей страны». 2002.10.03. 施正鋒. 台灣的族群政治與政策. // 我國族群政策與法制之設計學術研討會. <http://www.ihakka.net/fulao2004/pdf1.pdf>

Ши Чжэн-фэн 2003 – Ши Чжэн-фэн. Идентификация статуса *пинпу*. // Тайваньские народности *пинпу*. Лю И-чан, Ши Чжэн-фэн, ред. Тайбэй, 2003. С. 43-60. 施正鋒. 平埔身分認同. // 台灣平埔族. 潘朝成, 劉益昌, 施正鋒合編. 台北: 前衛出版社.

Ши Чжэн-фэн 2004 – Ши Чжэн-фэн. Этническая политика и политстратегии в отношении тайваньских хакка: социальный раздел. Тайбэй, 2004. 施正鋒. 台灣客家族群政治與政策: 社會篇. 臺北.

Ши Чжэн-фэн 2005 – Ши Чжэн-фэн. Государственная идентичность Тайваня. Тайбэй, 2005. 施正鋒. 台灣國家認同. 台北: 國家展望基金會.

Ши Чжэн-фэн 2007 I – Ши Чжэн-фэн. История тайваньской политики. Тайчжун, 2007. 施正鋒. 台灣政治史(序). 台中: 新新台灣文化教育基金會.

Ши Чжэн-фэн 2007 II – Ши Чжэн-фэн. Размышления об исследованиях по *хакка*. // В сб.: Этнические группы хакка и местные социумы – тайваньский и глобальный опыт. Цю Чан-тай, Сяо Синь-хуан, ред. Тайбэй, 2007. С. 3-20. 施正鋒.

客家研究的思考。// 丘昌泰, 蕭新煌 (編). 客家族群與在地社會 — 台灣與全球的經驗. 台北. 台灣客家研究學會.

Ши Ши, Хуан Да-чжоу 1999 – Ши Ши, Хуан Да-чжоу. История пионеров-обитателей Тайваня. Шаньдун, 1999. 史式, 黃大受. 台灣先住民史. 九州出版社: 山東.

Шэнь Сяо-ци 2010 – Шэнь Сяо-ци. Выяснение двух скрытых смыслов государственной идентичности *вайшэн жэнь*. // Государство и идентичность: воззрения некоторых вайшэн жэнь. Тайбэй. 2010. С. 111-146. 沈筱綺. 探索“外省人”國家認同的兩個內涵. // 國家與認同: 一些外省人的觀點. 臺北.

Юй Сяо 1990 – Юй Сяо. 40 лет этнических исследований Тайваня в КНР (1949–1989). // Вэнь ши чжиши. Спецвыпуск о Тайване (Т. 1). 1990. № 4 (106), С. 118-123. 宇晓. 四十年 (1949–1989) 来中国大陆的台湾民族学研究. // 文史知识. 台湾专号 (上编).

Ян Кэ-хуан 1956 – Ян Кэ-хуан. Малая история национально-освободительной борьбы тайваньского народа. Ухань, 1956. 楊克煌. 台灣人民民族解放鬥爭小史. 武漢.

Ян Ли-сянь 2001 – Ян Ли-сянь. Теория «тайваньской нации» – какой пробы товар? (интервью) «*Тайвань минь-цзу лунь*» ши шэма хо сэ? // Жэньминь ван. Шичжэн чжуаньги, Тайхай гауньча. 2001.12.18. 杨立宪. 台湾民族“论”是什么货色? // 人民网:时政专题, 台海观察: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/18/20/20011214/626727.html> 大洋论坛: <http://club.dayoo.com/read.dy?b=viewpoint&t=804372&i=804372&p=1073>

Ян Чан-чжэнь 1991 – Ян Чан-чжэнь. Социальные движения и жертвование чувством культурной идентичности *хакка*. // В сб. «Скитания между этничностью и реальностью». Сюй Чжэн-гуан, ред. Тайбэй. 1991. 楊長鎮. 社會運動與客家人文化身分意識之甦醒. // 收於徐正光編“徘徊於族群與現實之間”. 台北.

Ян Чан-чжэнь 1993 – Ян Чан-чжэнь. Движение *хакка*. // В сб. «Построение гражданского государства на Тайване».

У Ми-ча и др., ред. Тайбэй, 1993. 楊長鎮. 客家運動. // 收於吳密察等人“建立台灣的國民國家”. 台北.

Ян Чан-чжэнь 1994 – Ян Чан-чжэнь. На периферии национального государства – идеология «проблемы *хакка*» в оппозиционной политике на Тайване. // В сб. статей н.к. «Культура *хакка*». Сюй Чжэн-гуан и др., ред. Тайбэй, 1994. 楊長鎮. 在民族國家的邊緣 — 台灣反對政治中的“客家問題”意識. // 收於徐正光等編“客家文化研討會論文集”. 台北.

На японском языке

Вашиносу 1941 – Вашиносу Ацую. Ассоциация полицейских Тайваня. Тайхоку: Тайван Кэйсацу Кёкай, 1941. 台灣警察協會.

Гото 1921 – Гото Симпэй. Взгляд на первый период японской колониальной политики. Теория японской экспансии. Токио: Такусёку симбунша, 1921. 日本植民政策一斑. 日本膨脹論. 東京: 拓殖新報社.

Ино, Курино 1900 – Ино Канори, Курино Дэнондзё. Состояние дел среди варваров Тайваня. // Документы министерства гражданского правления при генерал-губернаторстве Тайваня. Тайбэй, 1900. 3283 с., карты. 臺灣蕃人事情. // 臺灣總督府民政部文書課.

Ино 1904 – Ино Канори. Руководство Тайванем от начала и до конца. Тайбэй, 1904. 領台始末. 台灣日日新報社.

Ино 1905 – Ино Канори, ред. История 10 лет руководства Тайванем. Тайбэй: Синкёдō, 1905. 領臺十年史.

Ино 1928 – Ино Канори. Описание истории культуры Тайваня. Токио, 1928. 3 т. 臺灣文化史誌.

Ино 1957 – Ино Канори. Описание правлений дикарями на Тайване. Ред. и перев. на кит. яз. Вэнь Цзи. Тайбэй, 1957. 伊能嘉矩著. 溫吉編譯“台灣番政志”. 台灣省文獻會.

Ириэ 1896 – Ириэ Ханабуса. Атлас диких народностей Тайваня. Токио, 1896. 入江英. 臺灣番族圖繪.

Ихара 1988 – Ихара Кичиносуке. Движение *kōminka* на Тайване: Тайвань во втором десятилетии Сёва). // В сб. под ред. Накамура Коси. Нара: Тэнрикё доюша. 1988. С. 271-386.

Ицзуми 1928 – Ицзуми Фуруо. Тайваньское национальное движение. Тайцзю: Тайван симбунша, 1928.

Кано Тадао 1945 – Кано Тадао. Иллюстрированная этнография народности Ями. Б. м., 1945. 亞美族圖解民族志.

Кано Тадао 1946 – Кано Тадао. Изучение этнологии и первобытной истории народов ЮВА). Токио, 1946, 1952. 2 т. 東南亞細亞民族學先史學研究.

Касахара 1998 – Касахара Масахару. Ино Канори и его исследовательская деятельность на Тайване, 1895–1906. // Исследования аборигенов Тайваня. 1998. 3. С. 54-78. 伊能嘉距の時代: 台湾原住民初期研究史. // 台湾原住民研究.

Киния 2004 – Киния Суэмицу. История Тайваня. Тайвань в эпоху японского господства: 50-летний путь (1895–1945/46). Тайбэй: Чжи лян чубаньшэ, 2004. 624 с. 台灣の歴史: 日本統治時代の台灣. 1895–1945/46 50年の軌跡.

Коидзуми 1932 – Коидзуми Маганэ. Записи об образе жизни дикарских деревень. Токио, 1932. 小泉鐵. 蕃鄉風物記.

Коидзуми 1933 – Коидзуми Маганэ. Описание туземных обычаев Тайваня. Токио, 1933. 台灣土俗志.

Кокубу Наоичи 1942 – Кокубу Наоичи. Записи о поисках ритуала поклонения предкам Али. // Минцзоку Тайван (Тайвань в народных обычаях). 1942. Т. 2. № 7/8. С. 6-8, 26-27. 国分直一. 阿立祖巡禮記. // 民俗台灣.

Кокубу Наоичи 1944 – Кокубу Наоичи. Деревни жертвенных сосудов: обследование народных обычаев южного Тайваня. 1944. 国分直一. 壺を祀る村: 南台灣民俗考.

КурихараЦзюн2006–КурихараЦзюн. Ассимиляционная политика на Тайване под господством Японии – изучение процесса установления закона о смешанных браках (перевод на кит. яз. Чжун Шу-минь). // Сб. статей 4-й научной конференции по архивам генерал-губернаторства Тайваня.

Наньтоу, 2006. С. 187-243. 栗原純著. 日本統治下台湾の同化政策— 共婚法成立過程之研究. 鍾淑敏譯. // «第四届臺灣總督府檔案學術研討會論文集—南投: 台灣文獻館.

Курихара 2000 – Курихара Цзюн. Граждане Тайваня и проблема японского гражданства. (перевод на кит. яз. Чжун Шу-минь). // Сб. Статей научной конференции по упорядочению и изучению документов и материалов по истории Тайваня. Наньтоу, 2000. С. 424-450. 臺灣籍民與國籍問題. 鍾淑敏譯. // “臺灣文獻史料整理研究學術研討會論文集”. 南投: 臺灣省文獻委員會.

Молодяков 2014 – Молодяков В.Э. Колониальный Тайвань глазами советских и коминтерновских аналитиков. [Резюме доклада]. // Программа съезда Японской ассоциации исследователей международных отношений 2014 г. Фукуока, 2014. С. 49. ソ連・コミンテルンから見た日本統治時代の台湾 (報告要旨) 「日本国際政治学会 2014年度研究大会プログラム」. 福岡.

Молодяков, Перминова 2014 – Молодяков В.Э., Перминова. В.А. Когда на Тайване закончилась колониальная эпоха? // Синнихонгаку. № 32. 2014. С. 88-100. 台湾の植民地時代はいつ終わったのか? 「新日本学」32号 (2014年春) (ヴェーラ・ペルミノワ共著).

Молодяков 2016 – Молодяков В.Э. Критика колониальной политики Японии в советской и коминтерновской пропаганде: на примере Тайваня). // Тайвангаку кэнкю. Т. 20 (декабрь 2016). С. 111-130. ソ連・コミンテルンのプロパガンダにおける日本植民地政策の批判—台湾を中心として「台湾學研究」.

Моригучи 1992 – Моригучи Кацзунари, ред. Дневники тайваньской экспедиции Ино Канори. Тайбэй: Тайвань Фэн-у цзачжи шэ, 1992. 伊能嘉距の台湾踏査日記. // 台湾風物雜誌社.

Мочицзи 1912 – Мочицзи Рокусабуру. Колониальная политика на Тайване. Токио: Фузанбб, 1912. 台湾植民政策. 東京: 富山房.

Нэнодзо, Нобуто, Тоити 1935 – Уцусикава Нэнодзо, Нобуто Миямото, Тоити Мабути. Исследование системы родства тайваньских *гаошань* – Тайхоку, 1935. 2 т. 臺灣高砂族系統所屬の研究.

Такахама 1936 – Такахама Сабуроу. Общая история правлений на Тайване). Токио: Симбунша, 1936. 53 с. 臺灣統治概史. 東京: 新行社.

Такигава 1895 – Такигава Миётаро, ред. Наша новая территория: остров Тайвань (Шинри чи Тайван то). // Токио: Кокондо, 12.06.1895. С. 160-202.

Тоити 1938 – Тоити Мабути. Место материнских родов в патрилинейной системе родов *гаошань* в центральной части Формозы. 1938. 馬洲東一. 中部高砂族父系制中的母族の地位.

Токио Ничи-ничи 1895 – О политике усмирения острова Тайвань. // Токио Ничи-Ничи. 28 год Мэйдзи (1895), 4 сент. (среда) № 7165. С. 7; 5 сент. (четв.) № 7166. С. 6 臺灣島鎮撫策に就て. // 東京日日新聞. 明治二十八年九月四日. 水曜日. 第七千百六十五號, 7; 九月四日. 木曜日. 第七千百六十六號, 6.

Тории Рюдзо 1902 – Тории Рюдзо. Отчёт об обследовании туземных обычаев острова красноголовых. Токио, 1902. 鳥居龍藏. 紅頭嶼土俗調査報告. 東京帝國大學編纂.

Уцусикава 1935 – Уцусикава Нэнодзо, Миямото Нобуто, Тоити Мабути. Исследование системы родства тайваньских *гаошань*. Тайхоку, 1935, 2 т. 移川子之藏, 宮本延人, 馬洲東一. 臺灣高砂族系統所屬の研究.

Уэно 1892 – Уэно Сэн-ичи. Практический путеводитель по Тайваню (Тайван то цзисэн року). // Токио чигаку кёкай хококу 13, 11 (февраль 1892). С. 21-48.

Фуруно 1945 – Фуруно Киёто. Жертвенные обряды в жизни *гаошань*. Тайбэй 1945; Токио, 1945. 高砂族の祭儀生活.

Хасиигучи 1895 – Хасиигучи Бундзо. Условия на Тайване (Тайван цзизци). // Токио чигаку кёкай хококу

(Журнал Токийского географического общества). 17 (3) (1895). С. 313-318.

Цай Пэй-хэ 1920 – Цай Пэй-хэ. Мои взгляды на ассимиляцию (Гоцзин но дōка кан). // Тайван сэйнэн (Тайваньская молодёжь). I. № 2 (1920). С. 67-82.

Цукамото Дзэнъя 2004 – Цукамото Дзэнъя, перев. на яп. яз. Павел Ибис. Экскурсия на Формозу. // Тайвань юаньчжминь яньцзю. 2004, № 8. С. 152-203. パーウエルイビス 著. フォルモサ紀行. 塚本善也 (Tsukamoto Zenya). 譯: 解説). // 台湾原住民研究 (Studies on Indigenous Peoples of Taiwan). 8 號. 2004.

Цукамото Дзэнъя 2008 – Цукамото Дзэнъя. О русском учёном-натуралисте Мольрехте, посетившем бывшую колонию Тайвань. // Серия «Герои-чужеземцы – следы россиян, бывавших в Японии. С. 207-221, 277-278. 塚本 善也 (Tsukamoto Zenya). 旧植民地台湾を訪れたロシア人博物学者モリトレフト // 異郷生きるIV – 来日ロシア人の足跡. 2008年

Цукамото Дзэнъя 2016 I – Цукамото Дзэнъя, пер. на яп. яз. «Доклад о Формозе» Елисеева. // Тяньли Тайвань сюэбао. № 25. 2016. С. 181-194. 塚本 善也 (Tsukamoto Zenya). エリセーエフの台湾訪問にまつわる問題とその検討 // 天理台湾學報 25 號 2016 年.

Цукамото Дзэнъя 2016 II – Цукамото Дзэнъя. Общее описание российских исследований по аборигенам Тайваня. // Тайвань юаньчжуминь яньцзю. № 20. 2016. С. 124-134. 塚本 善也 (Tsukamoto Zenya). ロシアの台湾原住民研究を概観する. // 台湾原主民研究, 第20號2016年.

Чжун Шу-минь 2009 – Чжун Шу-минь. Из колонии до континента – японцы по берегам Тайваньского пролива. // В сб. «Исследование современных отношений Японии и Китая – эпоха диалога и конкуренции». Токио, 2009. С. 23-40. 鍾淑敏. 植民地から大陸へ – 台湾海峡を渡った日本人. 貴志俊彦, 谷垣真理子, 深町英夫編“模索する近代日中関係 -- 対話と競存の時代”. 東京: 東大出版会.

Именной указатель

- Азаренко 66, 175
Азаренко Ю.А. 13, 16, 17, 63,
64, 66, 173, 234, 235
Андраде Тонио 90, 91, 249
Андреева С.Г. 4

Белогурова А.Э. 64, 236, 246
Бенёвский М.А. (Бениовский,
Беньевский) 18–21, 28,
72, 76, 236, 245
Берх В.Н. 18, 20, 21, 236, 245
Бремен А., см. Розен А.
Бу Янь-цзи 179

Валентайн Франсуа 72, 74,
268
Валис Югань 154, 269
Ван Вэнь-гуан 191, 269
Ван Жуй-лянь 194, 270
Ван Мин-хуэй 163, 270
Ван Синь-тянь 270
Ван Сун-Син 128, 132, 270
Ван Сун-шань 150
Ван Тянь-цянь 112, 270
Ван Цзянь 174, 177, 178, 180,
183, 188, 190, 270
Ван Чжи-пин 193, 271
Вань Кэ-цзя 175, 271
Ван Юй-цзе 130, 271
Ван Юнь-шэн 175, 271
Ван Юэ-лань 175
Ван Я-пин 143, 149, 152, 153,
155, 161–163, 271
Вашиносу Ацую 112, 302
Верченко А.Л. 64
Вогак К.И. 43, 236, 241
Вэй Хуэй-линь 122, 157, 271
Вэн Ду-цзянь 191, 272
Вэн Цзя-инь 130, 132, 159,
272
Вэнь Чжэнь-хуа 152

Гао Вэй 273
Гао Вэнь-чуань 180, 273
Гатслафф 74, 257
Го Ли-цзюань 273
Головачёв В.Ц. 13, 16, 17, 18,
28, 32, 43, 51, 64, 65, 66,
68, 81, 95, 113, 117, 138,
139, 154, 199, 236, 237,
238, 239
Го Тин-и 135, 273
Гото Симпэй 64–66, 84, 94,
98, 99–101, 103, 106, 109,
216, 238, 243, 302
Го Чжи-чао 180, 191, 273,
296
Гравиус Д. 75, 257
Гражданцев А.И. 86, 257
Гун Фан 185, 273
Гун Фэй-тао 67

Дай Го-хуэй 131
Дод (Dod, Dodd) 23, 78, 255
Дун Сэнь-юн 150
Дэвидсон Д. 80–82, 165, 205,
206, 255

- Дэн Сян-ян 150
Дэн Сяо-пин 177
Дюгальд Ж.-Б. 27, 38, 73–75, 211, 239, 255
- Е Жун-чжун 121
Елисеев С.Г. 18, 32, 33, 60, 65, 68, 118, 211, 213, 214, 239, 240, 248, 306
Е Цзя-нин 151
Е Цзянь-ин 177, 178, 274
- Жорж Санд 40
- Ибис П.И. 18, 24–27, 41–43, 60, 65, 67, 68, 76, 77, 117, 211, 212, 240, 248, 259, 260, 306
Идзуми Фуру 110
Ино Иосинори 31, 46
Ино Канори 83, 96–101, 104, 121, 157, 274, 302, 303, 304
Инь Чжан-и 166, 168
Ириэ Ханабуса 95, 302
Истон Д. 8, 194, 196
Итс Р.Ф. 59, 240, 243
Ихара Кичиносуке 115, 117, 140, 303
Ицзуми Фуру 110, 303
Ицзян Болуэр 154, 155, 274
Ишутина Ю.А. 64, 240
- Кавамура Т. 47
Каимова А.С. 64, 240
Калашников Н.И. 65, 241
- Калдип 138, 261
Канасеки Такео 112, 114, 157
Канеко Э. 54, 55
Кано Тадао 112, 157, 303
Кан Пэй-дэ 152, 163, 274, 275
Канси 72, 205
Кара-Мурза Г.С. 59
Касахара Масахару 117, 303
Киния Суэмицу 116, 117, 303
Клапрот Ю.Г. 38, 39, 74, 75, 261
Кодзима Ю. 33
Коидзуми Маганэ 111, 112, 303
Койетт Фредерик 26, 71
Кокубу Наоичи 104, 105, 114, 157, 303
Комиссаров С.А. 63, 64, 66, 235
Косинга (Коксинга), см. Чжэн Чэн-гун
Крюков М.В. 4, 15
Кузнецов А.М. 65, 66, 241
Курино Дэнондзэ 97, 98, 104, 302
Курихара Цзюн 115, 117, 140, 275, 303, 304
Кучера С.И. 63, 241
Кэмпбэлл 19, 20, 71–73, 78, 80–82, 252
Кэ Чжи-мин 153, 157, 276
Кюнер Н.В. 51, 52, 54, 214, 242
- Ларин А.Г. 4

- Левитов И.С. 18, 32, 65, 239, 242
Лежандр 22, 26, 78, 205, 262
Ленин В.И. 194
Леонтьевский З.Ф. 39
Ли Го-мин 129, 276
Ли Го-ци 127
Ли Дэн-хуэй 116, 135–137, 169, 225, 276
Ли Жу-пинь 145, 276
Ли Жэнь-гуй 128, 129, 150, 157, 159, 276, 277
Ли И-юань 15, 121–127, 131, 132, 149, 157, 181, 221, 277, 278
Ли Фу-цин, см. Рифтин Б.Л.
Линь Жэнь-чуань 278
Линь Мэй-жун 169, 278
Линь Су-чжэнь 153
Линь Сю-чэ 150
Линь Хуэй-сян 175, 176, 279
Линь Цзя-хуан 180
Линь Цин-цай 157
Линь Чунь-шэн 122, 279
Ли Цзу-ци 178, 278
Ли Цяо 166
Ли Цяо 278
Ли Чжи-фу 175, 278
Ли Чунь-шэн 157, 195, 278, 279
Ли Юн-мин 190
Ло Сян-линь 166, 279
Ло Чжао-цинъ 167
Лю Би-дэ 153, 279
Лю Бинь-сюн 93, 99, 106, 111, 112, 125, 157, 279
Лю Да-нянь 175, 280
Лю Жу-чжун 179, 185, 280
Лю Минь-чуань 44
Лю Хуань-юэ 167, 280
Лю Цзэ-минь 159, 280
Лю Чжэн-ган 192, 280
Лян Жун-мао 166, 167, 280
Лян Чжи-хуэй 151
Майя де, С. 72, 73, 74
Макей Д. (Maskey, J.L.) 79, 80, 82, 205, 262, 263
Малявин В.В. 64, 65
Мао Цзя-ци 185, 281
Мацокин Н.П. 46, 213, 242
Меркатор Г. 38
Миямото Нобуто 86, 104, 111, 305
Молодяков В.Э. 13, 51, 66–68, 239, 242, 243, 304
Мольтрехт А.К. 18, 28–34, 60, 65, 68, 117, 211, 212, 243, 248
Монтгомери Ж. 85, 263
Моригучи Кацзунари 117, 304
Мори Усиносукэ 96, 104
Мочидзи Рокусабуро 100
Мочицзи Рокусабуро 106, 304
Мураками Наодзиро 77, 104
Накамура 281

- Невский Н.А. 18, 32–35, 59, 62, 65, 68, 117, 211, 213, 239, 243, 244, 247
- Новиков Б.М. 55, 56, 243
- Огава Наойоси 157
- Окада Юцзуру 86
- Окамацу Сантаро 103, 104
- Пань Ин-хай 105, 130, 156–158, 281, 282, 290, 292
- Пассин 86, 264
- Пасуя 33
- Перминова В.А. 18, 32, 65, 67, 239, 304
- Писарев А.А. 65, 68
- Плошко Э. 40–42, 244, 264
- Позднеева В.Д. 46, 47, 244
- Псальманазар Д. 72, 264
- Пэн Жуй-цзинь 166, 282
- Риотаро Шибя 136
- Рифтин Б.Л. 62, 63, 65, 235, 244, 245
- Розен А. 48–50, 245
- Руттер О. 85, 87, 265
- Рюмин И. 18–21, 210, 245
- Сакума 31
- Саяма Ю. 33
- Свинхо Р. 76, 267
- Се Цзи-чан 129, 157, 283
- Се Ши-чжун 283
- Совастеев В.В. 15
- Спафарий-Милеску Н.Г. 245
- Спафарий Н.Г. (Спафарий-Милеску) 38, 210
- Сталин И.В. 194
- Стир Д. 76, 77, 90, 205, 252, 266
- Стратанович Г.Г. 54, 55, 175, 176, 243, 246
- Сугано Ацуси 115
- Сун Вэнь-сюнь 157
- Сун Гуан-юй 190, 283
- Сун Лун-шэн 150
- Сунь Хун-е 170, 283
- Сюй Вэй-цинъ 283
- Сюй Го-лян 179
- Сюй Гуан-хун 150
- Сюй Лян-го 190, 194, 283, 299
- Сюй Му-чжу 130, 132, 150, 284
- Сюй Сюэ-цзи 258
- Сюй Чжо-юнь 127
- Сюй Чжэн-гуан 131, 166, 168, 278, 284, 290, 301, 302
- Сюй Юй-цунь 95, 284
- Сюэ Хуа-юань 146, 276, 284
- Сяо Синь-хуан 130, 146, 166, 168, 197, 284, 285, 300
- Сяо Цзюнь-хэ 191, 285
- Тай Бао-линь 179
- Такахама Сабуроу 114, 305
- Такигава Миётаро 94, 95, 305
- Такэкоси Иосабуро 83, 84, 101–103

- Терентьев В.А. 18, 22–24, 212
Тодер Ф.А. 12, 19, 50, 52, 56–58, 61, 65, 214, 246
Тоити Мабути 86, 104, 106, 111, 305
Тории Рюдзо 96, 98, 99, 140, 285, 305
Тун Чунь-фа 151
Тэйлор Джордж 95
Тянь Хэ-нянь 190
- У Вэнь-син 141, 286
У Минь-ся 193, 271
У Най-дэ 146, 286
- Уцусикава Нэнодзо 86, 104, 111, 112, 157, 305
У Чжуанда 53, 54
У Чунь-мин 191, 270, 273, 286
Уэно Сэн-ичи 95, 305
- Фан Хао 121, 286
Феркель В.Б. 18
Филипс Стивэн 91, 92, 264
Фишер А. 44, 45, 80, 246
Фомина Н.И. 13, 58, 59, 246
Фудзии Шицзюэ 116, 287
Фуруно Киёто 86, 112, 305
Фуцзиэ Шицзюэ 151, 163, 287
- Хайшуэр Бацылафэй 164, 287
Хао Ши-юань 192, 287
- Хасиигучи Бундзо 95, 305
Хохлов А.Н. 12, 23, 32, 39, 61, 65, 247
Хуан Да-шоу 181
Хуан Дэ-ши 112
Хуан Жун-ло 166, 287
Хуан Ин-гуй 155, 159, 280, 287
Хуан Фу-сань 137, 138, 259, 261
Хуан Цзинь-ли 174, 288
Хуан Ши-мин 166, 168, 284, 285
Хуан Шу-минь 149, 164, 200, 281, 288
Хуан Юэ-чжун 199, 288
Хун Ли-вань 158, 159, 164, 288, 289
Хун Ли-юань 157
Ху Хуа-цзюнь 185, 281
- Цай Ин-вэнь 10, 288
Цай Мин-чжэ 151
Цай Пэй-хэ 111, 306
Цай Цзя-жуй 199, 288
Цао Юн-хэ 139, 140, 143, 273, 289
Цзэн Сы-ци 192, 289
Цзян Бин-чжао 190, 289
Цзянь Бо-цзань 174, 289
Цзянь Вэнь-минь 164, 289
Цзянь Цзюнь-жэнь 163, 290
Цукамото Дзэнья 68, 69, 118, 247, 306
Цукамото Дзэнья 306
Цянь Цзюнь-хуа 175, 290

- Цяо Цзун-минь 150
- Чан Кай-ши 175
- Чжан Вэй-ань 167, 168, 290
- Чжан Ин-хай 158, 290
- Чжан Ин-хуа 149, 164, 281, 288
- Чжан Лун-чжи 145, 158, 159, 160, 253, 290
- Чжан Мао-куй 170, 270, 286
- Чжан Най-хуа 175
- Чжан Су-фэнь 151, 292
- Чжан Сю-мэй 169, 290
- Чжан Чун-гэнь 177, 179, 180, 189–192, 194, 291
- Чжань Су-цзюань 130, 141, 151, 154, 157–159, 163, 181, 282, 290–292
- Чжан Янь-сянь 158, 291
- Чжан Яо-ци 159, 291
- Чжао Те-со 185, 293
- Чжоу Вань-яо 121, 293
- Чжоу Вэй-сюань 145, 293
- Чжоу Дянь-энь 105, 123, 130, 192, 194, 293
- Чжоу Сян-хэ 185, 294
- Чжо Шу-цзюань 130, 293
- Чжун Ань-си 185, 294
- Чжун Чжао-чжэн 166, 167, 294
- Чжун Шу-минь 141, 275, 276, 294, 303, 306
- Чжун Ю-лань 151
- Чжу Тянь-шунь 179
- Чжэн Чэн-гун 26, 57, 58, 71, 73, 179, 183, 196, 204, 296
- Чигринский М.Ф. 13, 24, 25, 27, 28, 32, 59–62, 64, 65, 67, 122, 214, 247–249
- Чэнь Би-шэн 179, 295
- Чэнь Вэнь 191, 286
- Чэнь Вэнь-дэ 115, 295
- Чэнь Го-цянь 176, 179, 180, 192, 295, 296
- Чэнь И-шэнь 134, 139, 296
- Чэнь Кун-ли 134, 179, 184, 186, 296
- Чэнь Ли-тянь 175, 180, 296
- Чэнь Му-шань 180, 185, 297
- Чэнь Сяо-чун 180, 185, 297, 298
- Чэнь Сяо-янь 193
- Чэнь Фэй-бао 179
- Чэнь Цзянь-юэ 174, 178, 180–182, 185, 193, 194, 196, 197, 231, 298
- Чэнь Ци-лу 103, 120, 298, 299
- Чэнь Чжи-мин 131, 299
- Чэнь Шао-сян 112
- Чэнь Шуй-бянь 133, 143, 169, 186
- Чэнь Юнь-дун 166, 299
- Ши Лэй 151
- Ши Лянь-чжу 179, 192, 299
- Ши Мин 136, 137, 299
- Ши Тянь-фу 157, 166, 169, 299
- Ши Чжэн-фэн 145, 146, 159, 168, 300
- Ши Ши 180, 181, 301

- Штернберг Л.Я. 32
Шэнь Сяо-ци 170, 301
- Юй Сяо 174, 178, 180, 181,
301
- Янайхара 249
Янайхара Тадао 51, 94,
107–110, 114, 245
Ян Кэ-хуан 121, 175, 301
Ян Ли-сянь 139, 191, 301
Ян Сы-шэнь 175, 290
Ян Чан-чжэнь 166, 301, 302
Янь Су-фэй (София) 88
- Allen Herbert J. 76 249
Andrade T., см. Андраде
Тонио
Anon 74 76 250
Arnold Julean H. 83 250
Atsushi Sugano 115–117 250
- Barclay George W. 87 88
Barclay Paul D. 91 94 95 97
99 100 102 250 251
Beazelev Michael 76 251
Belknap George E. 76 251
Bellwood Peter. 89 251
Biernatzki 76 251
Bigelow 251
Bigelow Poultney 85
Blundell 251
Blundell David 89
Borao Mateo 90 251
- Bridge Cyprian A. G. 76 251
Campbell W., см. Кэмпбэлл
Chun Kyong-soo 86 114 254
Collingwood Cuthbert 76 254
Colquhoun A. R. 78 83 254
Cordier Henri 79 254
Corner Arthur 76 254
Coyett F., см. Койетт
Фредерик
Croizier Ralph C. 88 255
Crossley Pamela Kyle 92 255
- Davidson J., см. Дэвидсон Д.
Doak 255
Doak Kevin M. 94
Douglas Mendel 88
Du Halde J.-B., см.
Дюгальд Ж.-Б.
Eda 256
Eda A. 117
- Faure David. 90 256
Ferguson D. 83 256
Fischer Adolf 80 256
Foley Frederic J. 72 256
Goddard W. G. 82 88 257
Gutzlaff, см. Гатслафф
Grajdanzev A.J., см.
Гражданцев А.И.
Gravius D., см. Гравиус Д.
Harrison Henrietta 90 92 257
Hauptman Lawrence M. 88
258
Hayden J. R. 83 258
Hishida Seiji 84 103 258

- Hobson H. E. 78 258
Hong Chien-chao 90 258
Huang C.H. 117 259
Huang Fu-san 137 259
Hughes T. F. 76 78 259
Ibis Paul J., см. Ибис П.И.
Inkster Ian 84 260
Jacobs J. 89 260
Klaproth J.G., см. Клапрот Ю.Г.
Katz Paul R. 91 260
Kleinwächter George 78 261
Kuldip, см. Калдип
Labadie-Lagrave G. 83 261
Lacouperie Terrien de 79 261
Lamely H. J. 88 89
Le Gendre C.W., см. Лежандр
Li Yih-yuan 131 262
Macabe Keliher 90 262
Matsuda Kyōko 94 101 117
263
Moody Campbell N 80 263
Montgomery J., см.
Монтгомери Ж.
Müller W. 83 263
Murakami Naojiro 104 263
Myers R. 88 263
Myers W. 78 263
Naito Hideo 85 263
Passin, см. Пассин
Phillips S., см. Филип
Стивэн
Plauchut Edmond, см.
Плошю Э.
Psalmanaazaar J., см.
Псальманазар Д.
Rutter O., см. Рутгер О.
Simon Scott 92 266
Stainton Michael 92 266
Steere J.B., см. Стир Д.
Suenari Michio 90 94 117 266
Swiderski R. 72 266
Swinhoe R., см. Свинхо Р.
Takekoshi Yosaburō 84 102
103 267
Takeshi Komagone 115 117
140 267
Taylor G. 78 267 268
Thompson L. G. 87 268
Thomson J. 76
Utsurikawa N. 113 268
Valentijn Francois, см.
Валентайн Франсуа
Vertente Christine 90 268
Wang Yi-shou 89 268
Webster H. A. 78 269
White Francis 76 269
Wirth Albrecht 80 269
Yen Sophia Su-Fei 88 269

Указатель этнонимов

- амэй (ами) 阿美 24, 54, 98, 99, 134, 150, 152, 153, 246
- атайял (атейял) 泰雅 30, 31, 52, 95, 98, 134, 150, 179
- бацзай 巴宰 巴則海 77, 159
- бинань (пуюма) 卑南 24, 98, 99, 134, 150
- бунун 布農 24, 29, 95, 98, 99, 150, 152, 287
- бэньшэн жэнь 本省人 168, 169
- вайшэн жэнь 外省人 131, 144, 164, 165, 168–171, 223, 283, 301
- гаошань (гаошань жэнь) 高山人 («горцы») 3, 54, 55, 59, 62, 98, 104, 123, 126–128, 148, 159, 174, 176, 179, 191, 222, 231, 246, 275, 277, 279, 280, 283, 288, 291, 295, 296, 299, 305
- голландцы 26, 28, 38, 56, 58, 63, 71, 72, 75, 78, 80–82, 90, 91, 94, 137, 150, 179, 196, 201, 203, 204, 215, 289
- дау 達悟 154
- испанцы 137, 150, 196, 203
- кавалан 噶瑪蘭 150
- канаканаву 卡那卡那富 150
- китайцы 22, 25, 26, 29, 32, 34, 40–43, 47–49, 55–57, 59, 64, 71–73, 75–77, 80–85, 88, 91, 94, 95, 99–101, 105–108, 114, 123–125, 131, 132, 144, 145, 152, 153, 156, 159, 160, 164, 165, 168–171, 180, 193–196, 207, 217, 218, 221–223, 228, 231, 238, 260, 271, 293, 299
- макадао 馬卡道 129
- миньнань 閩南 77, 168, 290
- навахо 130
- пайвань 排灣 24, 29, 30, 77, 95, 98, 99, 134, 150–152
- пинпу (пэйпо) 平埔 24, 25, 29, 95, 98, 104, 105, 115, 122, 123, 129, 130, 148, 149, 151–153, 156–160, 162, 193, 194, 222, 231, 271, 272, 276, 277, 281–283, 288–293, 300
- рукай 魯凱 24, 98, 134, 150, 152, 273, 298
- русские 21, 31, 37, 38, 44, 45, 210
- сайдэк 賽德克 77, 134, 150, 258
- сайсьят 賽夏 98, 99, 104, 134, 150
- сакидзайя 撒奇萊雅 150

- сирайя 西拉雅 75, 77, 104, 105, 129
- труку 太魯閣 150
- хакка (кэцзя) 客家 25, 26, 44, 56, 77, 131, 143–145, 164–168, 223, 274, 278–280, 282, 284, 285, 290, 294, 299–301
- ханьцы (хань жэнь) 漢人 44, 55, 105, 124, 128, 157, 178, 234, 270–272, 278, 291, 293, 299
- хлалау 拉阿魯哇 150
- хокло 福佬 (鶴佬) 131, 144, 164–166, 168, 223
- хуа цяо 華僑 (зарубежные этнические китайцы) 123, 132, 165, 221, 271
- цоу (тсоу) 鄒族 29, 32, 33, 34, 35, 63, 68, 95, 98, 99, 134, 150, 243, 244
- шаньбао 山胞 («горные соотечественники») 155, 231
- шао 邵 77, 150, 162
- шу фань 熟番 («окультуренные дикари») 97, 153, 292
- шэн фань 生番 («неокультуренные дикари») 97
- цалисен 澤利先 242
- юаньчжуминь 原住民 155, 231
- ями 雅美 96, 99, 113, 150, 152–154, 161, 162, 303
- японцы 22, 23, 26, 31–35, 40–45, 47–50, 53, 56–58, 64, 68, 78, 80, 83, 85, 94–96, 100–102, 108–110, 115, 119, 123, 137, 140, 141, 156, 185, 196, 215–220, 222, 238, 242, 286, 306

摘要
戈羅瓦喬夫 瓦連金 (劉宇衡)。
世界史學中的台灣族群政治史。17-21世紀

俄羅斯科學界對台灣的歷史研究不多，不全面，只是片斷的研究。台灣島歷史的許多方面和階段都還是《空白的》，而世界科學界卻在這方面已取得令人矚目的重大成就。上述情況也完全表現在對台灣族群史及族群政治的研究上。

與此同時，俄羅斯研究台灣史的經驗不為世界所知，在其中占的地位不夠和不相適應。只有最近15-20年來，在世界科學很快全球化的條件下，情況才有所好轉。此外，隨著國際學術交流的增長，越來越清楚地看到，如果沒有關注和積極使用俄羅斯的貢獻，那麼世界科學界對台灣史的現代研究今後也會是不完整的。

本書中研討了世界史學對十七 -- 二十一世紀的台灣族群史和族群政治研究的主要階段，特點和展望。本書首次較完整地回顧世界史學各主要的成分（西方的，日本的，台灣地區的和中國大陸的，等）。這些四百年來所積累的史學研究也包含與其有機配合的二百年來的俄羅斯的史學。

作者衷心感謝俄羅斯，台灣和中國大陸，日本和西方同行們所給予的十分寶貴，專業和友好的幫助。特別感謝作者敬請指正的李亦園院士（1931-2017）及劉克甫(M. V. Kriukov)教授，多年支持作者的俄羅斯科學院東方研究所（莫斯科），國家圖書館漢學研究中心（台北），中央院 (Academia Sinica) 台灣歷史，近代歷史，社會學，種族學等研究所，以及中國社會科學院近代史，種族學等研究所的同行們。

作者利用相關書寫和相關作者所奠定的基礎，才能編纂這本書。

Summary

The Taiwan history studies in Russia are quite weak, inconsistent and fragmentary, comparing to many other countries. Many important fields of the island's history are still unexplored in Russian historiography, while the rest academic world has the long time and very impressive expertise in exploration of these fields, including the studies on the Taiwan ethnic history and ethnic politics.

On the other hand, the Russian studies are barely known internationally and represented too insufficiently for the time being. While this situation has been improving gradually since the late 1990s and early 2000s, the fast globalization of academic exchanges makes it even more evident that the further progress would be really incomplete without the proper knowledge of the Russian contribution.

This book presents the evolution of the world historiography on the Ethno-Political History of Taiwan during the XVII–XXI c. The great achievements of all the main research domains, schools and traditions (Western, Japanese, Taiwanese and Chinese), accumulated during the four centuries of national, regional and global studies, are presented, for the first time ever, as the comprehensive, interrelated, integrated dynamic picture, that organically incorporates the 200 years old Russian historiography.

As an author of this volume I'd like to thank all my Russian, Taiwanese, Chinese, Japanese and Western colleagues for their valuable professional and friendly assistance. I'm particularly grateful to colleagues from the Institute of Oriental Studies (Moscow), National Central Library (Taipei), the Institute of Taiwan History, Institute of Modern History, Institute of Sociology and Institute of Ethnology (Academia Sinica), Institute of Modern History and Institute of Ethnology (CASS, Beijing). Late academician Li Yih-yuan is one of the most prominent scholars, who advised and inspired me to continue my studies.

Of course, this humble historiographic compilation would be impossible without the great centuries-old efforts of the venerable authors of all the works cited therein.

Научное издание
ГОЛОВАЧЁВ Валентин Цуньлиевич
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТАЙВАНЯ
В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (XVII–XXI вв.)

Ответственный редактор: *А. Д. Дикарёв*
Верстка: *А. Б. Дунаева*
Корректор: *Л. В. Хохлова*
Художники: *Е. Ю. Дриго, С. В. Поповский*

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 27.03.2018 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л.20,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 062.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, тел. 8 (499)270-73-59.
Заказ №